

В помощь учителю

«СЫНЫ ПРОТИВЛЕНИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Серия: история, литература

Нижний Новгород
2025

ББК 74в
УДК 2-12
С95

Научный редактор — протоиерей Сергей Гомаюнов
Редактор — М.А.Гришин

Авторы:

протоиерей Сергей Гомаюнов;
Балыбердина С.В., Година С.А., Кальманова Е.Ю., Косарева Т.М.,
Маринина Е.Г., Матвеевская Н.Г., Суздальцева Н.В., Шерстнева О.Г.

При поддержке
АНО «УК «Саровско-Дивеевский кластер»»

С 95

«Сыны противления» в отечественной истории. Серия:
история, литература / Нижний Новгород: Логос, 2025. —
152 с. — (В помощь учителю).

Сборник статей раскрывает в библейском контексте деятельность тех, кого называют «сынами противления». В школьных учебниках им уделяется много внимания, но не объясняется их духовная сущность.

Сборник предназначен для учителей истории и литературы, а также может быть полезен всем, интересующимся священной историей нашего Отечества.

ISBN 978-5-6051380-5-1

© АНО «ПЦ «Логос»», 2025 г.
© Технический редактор М. Гришин, 2025 г.

ВВЕДЕНИЕ

Тема настоящего сборника «“Сыны противления” в отечественной истории» является логическим продолжением предыдущего сборника — «Святые как движущая сила истории». С позиций исторической науки и святые, и их антиподы — равноправные участники исторического процесса. Однако, с точки зрения Священного Писания, это не так. История совершается через сынов Божиих. Их противники всегда и всеми силами старались возглавить историю и управлять ею, но Промыслом Божиим им этого не дано, хотя их активность в истории очень значительна. В школьных учебниках им посвящено немало страниц. Но кто они, каково их служение, почему им было позволено так много совершить, какова историческая перспектива достигнутых ими побед? На все эти вопросы авторы статей пытаются отвечать в рамках библейского подхода к пониманию отечественной истории.

Опорой в теме о «сынах противления» являются работы Е.А. Авдеенко, в которых он изложил понимание библейской историософии. После изгнания из рая человечество отправилось в путь, чтобы найти себя во всемирной истории без Бога. Уже в начале всемирной истории оформились два богоборческих движения, которые Е.А. Авдеенко называет «Каин» и «Вавилон» [1]. Они совпадают по цели: отречься от образа Божия в себе, сделать себе имя. Имя человеку «человек» дал Бог в день его творения. То, что называет Бог, человеку не подвластно. Человек не властен над своей природой, он не может её изменить, но он постоянно будет хотеть это сделать. Человек помыслит себя высшей ценностью бытия, назовётся кузнецом собственного счастья, мастером социальных отношений, будет думать, что это он творец истории, и его верой станет вера в прогресс. «Каин» как путь богоборчества и «Вавилон» как путь ложного христианина нашли своё место и в отечественной истории. Рассмотрение этих путей является предметом статей данного сборника.

Работа над темой о «сынах противления» объединила преподавателей двух дисциплин — истории и литературы. Это позволило взглянуть на литературу не только как на часть культуры, но и как на важнейший исторический источник, которым историки обычно не пользуются. Деятельность «сынов противления» не может быть

постигнута без их духовной характеристики. Литература помогает описать духовный тип «сынов противления» глубже и точнее, чем это делают привычные источники, на которые ссылаются историки. Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, И.Г. Эренбург, И.С. Шмелёв, И.А. Бунин, А.П. Платонов открывают нам внутренний мир «сынов противления», который те долгое время скрывали под маской борцов за счастье народа, поборников прогресса, романтиков свободы и так далее.

Сборник адресован в первую очередь преподавателям отечественной истории и литературы. Материал статей соотносится с соответствующими темами школьных учебников, что облегчает их использование в учебном процессе.

протоиерей Сергей Гомаюнов

Литература

1. Об этом см.: Авдеенко Е.А. Тема «Каин» в современном мире. — М., 2014; Авдеенко Е.А. Книга Бытия: Генезис и Берешит. — М., 2019. — Т. 2.

Библейское понятие «сыны противления»

Библия от первой своей книги — Книги Бытия и до последней — Откровения Иоанна Богослова есть Книга Священной истории. Священная история указывает направление, цель и смысл всемирной истории, открывает нам её законы. Говоря о движущих силах истории, Священное Писание учит тому, что история совершается относительно Церкви. Но в истории есть те, кто движущими силами её не являются, хотя и участвуют в ней очень активно. Более того, они всегда претендовали и будут претендовать на то, что именно им и надлежит называться движущими силами истории, потому что в их руках разнообразная власть, возможности. Они хотят подчинить себе историческое время. Священное Писание называет их «сынами противления».

Роль «сынов противления» в отечественной истории очень значима. Есть евангельский критерий, по которому следует оценивать результативность всякого действия: «По плодам узнаете их» (Мф. 7:16). Одним из самых значимых плодов усилий сынов противления в отечественной истории стала революция 1917 года. Масштаб катастрофы, постигшей Россию, заставляет искать глубинные причины произошедшего, не сводя их, как это было принято в советской историографии, к причинам социально-экономического и политического характера.

Недавно вышло в свет исследование митрополита Тихона (Шевкунова), посвящённое событиям февраля 1917 года [1]. Значительная часть книги посвящена развенчанию мифа о том, что революция стала неизбежной из-за бедственного положения страны, которое якобы всё более усугублялось. Опираясь на широкий круг архивных и опубликованных источников и имеющуюся по данной проблеме историографию, автор убедительно показывает, что Россия в начале XX века находилась на подъёме, имела серьёзные перспективы дальнейшего развития. И даже тяжёлая ситуация, связанная с вовлечением в Первую мировую войну, не привела к тому, чтобы с неизбежностью произошло обрушение государства. Более того, к 1917 году удалось переломить негативные тенденции и надеяться на скорое победоносное завершение войны.

Почему же тогда обрушение произошло? Причём произошло настолько стремительно, что это дало повод В.В. Розанову, свидетелю тех событий, с удивлением и некоторым горьким сарказмом констатировать: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. Даже “Новое Время” нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая “Великого переселения народов”. Там была — эпоха, “два или три века”. Здесь — три дня, кажется, даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего. Остался подлый народ, из коих вот один, старик лет 60 “и такой серьезный”, Новгородской губернии, выразился: “Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть”. То есть не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо по-русски вырезывать из его кожи ленточка за ленточкой.

И что ему царь сделал, этому “серьезному мужичку”.

Вот и Достоевский...

Вот тебе и Толстой, и Алпатыч, и “Война и мир”» [2].

На этот вопрос «почему?» митрополит Тихон даёт ответ в конце своего исследования: «Выбор своего будущего был сделан народом, объатым смертельной эпидемией, парализующей Богоданную способность духовного отличения добра от зла. Над народом десятилетиями трудилось “российское передовое общество” при попустительстве церковной и светской власти» [3]. Именно так — «российское передовое общество» — представляли себя «сыны противления», долгое время погружавшие народ в болезненное состояние духа, что и привело в итоге к революционной катастрофе. Кто же они, «сыны противления»? Какими их знает Священное Писание?

«Сыновство» — одно из самых значительных библейских понятий. По словам Е.А. Авдеенко, «самые близкие отношения в духе на символическом языке Библии выражаются через сыновство» [4]. Не только отношения по плоти, но и отношения в духе. Сначала в Писании мы встречаем тех, кто назван «сынами Божиими» (Быт. 6:1) — это род Адама через Сифа и его сына Еноса. О них и их потомках сказано: «Тогда начали призывать имя Господа Бога» (Быт. 4:26).

Наряду с «сынами Божиими» среди потомков Адама появляются те, кто сознательно отрекается от родства с отцом по плоти Адамом

и от духовного родства с Отцом Небесным. Их-то и называет Писание «сынами противления». Чьи же они сыны?

О них неоднократно говорит апостол Павел. В послании к ефессянам он напоминает христианам из язычников, что они были некогда мёртвыми по преступлениям, жили по обычаю мира сего, «по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления» (Еф. 2:1-2). Апостол предостерегает христиан, чтобы они не поддавались обольщению, пустым словам, которые противоречат слову Божию, «ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления; итак, не будьте их сообщниками» (Еф. 5:6-7).

Святитель Феофан Затворник, комментируя мысль апостола, разъясняет, кто такие «сыны противления». В его толковании, несомненно, отражается и наблюдение о духовном состоянии современного ему русского общества.

«Сыны противления — упорные противники Евангельской истине. Слово “сын”, в связи с добродетелию или пороком, означает человека, преданного той добродетели или пороку, чтоб означить, что он преисполнен тем или другою, как о сыне говорят: вылитый отец. Сатана есть противник Богу, всякой истине и всякому добру. И те, кои противятся истине Евангельской, сыны его суть, как упорные противники, подобно самому сатане. Греческое слово “απειθείας” значит “сыны неубеждённости”, которых ничем не победишь. Что им ни говори, они упорно противостоят всякому убеждению и всякой очевидности. Но неубеждение в одном предполагает противоубеждение в другом. Потому хотя слово духа, действующего в сынах противления, указывает на воздействия совне, тут, однако же, ничего нет приневоливающего. Но сатана предлагает, склоняет, убеждает. Те соглашаются и стоят на своем... и вышел дух противления. Святой Златоуст говорит: “Видишь ли, что не насильно, не тирански как-нибудь, но чрез убеждение он привлекает к себе? Указывая на противление (απειθεία), Апостол как бы хочет сказать (по противоположности), что диавол увлекает всех лестью и убеждением”» [5].

Здесь нам важно увидеть, что у идейной базы «сынов противления» есть духовный источник: они сыны своего духовного отца. Принимая его внушения и утверждаясь в них, «сыны противления» затем облекали их в словесную одежду теорий, которые подавались как передовое учение, передовое по отношению к традиционному,

основанному на православной вере мировоззрению. Духовный источник проявлял себя и в том, о чём говорили «сыны противления», и в том, как они говорили. В библейском повествовании о грехопадении рассказывается, что с искушителем-змеем разговаривала только жена Адама. Она приняла предложение о вкушении от древа ведения доброго и лукавого, затем «дала также мужу своему, и он ел» (Быт. 3:6). Чем же жена привлекла Адама на совместный грех? Сам Господь сказал об этом Адаму: «Ты послушал голоса жены твоей» (Быт. 3:17). С Адамом через голос согрешившей жены разговаривал тот самый змей. И через «сынов противления» говорил он же.

Церкви дано распознавать его обращение. Но с обществом, которое призвано быть Церковью, может случиться страшная болезнь: духовная слепота. На неё, как на свершившийся факт, и указывает митрополит Тихон: русский народ был объят «смертельной эпидемией, парализующей Богоданную способность духовного отличения добра от зла».

Е.А. Авдеенко, давая духовную характеристику первым в истории человечества «сынам противления» — каинитянам — отмечал, что какая-то их часть всегда будет находиться непосредственно рядом с Церковью. Их нельзя задобрить, от них нельзя отгородиться, их ничем нельзя отпугнуть от Церкви [6].

История совершается через Церковь. Церковь не от мира сего, но пребывает в мире сем и, в силу этого, неизбежно испытывает его влияние. Образом Церкви является Ноев ковчег. Он был погружён в воды потопа ровно настолько, чтобы не утонуть, и возвышался над ними всей основной частью. Так и Церковь безопасно пребывает в мире сем до тех пор, пока не погружается в него полностью. «Сыны противления», находясь всегда рядом с Церковью, не оставляют попыток повлиять на её духовную жизнь и лишить её непотопляемости. Знание того, как складываются взаимоотношения Церкви и «сынов противления», открывает нам смысл многих исторических событий, в том числе помогает понять глубинные причины революционной катастрофы 1917 года.

В Книге Бытия рассказывается о том, как Аврам приносил в жертву рассечённых животных. Полное таинственной глубины, это действие стало заключением завета между Аврамом и Богом, указывающим на спасительную Голгофскую жертву Иисуса Христа.

Жертвоприношение сопровождалось откровением, данным Богом Авраму о всемирной истории: «В четвертом роде возвратятся они (потомки Аврама) сюда: ибо мера беззаконий Amorреев ещё не исполнилась» (Быт. 15:16).

Святые отцы усматривают здесь многослойное пророчество. Во-первых, пророчество о четырёхсотлетнем пребывании евреев в египетском рабстве и последующем возвращении их в Землю обетованную. Но слова «мера беззаконий Amorреев» говорят уже и о действии некоего закона всемирной истории на всём её протяжении.

Аморреи — одно из ханаанских племён, населявших землю, обещанную Богом Авраму и его потомкам. Но в данном пророчестве «Аморрей» — имя нарицательное. Оно связано с нарастающим действием сил зла в истории, постепенным наполнением некоей меры беззакония. Исполненная мера называется «*шалем авон*», полная вина. Именно в среде, которая символически названа «Аморрей», грех может достигнуть состояния «*шалем авон*» — полной вины. Тогда наступает время суда и наказания Божия.

Пространное размышление над этим пророчеством дал свт. Филарет (Дроздов). И у него, так же, как и у свт. Феофана Затворника, ощущается соотнесение Священного Писания с российской действительностью.

«Но что есть *наполнение меры беззаконий* какого либо народа? ... Дабы получить некоторое понятие о сем, можно взять в помощь нередко употребляемое в слове Божиим сравнение состояния греховного с состоянием болезненным. Доколе положительное начало жизни в теле превозмогает над отрицательным началом смерти и разрушения, дотоле жизнь продолжается и при болезни, в противном случае должна последовать смерть. Так в народе, доколе начала жизни духовной и нравственной противоборствуют еще распространяющимся началам нечестия и разврата, дотоле греховная болезнь его еще не к смерти, и время долготерпения Божия к нему продолжается; но когда разрушительные начала нечестия и разврата берут решительный перевес в целом и частях особенно тех, которые дают направление и другим, тогда последует: преумножение беззакония, возрастающее непрестанно, быстро и неудержимо; по нисшествии во глубину зол нерадение или крайнее невнимание к действиям Божества, заграждающее все пути животворных влияний благодати; наконец, при воздействии противных сил совершенное общества или

народа разрушение, как тела без души или дерева без питательного сока. Из сих первое называть можно наполнением меры беззакония, второе — оставлением от Бога, третье — судом или наказанием Божиим» [7].

Попытаемся найти в русской истории эти три стадии нарастания беззакония, связанные с деятельностью «сынов противления», которые описал свт. Филарет. Священная история показывает, что «сыны противления» находятся рядом с Церковью всегда. Русский народ был призван стать Церковью в Крещении Руси. И мы видим, что и в нашей истории «сыны противления» появляются с самого начала: Святополк Окаянный в начале XI в., убийство блгв. вел. кн. Андрея Боголюбского в XII в., ересь жидовствующих конца XV — начала XVI в., Смутное время начала XVII в., церковные реформы Петра I и его кощунства в отношении Церкви в начале XVIII в., увлечение русским обществом во второй половине XVIII в. идеями французского Просвещения, подготовившими Великую Французскую революцию... На поверхности жизни действия «сынов противления» проявлялись как будто спонтанно, время от времени, волнами, становясь всё более заметной силой. Но в народе, как отметил свт. Филарет, до определённого момента положительное начало жизни превозмогало отрицательное начало смерти и разрушения, жизнь при болезни продолжалась, продолжалось долготерпение Божие.

В XIX в. болезнь перешла в новую стадию. Для неё характерны два симптома. Во-первых, делаются попытки, начиная с восстания декабристов, практически реализовать идеи революции. В этом деле последовательно пробуют себя разные слои общества: дворянство, разночинцы, рабочие. Накапливается опыт пропаганды, создания революционных организаций, использования различных форм борьбы от «хождения в народ» до террора.

Во-вторых, расширяющаяся практика революционного движения была бы невозможна без той огромной по масштабу и усилиям работы, которую произвели «сыны противления» в сознании русского общества. Они попытались взломать цивилизационный код русской цивилизации, совершить переворот в самой чувствительной сфере для существования России — сфере идеалов и ценностей, то есть там, где формируется историческое целеполагание, даются ответы на вопросы: кто мы в истории, каково наше призвание, к чему должны стремиться? Они захотели подчинить себе историческое время,

назвав наступившую эпоху «нашим», то есть их, временем, которому нужны новые герои, «герои *нашего* времени».

Поскольку прежние идеалы русского общества были приняты нами от Крещения Руси, новые идеалы не могли быть иными, кроме как антихристианскими. Но подавались они как передовые, современные, соответствующие идеалам прогрессивного человечества. Духовные последователи Каина надели маски романтиков, страдальцев за светлое счастливое будущее в борьбе против средневекового мракобесия Церкви и самодержавия.

Настал горестный период нашей истории, ибо ещё через пророка Исаию Господь вынес приговор переворотчикам народного сознания: «Горе тем, которые зло называют добром, и добро — злом, тьму почитают светом, и свет — тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое — горьким!» (Ис. 5:20). Горе тем, кто научает такому, горе и тем, кто принимает это учение и следует ему.

Свт.Филарет особо обращает внимание на активизацию деятельности тех сил, которые задают направление другим. В XIX в. огромное влияние на сознание общества стали оказывать средства массовой информации: журналы и газеты. Важное место отводилось системе образования, через которую в сознание молодёжи внедрялось то, что называли открытиями современной науки, и неудивительно, что все эти открытия согласно утверждали: Бога нет. Свою роль сыграли «передовая» литература и искусство.

Были в России те, кто, как и свт. Филарет, ощущали «дух времени» и называли всё своими именами: Н.В. Гоголь, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, свт. Феофан Затворник, прав. Иоанн Кронштадтский и другие. Но не их голоса определяли направление изменения общественного сознания. «Сыны противления» постепенно брали верх в борьбе за умы и сердца народа. Поэтому вторая стадия болезни неизбежно привела к третьей. В 1917 году Россию постигли суд и наказание Божие. Исполнилась мера беззакония — «*шалем авон*» нашего народа.

Говоря о революции, митрополит Тихон (Шевкунов) отметил: «Есть духовный закон, его знают те, кто читает Псалтирь: “Даст тебе Господь по сердцу твоему и все намерения твои да исполнит” (Пс. 19:5). Бывает, и совсем нередко, что человек лихорадочно жаждет того, что совсем не принесёт ему добра. Прекрасно предупреждал об этом великий знаток подобных обстоятельств А.С. Пушкин:

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья...

А ведь иногда такому нестерпимому губительному порыву бывает подвержен не человек, а целый народ.

В этом случае Господь всячески предупреждает, отвращает от пагубного пути: подсказывает через опытных мудрых людей, через особые события и обстоятельства жизни раз за разом удерживает от рокового шага. Но если и это безуспешно... Здесь, как ни удивительно, также действует тот же Божественный закон: «Даст тебе Господь по сердцу твоему».

Если человек или народ непреклонно упорствует перед Богом, не отступая от пагубного намерения, не желая услышать любви Божией, — тогда Господь не отнимает свободу ни у человека, ни у народа. Бог на время отходит в сторону. И даёт случиться тому, что человеку или народу — по сердцу» [8].

Никакие исторические источники не могут дать полное представление о том, что собою представляло сердце русского народа, когда его постигла революционная катастрофа. Мы видим результат исполнения меры беззакония — суд и наказание Божие, понимаем, что наказание соответствует мере вины. Для того, чтобы заглянуть в глубину сердца народа, призванного на суд Божий, обратимся к Священному Писанию, как это делал свт. Николай Сербский, осмысливая трагические страницы истории сербского народа: «Читайте Библию, чтобы на мрачном пути людских судеб иметь свечу в руках» [9]. И всё, что он писал о духовных причинах провалов сербского народа, полностью относится и к нам.

На вопрос «почему?» свт. Николай находит ответы в книге пророка Иеремии. Иеремия жил в VII-VI веках до Рождества Христова. Это были тёмные годы, предшествовавшие гибели Иудеи и уводу евреев в вавилонский плен. Иеремия пророчествовал народу, уклоняющемуся от Бога и не слушающемуся Его. Он говорил и плакал, так как понимал, что настало время суда и наказания.

Вот в чём главная вина народа перед Богом: «Два зла сделал народ Мой: Меня, источника воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды» (Иер. 2:13). Свт. Николай поясняет: «Пастыри и старейшины народные оставили Христа Бога, как вечно свежий и здоровый источник веры, и начали, по

примеру еретических и безбожных народов, копать сухие колодцы и собирать дождевую воду. Сухие колодцы они называли культурой и цивилизацией, или наукой, или модернизмом, или прогрессом, или спортом и так далее. Отвергли мы Христа, поэтому были отвергнуты Христом» [10]. Здесь «диавол — советчик, грех — землекоп, а ложная надежда — водонос» [11].

Сколько раз взывал Господь к народу Своему: «Остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему. И найдете покой душам вашим. Но они сказали: “Не пойдем”. И поставил Я стражей над вами, сказав: “Слушайте звука трубы”. Но они сказали: “Не будем слушать”» (Иер. 6:16-17). И тогда остается последнее: «Слушай, земля: вот, Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их; ибо они слов Моих не слушали и закон Мой отвергли» (Иер. 6:19). Буди тебе по сердцу твоему.

Один из современных подвижников, переживших времена богоборчества, сказал: «Когда народ теряет способность оценивать благо, тогда его мучения становятся невыносимыми» [12]. Наказание становится неизбежным. Господь говорит через пророка: «Вот, Я накормлю их, этот народ, полынью, и напою их водою с желчью» (Иер. 9:15). Перед лицом такого наказания и во времена Иеремии, и в наше время у многих возникал вопрос: «Но не все же в народе согрешили, были ведь и праведники. Неужели ради них Господь не мог помиловать всех остальных?»

Свт. Николай Сербский на это недоумение отвечал: «Напрасно говорить: мол, не весь наш народ был таким. Действительно, не весь. Но израильтяне тоже не все блудодействовали с женами мадианитянскими, однако гибель пришла на весь народ, и умерших от поражения было двадцать четыре тысячи (Чис. 25). Нужен ещё пример? Когда Иисус Навин осваивал землю обетованную, один-единственный человек согрешил возле Иерихона, утаив некоторые вещи из добычи, но из-за его преступления за один день погибло три тысячи воинов (Нав. 7)...

И разве не читали вы о том, как чуть не погиб корабль со всеми спутниками из-за преступления одного единственного человека — пророка Ионы? Так стоит ли удивляться, что корабль нашего государства утонул из-за тысячи грешников, согрешивших более тяжко, чем пророк Иона.

Не надо напоминать мне о Содоме и о слове Господнем, которое было сказано праведному Аврааму. Когда Авраам спросил Господа, разрушит ли Он здешний Содом, если в нём найдётся хотя бы десять праведников, Господь ответил ему, что не разрушит, а сохранит весь город ради этих десяти праведников. Вы скажете, что в народе сербском было больше десяти праведников — так почему же нас Господь не пощадил? Это слова искусительные. Как будто вам неизвестно, что Содом — город язычников, не знавших Единого Бога, как знал Его народ Израиля, и что он не был крещён во имя Святой Троицы, не был причащён Кровью Христовой, как народ сербский. Разница — как между Небом и землёй. Посему Тот, Кто судит по правде, хотел пощадить Содом ради десяти праведников, однако не пожелал уберечь ни израильтян ради десяти тысяч, ни сербов ради сотни тысяч праведных душ. Ведь содомляне вообще не знали Единого Истинного Бога, явленного миру в Лике Господа Иисуса Христа. *По мере познания Бога изменяется и степень наказания.*

Так что давайте не будем предъявлять иск Богу, а в искреннем признании и сокрушенном покаянии воскликнем: “Справедлив Ты, Господи Боже наш, и поступил Ты справедливо, когда нас сербов, накормил полынью и напоил желчью... Многие забыли Тебя, Бога отцов наших, Бога святых царей наших и патриархов, и постников, и молитвенников, и страдальцев, и мучеников, пойдя на поводу у помыслов и устремлений сердца своего, умерщвленного телесными страданиями и сатанинскими иллюзиями. Поэтому, дав нам съесть полное блюдо полыни и выпить полную чашу желчи, справедливо поступил Ты, Господи Славный и Страшный» [13].

Были тогда святые люди среди иудеев, были и в сербском народе, были они и в народе русском. Они молились за народ. Но когда беззаконие достигает меры «шалем авон», молитвы святых за народ Бог не принимает. «И сказал мне Господь: хотя бы предстали пред лицо Мое Моисей и Самуил, душа Моя не преклонится к народу сему, отгони их от лица Моего, пусть они отойдут» (Иер. 15:1). Упоминание Моисея и Самуила здесь неслучайно. Моисей, будучи ходатаем за народ, отвратил от него гнев Божий (Исх. 32:9-14; Чис. 14:11-20, Втор. 9:18-20, 25-29). И Самуил своим вмешательством привёл к поражению врагов и также отвратил от иудеев наказание Божие (1Цар. 7:5-11; 12:10-25). Но сейчас не так. Бог говорит Иеремии:

«Ты же не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошения, и не ходатайствуй предо Мною, ибо Я не услышу тебя... Я устал миловать» (Иер. 7:16; 15:6).

Святым этого времени суждено идти туда, куда пойдёт весь народ — под власть «сынов противления» — и разделить общую судьбу: «Если же скажут тебе: “куда нам идти?”, то скажи им: так говорит Господь: кто обречен на смерть, иди на смерть; и кто под меч, — под меч; и кто на голод, — на голод; и кто в плен, — в плен» (Иер. 15:2). Святые примут на себя подвиг исповедничества и мученичества, и уже как исповедники и мученики помогут народу обрести покаяние и будут просить у Господа помилования. «А теперь, Господи, сокрушенно молим Тебя, чтобы пощадил оставшийся Твой народ, чтобы не насмехались и над нами, и над Тобой еретики и безбожники... Из Твоих рук, Господи Святой, примем опять и полынь, и желчь. Но не отдавай нас в руки людей» [14].

В Священном Писании есть понятие «искушение от Бога». Бог искушает, то есть испытывает человека или народ, чтобы открылось всё, что у него в сердце (ср.: 2Пар. 32:31). Сынам противления в истории попускается от Господа действовать против народа, носящего в себе Церковь, чтобы выявилось: станет ли он «держаться пути Господня и ходить по нему, как держались отцы их, или нет?» (Суд. 2:22). Сыны противления могут одерживать победы, но они всегда будут временными, потому что не они движущая сила истории. Через них лишь совершается Промысл Божий, который всегда благой и направлен на спасение Своего народа, даже если для этого потребуется самое горькое лекарство и самое суровое наказание. Исцеление от смертельной болезни совершается через покаяние и возвращение на путь отцов, которые вступили в заветные отношения с Богом и заповедовали нам держаться этого пути.

Помнить уроки истории и понимать их глубинный смысл есть исполнение заповеди: «Помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой,.. чтобы испытать (искусить) тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет... И знай в сердце твоём, что Господь, Бог твой учит тебя, как человек учит сына своего. Итак, храни заповеди Господа, Бога твоего, ходя путями Его и боясь Его» (Втор. 8:2,5-6). Цена невыученных уроков — смерть народа в истории, потому что или народ с Богом, или народа нет. Отчасти нельзя. Не дано.

Литература

1. Митрополит Тихон (Шевкунов). Гибель империи. Российский урок. — М., 2024.
2. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени // <https://vehi.net/rozanov/apokal.html>
3. Митрополит Тихон (Шевкунов). Указ. соч., с. 358-359.
4. Авдеенко Е.А. Книга Бытия. Генезис и Берешит. — М., 2019. — Т. 2. — С. 377.
5. Послание святого апостола Павла к ефесянам, истолкованное святителем Феофаном // https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/tolkovanie-na-poslanie-k-efesjanam/
6. Авдеенко Е.А. Тема «Каин» в современном мире. — М., 2014. — С. 46.
7. Свт. Филарет (Дроздов) Толкование на Книгу Бытия. — М., 1867. — С. 302-303.
8. Митрополит Тихон (Шевкунов). Указ. соч., с. 353-354.
9. Святитель Николай Сербский. Из окна темницы. — Мн., 2005. — С. 47.
10. Там же, с. 56.
11. Творения святителя Николая Сербского (Велемировича). Охридский пролог. Апрель-май-июнь. — М., 2008. — С. 157.
12. Монахиня Евфимия. Диадема старца Гавриила. — М., 2017. — С. 69.
13. Свт. Николай Сербский. Из окна темницы. — С. 23-26.
14. Там же, с. 27.

С.А. Година

**Дух революции:
стихотворение Ф.И. Тютчева «Наш век»**

Методические рекомендации:

Материал, приведенный ниже, может быть использован на уроках литературы и истории. Знакомство со статьей Ф.И. Тютчева «Россия и революция» или отдельными ее фрагментами и стихотворением «Наш век» может стать поводом для разговора о духовном состоянии человека в революционную эпоху. В рамках школьного курса литературы возможно рассмотрение данного материала в 9, 10 и 11 классах на уроках, посвященных творчеству Ф.И. Тютчева (философская лирика Ф.И. Тютчева). Если учитель рассматривает тему «сыны противления» на материале произведений М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», И.С. Тургенева «Отцы и дети», Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», также возможен разговор о духовном состоянии героев произведения, о состоянии общества, современного автору. При дополнительном изучении в рамках школьных уроков литературы произведений о русской революции и Гражданской войне (для школ с углубленным изучением литературы) также возможен анализ стихотворения Ф.И. Тютчева и знакомство с его статьей. На уроках истории разговор о статье и стихотворении Ф.И. Тютчева возможен в 9 классе («Революционные движения в Европе») и в 10 классе (темы, связанные с революцией в России, социальными и культурными причинами революции). Кроме того, возможно проведение интегрированных уроков литературы и истории по названным выше темам.

Ф.И. Тютчев родился в 1803 году в селе Овстуг Брянской губернии. Получил блестящее домашнее образование, продолжил обучение в Московском университете. Поэт отнюдь не отличался усердием в годы учебы, однако, благодаря чрезвычайной одаренности, превосходил своих сокурсников. В 1822 году поэт получает место в русской дипломатической миссии в Баварии, уезжает туда на долгих 22 года и почти треть жизни проводит за границей (возвращается лишь

1844 году). Связь с Россией в это время не теряется: поэт внимательно наблюдает за всем, что происходит на Родине, читает всю основную периодику, состоит в переписке с близкими людьми, оставшимися на Родине. Этот факт биографии поэта принципиально важен для нас: оставаясь русским поэтом-философом, русским человеком, Тютчев был долгое время оторван от России. При этом Россия всегда была предметом внимания и интереса поэта, однако на события, происходящие в ней, поэт имел возможность смотреть через призму европейских событий. В эссеистике и лирике Тютчев анализирует взаимосвязь духовной, социальной и политической жизни России и Европы, задумывается о возникновении и развитии революционных настроений, о причинах революций.

В 1848 году выходит статья Ф.И. Тютчева «Россия и революция». Революционные настроения, охватившие тогда мир, не могли не беспокоить поэта. Тютчев старается проникнуть в глубинную суть революции, понять, в чем ее истинные причины. По мнению Тютчева, Россия призвана стать той силой, которая будет революции противостоять: «Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой, и, быть может, завтра они вступят в борьбу». Откуда берется эта противопоставленность? Тютчев считает, что революция по своей природе — это явление абсолютно антихристианское, русский же народ сумел сохранить то, что было потеряно остальными европейскими странами — истинно христианскую сущность: «Русский народ — христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более задушевному, чем убеждения. Он — христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы». Если Европа видится поэту «цивилизацией, убивающей себя собственными руками», то Россия призвана сохранить себя среди крушения остальных государств. Единственным возможным методом «борьбы» с революцией Тютчев видит сохранение человеческой и христианской сущности, противопоставленной антихристианскому революционному настрою: «Революция — прежде всего враг христианства! Антихристианское настроение есть душа революции; это её особенный, отличительный характер. Те видоизменения, которым она последовательно подвергалась, те лозунги, которые она попеременно усваивала, всё,

даже её насилия и преступления были второстепенны и случайны; но одно, что в ней не таково, это именно антихристианское настроение, её вдохновляющее, и оно-то (нельзя в том не сознаться) доставило ей это грозное господство над вселенною. Тот, кто этого не понимает, не более как слепец, присутствующий при зрелище, которое мир ему представляет. Человеческое я, желая зависеть лишь от самого себя, не признавая и не принимая другого закона, кроме собственного изволения, словом, человеческое я, заменяя собою Бога, конечно, не составляет еще чего-либо нового среди людей; но таковым сделалось самовластие человеческого я, возведенное в политическое и общественное право и стремящееся, в силу этого права, овладеть обществом».

Таким образом, в статье «Россия и Революция» Ф.И. Тютчев показывает, что глубинную, истинную суть революции составляет ее антихристианское настроение. Говоря о мировых революциях, мы находим для них множество причин: социальных, политических, экономических. Все эти причины имеют место быть, к революционным переворотам, действительно, приводит множество факторов, однако ни один из этих факторов не объясняет ту нечеловеческую, лишенную какой-либо рациональности жестокость, которая всегда сопровождает революции. Дух революции, согласно Тютчеву — это сопротивление человека Богу, дух не только антихристианский, но и античеловеческий: отвергая Бога, человек становится способным на любую жестокость.

Это отвержение человеком Бога происходит не сразу, а в несколько этапов. Описание этих этапов — шагов человека, удаляющегося от Бога — мы можем найти еще в Ветхом Завете. Е.А. Авдеенко говорит о них, рассматривая убийство Каином Авеля. Жертвоприношение Каина показывает, что у него есть та часть души, куда он не пускает Бога. Господь не принимает жертву Каина, и первое, что рождается в его сердце, — это гнев на Бога. Жертва отвергнута, и в этом, в глазах Каина, виноват Бог. И после Каину становится «печально весьма» (Быт. 4:5), однако печаль эта — не печаль от Бога, это сочиненная самим Каином мировая скорбь, мировая тоска. Источник этой скорби сам Каин, и в центре его картины мира он сам, но не Господь (вспомним слова Ф.И. Тютчева о *«человеческом я, заменяющем собой Бога»*). Далее мы читаем: «и поникло лице его» (Быт. 4:5), Каин поникает лицом, все помыслы его обращаются к земному, это

«обратившаяся в землю воля, оторвавшаяся от небес». Следующим шагом становится ложь Господу, затем — убийство. На примере Каина мы можем проследить путь сознательного ухода человека от Бога, сопротивления Ему. Отвергая Бога, человек остается в беспросветном одиночестве, погружается в темноту тоски, однако не стремится вернуться к Богу, обвиняя Его же в своей скорби.

Причины русской революции 1917 года стоит искать не только в событиях начала двадцатого и конца девятнадцатого века. Точно так же, как уход человека от Бога совершается не одномоментно, возникновение революционных настроений — это то, к чему народ идет в течение длительного времени, приходит в несколько этапов. Протоиерей Сергей Гомаюнов в статье «Библейское понятие “сыны противления”» пишет: «Масштаб катастрофы, постигшей Россию, заставляет искать глубинные причины произошедшего, не сводя их, как это было принято в советской историографии, к причинам социально-экономического и политического характера» [2]. Именно поэтому и мы обращаемся к произведениям Ф.И. Тютчева, созданным за 70 лет до событий революции. Поэт вглядывается в душу современного ему человека, в те изменения, которые происходят в человеке и становятся предпосылками революции еще задолго до нее.

В 1851 году — через несколько лет после выхода статьи «Революция и Россия» — Ф.И. Тютчевым было написано стихотворение «Наш век». Обратимся к тексту стихотворения:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит.

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!...»

Стихотворение начинается с описания некоего особого состояния: «не плоть, а дух растлился в наши дни». Описывается то, что является невозможным: дух человека не может быть подвержен тлению, он не является чем-то материальным, и, соответственно, физические процессы с ним происходить не могут. Здесь стоит обратить внимание на то, что глагол «*растлить*» в современном языке употребляется в ином значении. В словаре же В.И. Даля, созданном в XIX веке, приводится следующее толкование: «обратить в тлю, в тление, в прах, в ничто; сгубить, уничтожить; исказить, извратить; поругать. осквернить, кощунствовать. *Моль растлила одежду. Человечество растлено самотностью и киченьем. Растлить святыню*». У Тютчева мы также видим употребление глагола в устаревшем значении: «дух растлился» — дух искажен, поруган, осквернен, обращен в ничто. Дух оказывается прикованным к земле (вспомним Каина с его поникшим лицом), нарушается изначальное устройство человека, дух тлеет. В человеке нарушается что-то невероятно важное, и это становится причиной беспросветной, невыносимой тоски: «и человек отчаянно тоскует.../ Он к свету рвется из ночной тени/ И, свет обретши, ропщет и бунтует». Тоска поглощает человека и становится безвыходной для него: человек рвется к свету, однако, когда достигает его, не находит покоя, его преследует все та же тоска, становясь для него причиной ропота и бунта. Человек сам выбирает эту тоску и одиночество без Бога, а потом, несмотря на все мучения, уже не может от нее освободиться.

Иссушенный безверием, человек «невыносимое выносит», то, что происходит с ним, по своей сути является для него противоестественным, он не может этого вынести, да и не должен выносить. Человек не находится в неведении, он «сознает свою гибель», отдает себе отчет в происходящем с ним. Он «ведает, что творит» и сознательно ничего не меняет.

Главной причиной страданий для человека становится отсутствие веры, отсутствие Бога в его жизни. Потерянный, тоскующий человек «жаждет веры», но не просит о ней. Этому посвящено последнее четверостишие стихотворения: здесь мы видим «перевернутую» отсылку к Евангелию. Поэт напоминает нам слова евангельского отца, просящего Христа об исцелении своего бесноватого сына: «Верую, Господи! Помоги моему неверию» (Мк. 9:24). Но у Тютчева человек так и не может обратиться к Господу с этими словами: «Не

скажет ввек, с молитвой и слезой, /Как ни скорбит перед замкнутой дверью:/ “Впусти меня! — Я верю, Боже мой!/ Приди на помощь моему неверью!..”»).

Е.А. Авдеенко на примере Каина показал, как происходит последовательный уход человека от Бога. Всё это мы видим в стихотворении Ф.И. Тютчева: человек обращает свое лицо к земле, испытывает невыносимую для него тоску, но не может обратиться к Богу, напротив, сознательно отвергает Его. Это отвержение человеком Бога становится для самого же человека величайшей трагедией и разрушением. Поэт в стихотворении ставит своему веку своеобразный духовный диагноз, этот диагноз — отвержение человеком Бога. Стихотворение «Наш век» невозможно рассматривать отдельно от эссеистики Тютчева этого периода, именно она (статьи «Россия и революция», «Россия и Запад» и другие) становится ключом к пониманию стихотворения. Поэта волнует состояние общества, пронизанного духом революции, который является антихристианским по своей природе. Революция не может свершиться без переворота человеческого сознания, без ухода человека от Бога.

Литература

1. Авдеенко Е.А. Тема «Каин» в современном мире. — М., 2014.
2. Гомаюнов Сергей, прот. Библейское понятие «сыны противления» // настоящий сборник, С. 5-16.
3. Кожин В.В. Пророк в своем отечестве. — Рыбинск, 2023.
4. прот. Андрей Ткачев. Беседа о сегодняшнем мире на примере стихотворения Ф. Тютчева «Наш век». — <https://azbyka.ru/fiction/nash-vek-tyutchev-fedor/>
5. Тютчев Ф.И. Россия и революция. — <https://ftutchev.ru/publ0012.html>

**Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?»
как новое «евангелие» сынов противления**

Роману «Что делать?» Н.Г. Чернышевского в современном школьном курсе по литературе уделено очень скромное внимание. В федеральной рабочей программе по предмету «Литература. 10-11 классы» (базовый уровень) творчество этого писателя не предлагается для изучения, а в программе углубленного уровня роман «Что делать?» дан для обзорного изучения — главы по выбору [1]. Многие читатели и литературоведы и вовсе отказывают роману в художественной ценности, говоря при этом об утрате его идеологической и социальной актуальности, а отсюда — и ненужности для изучения в школе. Однако этот роман интересен, прежде всего, с точки зрения истории литературы, поскольку дает представление о типе «нового человека» глазами того, кто сам принадлежит к этому типу. Базаров Тургенева как «новый человек», «нигилист» описан через взгляд человека из поколения «отцов», а «революционеры-бесы» Достоевского и вовсе созданы писателем, резко критикующим и не принимающим этот тип. Роман же Чернышевского дает возможность объективного взгляда на внутренний мир людей, активно менявших и разрушавших русский мир той эпохи.

Кроме умения определять конкретно-историческое содержание в творчестве писателя, изучение романа формирует и другие предметные результаты, перечисленные в федеральной рабочей программе — умение определять «вечные типы» и «вечные образы» в литературе [1]. Литературный тип «новых людей» является исторической репрезентацией библейского «вечного» типа — «сыны противления». И показать учащимся эту метафизическую связь на примере изучения романа «Что делать?» проще и нагляднее, чем при изучении «Отцов и детей» или «Героя нашего времени», где главные герои романтизируются и демонизируются подчеркнуто литературно. Чернышевский же открыто использует библейские сюжеты и мотивы, начиная с самого названия, отсылающего нас к Евангелию

от Луки (3:10-14) и к вопросу, который задавал Иоанну Крестителю приходивший креститься от него народ: «Что же нам делать?»

Евангелие от Луки:

«3:10 И спрашивал его народ: что же нам делать?»

3:11 Он сказал им в ответ: у кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же.

3:12 Пришли и мытари креститься, и сказали ему: учитель! что нам делать?

3:13 Он отвечал им: ничего не требуйте более определенного вам.

3:14 Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем».

По сути, роман Чернышевского претендовал на роль нового евангелия, в этом была его опасность и соблазн для своего времени.

Изучению романа лучше всего посвятить два урока. Первый построить на изучении биографии самого Чернышевского, потому что его жизнь — пример того, как чистое, верующее и горячее сердце русского человека может быть отравлено идеями прогресса и всеобщего счастья человечества и к каким последствиям это может привести. На этом же уроке нужно дать общую характеристику сюжету романа и его героев — апостолов новой веры. Это может быть лекция учителя, материал к которой дается в данной статье. Второй же урок посвятить чтению и анализу отдельных эпизодов, прежде всего — «снов Веры Павловны», потому что именно они построены на переосмыслении писателем библейских сюжетов и образов.

Материал для первого лекционного занятия можно взять из статьи Елены Лебедевой «Будет рай на земле»: о Николае Гавриловиче Чернышевском» [2] и книги Владимира Кантора «“Срубленное древо жизни”. Судьба Николая Чернышевского» [3]. Сами факты биографии писателя можно найти и в других источниках, но именно в этих работах дается такая вот важная оценочная характеристика его биографии: «На самом деле Чернышевский отличался от многих своих единомышленников довольно длительной сознательной верой в Бога, и его путь в воинствующего атеиста поучителен и показателен, как лакмус своей эпохи, в которой крылись корни исторической трагедии русской революции».

Сам первый урок можно начать с размышления над таким парадоксальным историческим фактом: 19 мая 1864 года была совершена

гражданская казнь над писателем Николаем Чернышевским (гражданская казнь — вид позорящего наказания, применяемый в XVIII-XIX веках в Российской империи, состоявший в публичном унижении наказуемого с преломлением шпаги над головой в знак лишения всех прав состояния (чинов, сословных привилегий, прав собственности и прочего). Парадокс этого события заключается в списке тех личностей, которые подверглись этой, достаточно редкой процедуре до Чернышевского:

- 12 ноября 1708 года: в Глухове прошла символическая гражданская казнь предателя царя и России гетмана Мазепы (в отсутствии самого Мазепы, который скрылся в Турции).

- 1768 год: лишена всех сословных и имущественных прав и фамилии помещица Салтычиха (Дарья Николаевна Салтыкова).

- 10 (21) января 1775 года: на Болотной площади в Москве проведен ритуал гражданской казни Михаила Шванвича, участника пугачевского восстания (прототип Швабрина в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина).

- В ночь с 12 на 13 июля 1826 года гражданской казни подверглись декабристы: 97 человек в Санкт-Петербурге и 15 морских офицеров в Кронштадте.

- 12 декабря 1861 года: гражданская казнь совершена над Михаилом Михайловым, русским поэтом, переводчиком, политическим деятелем, феминистом.

- 19 мая 1864 года состоялась гражданская казнь Николая Чернышевского, публициста и писателя.

Писатели Чернышевский и Михайлов стоят в одном ряду с государственными изменниками, участие которых в бунтах сопровождалось кровопролитием, и в этом же ряду — серийная убийца Салтычиха. Но последние в списке — всего лишь писатели, никого не убивавшие. Что же такого совершил Николай Чернышевский? В приговоре Сената по делу Чернышевского 31 октября 1863 года можно прочесть следующее: «Сенат находит, что Чернышевский, будучи литератором и одним из главных сотрудников журнала «Современник», своею литературною деятельностью **имел большое влияние на молодых людей, <...> был особенно вредным агитатором**, а посему сенат признает справедливым подвергнуть его **строжайшему из наказаний**, в 284 ст. поименованных, т.е. **по 3-й степени в мере, близкой к высшей**, по упорному его заpiresательству,

несмотря на несомненность доказательств, против него в деле имеющихся». Что же это за опасное влияние на молодых людей, которое приравнялось к государственному преступлению и зверству? Давайте разбираться!

Отец Чернышевского — священник, мать — дочь священника, и сам Николай сначала под влиянием родителей готовился пойти по духовной стезе, поступил в семинарию. Все должно было сложиться в его жизни мирно, традиционно и патриархально, в лоне веры и Церкви. Но, как подчеркивает Е. Лебедева, юный Чернышевский, «почувствовав собственную умственную исключительность, обнаружил совсем другие склонности — к научному поприщу» [2]. В семинарии Чернышевскому было скучно; он как-то признался одному приятелю, что «желал бы славы». Он мечтал об университете, и родители согласились. В 1845 году Николай Чернышевский подал прошение об увольнении из семинарии и отправился в Петербург, где был зачислен в 1846 году на историко-филологическое отделение философского факультета и попал в совсем другую жизнь, где его вера должна была пройти испытание на прочность.

Процесс отречения от Бога и подмену чаяния Царствия Небесного мечтой о Рае земном можно увидеть, читая дневниковые записи Чернышевского. «Я, в сущности, решительно христианин, если под этим должно понимать верование в Божественное достоинство Иисуса Христа, то есть как веруют православные в то, что Он был Бог, и пострадал, и воскрес, и творил чудеса, во все это я верю» [4], — пишет он в дневнике в 1848 году. Первое время учебы в университете он ходит на службу в храм, но революционные события в Европе 1848 года и увлечение студенческой молодежи социалистическими учениями, особенно Ш. Фурье, постепенно захватили и ум бывшего семинариста. «Он не опасен для моих христианских убеждений», — отмечает юноша после прочтения книги Фурье. Однако идеи падают на подготовленную почву. Раздумья о римской истории вдруг наводят Чернышевского на мысль, что Россия, может быть, тоже находится в состоянии, аналогичном предхристианскому Риму — накануне «рождения нового порядка вещей», прихода нового Мессии, нового откровения, новой религии, которая сменит христианство, как некогда оно сменило язычество. Но христианство пока ему дорого: «Я хотел бы сохранения прежнего... что угодно Богу, да будет. Если это откровение — последнее откровение, — пусть

будет так; если должно быть новое откровение, да будет оно. Но я не верю, чтобы было новое. И жаль, очень жаль мне было бы расстаться с Иисусом Христом, Который так благ, так мил Своей личностью, благой и любящей человечество, и так вливает в душу мир, когда подумаешь о Нем» [4]. Отказа от Бога пока нет, но желание нового откровения и сожаление от невозможности изменить замысел Бога очевидны.

А вот и главная, часто цитируемая запись из дневника Чернышевского, которая отражает перелом в его мировоззрение этого периода: «Я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока, если б только был убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют, и если уверен буду, что восторжествуют они, даже не пожалею, что не увижу дни торжества и царства их, и сладко будет умереть, а не горько, если только буду в этом убежден» [4]. Мы видим страстность молодого горячего сердца, жажду апостольского подвига, жертвы, только уже не ради Христа. А всего-то слово «вера» заменено словом «убеждения», а Царство Небесное и Бог — «царством свободы, равенства и братства», но общее настроение, решимость, жажда правды и добра почти апостольские.

И вот уже после прочтения в 1849 году книги Людвиг Фейербаха «Сущность христианства», которая объясняла происхождение религии антропоморфизмом, у Чернышевского в дневнике появляется осознанное сомнение в правоте Иисуса Христа: «Он, может быть, не так делал, как можно было. Бог, Который может освободить человека от физических нужд, должен был раньше это сделать, а не проповедовать нравственность и любовь, не давши средств освободиться от того, что делает невозможным освобождение от порока, невежества, преступления и эгоизма» [4]. А это уже прямой упрек Богу.

Всего два года влияния западноевропейских идей на молодой ум, и происходит духовная революция внутри воспитанного в любви и православии юноши. А спустя 9 лет в 1857 году Чернышевский уже холодно пишет: «Все те эпитеты и атрибуты, которыми мы обыкновенно украшаем понятия о Боге, не что иное, как наша затаенная мысль о том, чтобы эти атрибуты стали достоянием нашим, достоянием человечества. Пусть мы не достигнем такого совершенства, но

пусть мысль о нем не будет отделена от земли и сопутствует нам в нашей работе над улучшением живой жизни. **Человек живет для человека и выше человека ничего в мире не знает**» [5, Т. 5, С. 121]. Бог изгнан из сердца окончательно.

Думается, что было бы неплохо все приведенные выше цитаты из дневника писателя распечатать детям и предложить сравнить, найти ключевые слова и увидеть их подмену: вера подменяется убеждением, чувство — мыслью, Христос — человеком, христианство — гуманизмом.

Христианин	Социалист
«Я, в сущности, решительно христианин, если под этим должно понимать верование в Божественное достоинство Иисуса Христа, то есть как веруют православные в то, что Он был Бог, и пострадал, и воскрес, и творил чудеса, во все это я верю».	«Я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока, если б только был убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют, и если уверен буду, что восторжествуют они, даже не пожалею, что не увижу дни торжества и царства их, и сладко будет умереть, а не горько, если только буду в этом убежден».
«Я хотел бы сохранения прежнего... что угодно Богу, да будет. Если это откровение — последнее откровение, — пусть будет так; если должно быть новое откровение, да будет оно. Но я не верю, чтобы было новое. И жаль, очень жаль мне было бы расстаться с Иисусом Христом, Который так благ, так мил Своей личностью, благой и любящей человечество, и так вливает в душу мир, когда подумаешь о Нем».	«Все те эпитеты и атрибуты, которыми мы обыкновенно украшаем понятия о Боге, не что иное, как наша затаенная мысль о том, чтобы эти атрибуты стали достоянием нашим, достоянием человечества. Пусть мы не достигнем такого совершенства, но пусть мысль о нем не будет отделена от земли и сопутствует нам в нашей работе над улучшением живой жизни. Человек живет для человека и выше человека ничего в мире не знает».

За эти 9 лет духовного перерождения произошли следующие события в жизни писателя: Чернышевский окончил университет, вернулся в марте 1951 года в Саратов, несколько лет преподавал в местной

гимназии, заражая учеников новыми идеями, от которых, по его признанию, «пахло каторгой», вплоть до чтения запрещенного письма В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю. Когда Чернышевский уже был осужден, выяснилось, что Дмитрий Каракозов, совершивший первое покушение на Александра Освободителя, был воспитанником саратовской гимназии, правда, как открылось на следствии, не состоял в числе учеников Чернышевского, поскольку учился тогда в начальном классе, однако это лишь подчеркивает общее умонастроение в этом учреждении.

В Саратове Чернышевский в апреле 1853 года венчается с дочерью местного врача Ольгой Сократовной Васильевой. Затем он возвращается с женой в Петербург, где тоже пробует преподавать, в 1854 появляются в «Современнике» его статьи, а в мае 1855 года Чернышевский защищает в университете магистерскую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности». Основной его деятельностью становится работа в журналах — он, прежде всего, публицист. И вот на пике его популярности происходит неожиданное — арест и заключение в Петропавловскую крепость. Из письма Николая Чернышевского императору Александру II: «20 ноября 1862 года. Я был арестован 7 июля. Меня призвали к допросу 30 октября, почти через четыре месяца после ареста. Если бы можно было найти какое-нибудь обвинение против меня, достаточно было времени, чтобы найти его» [6]. Действительно, следствие затягивалось, обвинения были неясными, но Чернышевский оставался в крепости. И вот именно там менее чем за 4 месяца, между 14 декабря 1862 года и 4 апреля 1863 года, родился роман «Что делать?» и был сразу опубликован в трех номерах — за март, апрель и май — журнала «Современник».

Это сам по себе очень странный факт — человек находится под политическим следствием, а написанное им в тюрьме с легкостью публикуется. Если обвинение и было зыбким, то теперь оно стало очевидным — роман был просто социально-религиозным манифестом. Возможно, он и не обладал большой художественной ценностью, но обстоятельства сложились так (или это было спланировано кем-то заранее, ведь крепость — лучшее место, чтобы создать условия для вдохновения готовому для подвига и жертвы сердцу), что роман прочли как откровение, а устроенная над автором публичная гражданская казнь только создала ему ореол героя и страдальца.

14 лет каторги и вечное поселение в Сибирь было настолько непомерно суровым в глазах общественности наказанием, что трагическая участь Чернышевского вызвала сочувствие и уважение к нему даже у консервативного лагеря. Например, Н.А. Бердяев писал, что по своим нравственным качествам «это был человек, близкий к святости», и он «перенес свое мученичество с христианским смирением» [2]. Л.Ф. Пантелеев напрямую связывал эту жертвенность с происхождением Чернышевского из потомственного духовенства. И с одной стороны, сбылись мечты его юности: он стал истинным мучеником своих убеждений, проявив желанную стойкость. С другой стороны, это обеспечило популярность самому роману, который был вскоре запрещен, но активно переписывался и читался по всей России. Чернышевский принес себя или был принесен какими-то силами в жертву ради тех идей, которые проповедовались в романе, потому что это был не просто роман, а Евангелие нового времени, которое возвещало, что в мир пришли новые люди и наступают новые времена.

Это для сегодняшних читателей, большинство из которых были насильственно оторваны двадцатым столетием от евангельской традиции, связь романа «Что делать?» со Священным писанием не очевидна. Читатель XIX века эту связь понимал, переосмысление Чернышевским всех библейских образов видел, и потому, если такое переосмысление принималось им, не вызывало протеста, а служило руководством к действию, это свидетельствовало о разрушении в человеке библейских основ.

Примечательно в связи с этим высказывание Ленина о романе: «Как в голову может прийти чудовищная, нелепая мысль называть примитивным, бездарным произведение Чернышевского, самого большого и талантливого представителя социализма до Маркса? Сам Маркс называл его великим русским писателем... Под его влиянием сотни людей делались революционерами. Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и примитивно? **Он, например, увлѣк моего брата, он увлѣк и меня. Он меня всего глубоко перепахал...** Это вещь, которая даёт заряд на всю жизнь. Такого влияния бездарные произведения не имеют» [7, С. 335]. Читая это высказывание Ленина, с ужасом осознаешь великую силу слова и литературы, способной «перепахать» человека до такой степени, что он потом смог «перепахать» всю страну. Но такого не произошло

бы, если бы Чернышевский прямо и просто изложил свои взгляды, не взяв за основу евангельские образы. Однако же он «перепахал» именно само Евангелие.

Историк русской литературы В.Е. Чешихин-Ветринский считал, что «религиозность, которая была вынесена Чернышевским из родного дома, переменила в нем при ломке мировоззрения лишь объект свой». Им стал человек в философской доктрине и социалистическое человечество — в утопии. Это так; но, если убрать из Евангелия Христа, то в центре окажется совсем не человек, а кто-то другой за человеком — противник Христа. Видел ли этого противника Чернышевский сам, сказать с уверенностью нельзя, возможно, он искренне был увлечен идеями гуманизма без осознания того, на чью метафизическую сторону он реально встал. Но этого противника может увидеть читатель при внимательном прочтении.

Итак, роман «Что делать?» — роман о новых людях, об апостолах новой веры, и вера эта для Чернышевского — в Человека, а не в Бога. «Это соль соли земли», — говорит о своих героях Чернышевский, усиливая слова Христа, сказанные ученикам в Нагорной проповеди: «Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще людям» [Мф.5:13]. Цель новых людей — «дело человечества», «дело прогресса». Пренебрежение этой целью равносильно тому, «что на церковном языке называется грехом против духа святого». Именно такими словами упрекает Рахметов главную героиню, когда она из-за личных обстоятельств пренебрегла обязанностями по управлению коммуной, то есть поставила личные проблемы выше всеобщего блага. Конечное дело прогресса — это построение рая на земле. С озвучивания этой цели и начинается роман: в прологе главная героиня напевает песенку как эпитафия ко всей дальнейшей истории: «Будем учиться и трудиться, будем петь и любить, будет рай на земле. Будем же веселы жизнью, — это дело пойдет, оно скоро придет, все дождемся его...» [5, Т. 1, С. 23].

Основных героев трое: Вера Павловна Розальская, Александр Матвеевич Кирсанов и Дмитрий Сергеевич Лопухов. Считается, что Чернышевский взял в качестве основы для романа историю своих знакомых. Врач Чернышевского — Пётр Иванович Боков женился на своей ученице Марии Обручевой, чтобы выволить её из дома. Но спустя несколько лет Мария полюбила другого человека — известного

учёного-физиолога Ивана Михайловича Сеченова. Таким образом, прототипом Лопухова называют Бокова, прототипом Кирсанова — Сеченова, а прототипом Веры Павловны — Марию Обручеву. Наличие прототипов подчеркивает тот факт, что герои Чернышевского — не выдуманные персонажи, не фантазия автора, а реальный общественный тип, реальные «новые» люди. Рассмотрим каждого из них подробно.

ВЕРА ПАВЛОВНА РОЗАЛЬСКАЯ. Благоую весть о воскресении Христа разнесли женщины, они же первые ее и узнали, но через женщину же был искушен и Адам, женщина в библейском предании — та сила, через которую легче начать разрушение и быстрее донести до мира что-то важное, некий проводник. Поэтому Чернышевский главной героиней своего романа выбирает женщину и наделяет ее символическим именем — Вера Павловна Розальская. В имени заключена и отсылка к апостолу Павлу, и к самому Христу (роза как символ страстей Христовых), и к деве Марии (дева Мария в этой традиции «почитается как роза или имеет своим атрибутом розу» [8, С. 386]. То есть само имя кричит об особой связи героини с духовным миром и ставит ее, по словам филолога М. Дзюбенко [9, С. 113], в художественном мире романа «в один ряд с пророком Даниилом и апостолом Иоанном Богословом»: через ее сны, как через откровения библейских пророков, писатель тоже пророчествует о будущем. Что же, святые жены не противоречат христианскому вероучению. Но агиографическая традиция предполагает благочестивое происхождение будущего святого, родители которого обязательно должны были быть праведниками. Родители же Веры Павловны подчеркнута дурны.

Мать героини, Марья Алексеевна, занимается ростовщицеством, сама себя называет злой ведьмой, грубой и злой пьяницей. Когда она выпивает, то обычно бьет дочь, сына Федю и кухарку Матрену. Она также обзывает мужа «ослом», «дураком» и «свиньей», дает ему пощечины и таскает его за волосы. Известно, что в прошлом у Марьи Алексеевны была внебрачная связь — судя по всему, с начальником ее мужа. В результате этого романа мужу дали новую должность, повышение. От этой внебрачной связи у Марьи Алексеевны родилась дочь Наденька. Девочку отдали в воспитательный дом (приют), и с тех пор о ее судьбе ничего не известно. Вера ненавидит мать, считает ее зверем и испытывает к ней отвращение. При этом автор все

время подчеркивает чистоту и неиспорченность Веры Павловны: о ее доброте, порядочности, честности неоднократно говорят герои романа — например, Жюли, Лопухин. Даже отец, которого она презирует, говорит хозяйке квартиры о дочери: «Она почтительная девушка, мы ее воспитали в уважении» [5, Т. 1, С. 63]. Что же, мы и в сказках встречаем Золушек, которых мучили их злые мачехи, а они вырастали сквозь тернии добрыми и скромными девушками. Однако ни в какой народной сказке мы не прочтем, что при этом Золушка ненавидит мачеху и говорит ей о своем отвращении — героиня лишь смиренно печалится и терпит несправедливость, и в этом залог ее будущего счастья и награды.

Веру Павловну же смиренной не назовешь, она очень гордая девушка, по ее собственным словам: «Вот она уже видит, из какой черты ее характера выходит недовольство, — да, она очень горда...» [5, Т. 1, С. 117]; «Мой милый, мне надобно такое дело потому, что я очень горда» [5, Т. 1, С. 253]. Вере нравится теория разумного эгоизма, все свои поступки она привыкла объяснять этой теорией. «Впрочем, — говорит она, — это общая привычка всей нашей компании... Да если послушать нас, мы все трое такие эгоисты, каких до сих пор свет не производил. А, может быть, это и правда? может быть, прежде не было таких эгоистов? Да, кажется» [5, Т. 1, С. 267]. Вера хочет независимости, хочет делать, что хочет, ничего ни у кого не спрашивать, ни в ком не нуждаться: «Да, и это приятно. Но главное — независимость! Делать, что хочу, — жить, как хочу, никого не спрашиваясь, ничего ни от кого не требовать, ни в ком, ни в ком не нуждаться! Я так хочу жить!» [5, Т. 1, С. 111]. В отношениях с мужчиной Вера хочет сама быть свободной и не ограничивать свободу мужа: «Так теперь я не знаю, что я буду чувствовать, если я полюблю мужчину, я знаю только то, что не хочу никому поддаваться, хочу быть свободна, не хочу никому быть обязана ничем, чтобы никто не смел сказать мне: ты обязана делать для меня что-нибудь! Я хочу делать только то, чего буду хотеть, и пусть другие делают так же; я не хочу ни от кого требовать ничего, я хочу не стеснять ничьей свободы, и сама хочу быть свободна» [5, Т. 1, С. 67]. Вот открытые идеалы Веры Павловны: гордость, своеволие, независимость, эгоизм. Но каким-то образом в сознании бывшего христианина Чернышевского доброта, порядочность, чистота не противоречат гордыне, своеволию и эгоизму, потому что здесь сделана

гуманистическая поправка: не гордыня, а гордость, не своеволие, а свобода, не эгоизм, а разумный эгоизм. Чернышевский ловко совершает подмену понятий. Но слова о героине или героини о себе — это лишь субъективная характеристика и самохарактеристика, важны дела: «по плодам узнаете их». А дела говорят, что «соль соли», апостол новой веры Вера Павловна сознательно нарушает сразу несколько заповедей Господних.

Поступки, чувства, желания	Нарушение заповедей
Ненавидит мать, испытывает к ней отвращение, презирает отца. Сбежала из родительского дома, венчается с Лопуховым без родительского благословения.	Нарушение пятой заповеди: «Почитай отца твоего и мать, да будешь благословен на земле и долголетен».
Признается мужу, что любит другого, второй раз выходит замуж, зная, что первый муж жив и они не разведены.	Грехи против Таинства брака, нарушение седьмой заповеди: «Не прелюбодействуй». Нарушение десятой заповеди: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего; ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».
И наконец, обольщение снами, в которых она придумывает себе богинь, а в последнем и вовсе видит себя богиней. Важным является и воспоминание из детства: не желала по просьбе матери креститься на храмы, чтобы не показывать лицемерного благочестия. Но если благочестие воспринимается как лицемерие — значит, веры в Бога изначально в Вере нет.	Нарушение первой и второй заповеди: «Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим»; «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им».

Таким образом, «святая Нового Евангелия, богиня свободы, равенства и братства» — сознательная богоотступница. Более того, именно сознательное нарушение ею заповедей Господних («прогрессивные

взгляды») обеспечивает Вере Павловне счастливое настоящее. Именно поэтому автор и рассказывает ее историю в своем романе: «Верочке и теперь хорошо. Я потому и рассказываю (с ее согласия) ее жизнь, что, сколько я знаю, она одна из первых женщин, жизнь которых устроилась хорошо. Первые случаи имеют исторический интерес. Первая ласточка очень интересует северных жителей» [5, Т. 1, С. 689]. Царство Небесное легко обменялось героиней на комфортное настоящее на земле.

Конечно, большинство женщин XX и XXI столетия не увидят в поступках Веры Павловны ничего криминального, напротив — она молодец: хороший предприниматель, учится на врача, помогает окружающим людям. Второй раз замужем? Каждый имеет право на счастье. Второй же раз повезло: в семье — любовь и согласие, растет ребенок. Никакого нездорового феминизма, все счастливы. Наше непонимание опасности образа Веры Павловны для своего времени говорит лишь о том, что прогрессивные взгляды победили, Чернышевский «перепахал» и нас. Поэтому разговор со школьниками будет непростым.

Два других «апостола» в романе Чернышевского (Лопухов и Кирсанов) словно бы иллюстрируют слова Христа: «Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9:13). Автор тоже, с одной стороны, всячески подчеркивает их нравственную чистоту: «Я хотел изобразить обыкновенных порядочных людей нового поколения, людей, которых я встречаю целые сотни. Я взял троих таких людей: Веру Павловну, Лопухова, Кирсанова. <...> Как я о них думаю, так они и действуют у меня, — не больше, как обыкновенные порядочные люди нового поколения. Что они делают превыспренного? Не делают подлостей, не трусят, имеют обыкновенные честные убеждения, стараются действовать по ним, и только — экое какое геройство, в самом деле!» [5, Т. 1, С. 353]. Но с другой стороны, рассказывая о них, Чернышевский добавляет им штрихи несовершенства, немного грешков юности, чтобы было реалистичнее, живее, а не совсем уж идеально.

ЛОПУХОВ. В юности Дмитрий Сергеевич много кутил и посвящал себя многочисленным любовным приключениям, то есть он бывший пьяница и развратник, но изменился, уверовав в идею, дело, науку. Всё по словам Христа, только вместо веры в Христа его ставит на ноги вера в прогресс. Правда, и сейчас он может дать слабину:

пытаясь справиться с переживаниями по поводу грозящего расставания с женой, например, принимает морфий, то есть наркотики. Конечно, в Лопухове много симпатичных черт, тем более Чернышевский не скупиться на похвалу своему герою: «Человек отважный, не колеблющийся, не отступающий, умеющий взяться за дело, и если возьмется, то уже крепко хватающийся за него, так что оно не выскользнет из рук: это одна сторона ...: с другой стороны, человек безукоризненной честности» [5, Т. 1, С. 322]. Но это опять лишь слова, посмотрим на его дела.

Поступки, чувства, желания	Нарушение заповедей
«Безукоризненно честный» Лопухов просто виртуозный лжец. Способствует через обман побегу Веры из родительского дома, инсценирует свое самоубийство, а сам уезжает в Европу. Возвращается в Россию под чужим именем как американец, не раскрывая своей подлинной личности, женится на Екатерине Полозовой, обманывая тем самым и ее родителей.	Нарушение девятой заповеди: «Не лжесвидетельствуй».
Уговаривает «прогрессивного» священника обвенчать его с Верой без родительского благословения и, скорее всего, без таинства причастия, то есть венчание рассматривает лишь как формальный акт. Оставляет свою жену и толкает ее на прелюбодеяние. Будучи венчанным, женится повторно.	Грехи против Таинства брака, нарушение седьмой заповеди: «Не прелюбодействуй».
Богоборец по своей сути, потому что отрицает основное христианское понятие «жертвы», считает, что люди не приносят жертвы ради других и что это фальшивое понятие, так как все всегда действуют только из своей выгоды, как бы это ни преподносилось: «Не был до сих пор так глуп, чтобы приносить	Нарушение первой и второй заповедей: «Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим»; «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им».

жертвы, — надеюсь, и никогда не буду. Как для меня лучше, так и сделал. Не такой человек, чтобы приносить жертвы. Да их и не бывает, никто и не приносит; это фальшивое понятие: жертва — сапоги всмятку. Как приятнее, так и поступаешь» [5, Т. 1, С. 156].	
--	--

КИРСАНОВ. Не уступает ни в чем другу и Александр Матвеевич Кирсанов. Их биографии во многом похожи, как и черты характера, которыми восхищается Чернышевский (трудолюбие, упорство, верность делу и убеждениям). Можно сказать, что они почти двойники, только один темно-рус, а другой блондин, один более флегматичен, другой — экспрессивен, но это опять-таки на словах автора, по их поступкам об этом судить сложно, это внешняя разница скорее для обоснования выбора Веры — ей больше нравятся страстные блондины, в остальном же герои похожи, хотя, конечно, по глубине отступления от Бога и нарушения заповедей Кирсанов, пожалуй, идет дальше своих друзей, потому что готов даже на убийство.

Поступки, чувства, желания	Нарушение заповедей
Учится по Новому завету французскому языку: «достал Новый завет в женевском переводе, да и прочел его восемь раз, на девятый уже все понимал». Нет благоговейного отношения к Священному писанию. Евангелие — для Кирсанова «книга очень знакомая», то есть когда-то читал ее с другой целью, но теперь мы видим отступление от веры.	Нарушение третьей заповеди «Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно».
Имеет длительный роман с проституткой. Женится на женщине, которая уже состоит в браке, при этом это жена «ближнего» — друга.	Грехи против Таинства брака, нарушение седьмой заповеди: Не прелюбодействуй». Нарушение десятой заповеди: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего; ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».

Признает эвтаназию, готов дать пациенту яд, если он хочет добровольно уйти из жизни.	Нарушение девятой заповеди: «Не убий».
--	--

Методически работу с этими таблицами на уроке можно построить по-разному. Можно распечатать для каждого учащегося или вывести на слайде 10 заповедей Господних и предложить ученикам порассуждать на самом уроке без заполнения таблицы, какие заповеди нарушает каждый из героев, но для этого роман точно должен быть прочитан. Можно предложить конкретным учащимся в качестве предварительного индивидуального домашнего задания заполнить такую таблицу и представить в виде сообщения. Можно организовать работу по группам, выдав каждой группе таблицу по поступкам одного из героев, заполненную перечнем этих поступков (левый столбец), с заданием соотнести поступок с заповедью, то есть с ее нарушением. В любом случае, это хороший повод еще раз обратиться к одному из главных мест библейского текста.

Как мы видим, у всех трех героев Чернышевского есть общий грех — против Таинства брака, нарушение седьмой и десятой заповедей. При этом весь роман композиционно нанизан на лейтмотив свадьбы. С первых страниц мы слышим разговоры о свадьбе: Веры со Сторешниковым, Лопухина с таинственной невестой, затем Веры с Лопухиным, Веры с Кирсановым, Кати Полозовой с Соловцовым, Лопухина-Бьюмонта с Катей Полозовой. И в итоге мы видим две счастливые семьи. Но на самом деле весь роман шла не борьба за создание семьи, а разрушение понятия «христианская семья», и в итоге мы видим образец «новой семьи» (в общем-то, вполне современной), в которой допустимы:

- венчание без благословения родителей (Вера и Лопухин);
- измены (Вера и Кирсанов);
- жизнь втроем (Рахметов ругает Лопухина за то, что он не решился ради дела жить втроем);
- развод по несходству характеров (Вера и Лопухин);
- жизнь без брака как проба (Бьюмонт предлагает Полозовой такую пробу).

Конечно, все мы не без греха: но христианин пытается бороться со своими грехами, гуманист же нарушение заповедей Господних грехом не считает — и в этом их главное отличие. При этом мы нигде

не видим, чтобы герои Чернышевского открыто высказывались против Бога и религии или говорили о своем неверии, в круг их друзей даже входит священническая семья Мерцаловых. Священника Алексея Мерцалова хорошо характеризуют всего лишь два факта: венчает Веру с Лопуховым без благословения родителей и считает, что на просветительском кружке для работников мастерских не стоит говорить о Законе Божьем, а лучше читать им лекции по истории. Новые люди — не атеисты, а всего лишь материалисты, они не отрицают Бога, а всего лишь предлагают вместо Царствия Небесного рай на земле. Поэтому ключевой символ романа — свадьба — не что иное, как перевернутый новозаветный символ союза жениха и невесты («Вот, жених грядет») из притчи о десяти девах. Но в романе Чернышевского грядет не жених, а невеста, не девы ждут жениха, а женихи ждут невесту. Образ невесты впервые появляется в разговоре Лопухова с матерью Веры Павловны; чтобы рассеять ее сомнения по поводу его отношений с Верой, он заявляет, что уже обручен. Его «невеста» — революция, дело, которому он посвятил себя. Вера Павловна в своем первом сне видит невесту Лопухова, творящую одно из чудес Христа. Вере снится, что она парализована и неподвижна (аллегорическое изображение ее жизни под гнетом); вдруг она слышит голос, повелевающий ей «встать и идти» (своего рода «талифа куми», ср.: Мк. 5:41): «Ты теперь будешь здорова, вот только я коснусь твоей руки, — видишь, ты уже и здорова, вставай же [...]. Верочка встала» [5, Т. 1, С. 81]. Начиная с этой сцены, почти каждая ситуация, связанная со свадьбой или женитьбой, наделена символическим смыслом. В евангельской притче грядет Христос, за которым последует Царствие Небесное, а здесь придет невеста — Свобода и Революция, за которой последует рай на земле.

Апостолы новой веры — не кто иные, как «сыны противления» (а «сыны противления» отнюдь не атеисты, они богоборцы, потому что точно знают, что Бог есть и Он им мешает), о которых апостол Павел говорил: «Умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления» (Кол. 3:5-6). Павел выделяет два основных двигателя человеческой истории и основных греха, по которым узнаются «сыны противления»: блуд и любостяжание (любовь к деньгам). Про блуд героев Чернышевского сказано уже достаточно, но вторым их «пунктиком» действительно является

стремление максимально заработать. «Все основано на деньгах, говорите вы Дмитрий Сергеевич; у кого деньги, у того власть и право, говорят ваши книги...» — с таких мыслей начинает свою независимость Вера Павловна, с мыслью о необходимости иметь собственные средства. Свобода для нее без материального благополучия невозможна, собственно свобода — это и есть свобода от бедности и свобода от тех, от кого зависят твои средства к существованию. Да, герои в утопическом мире Чернышевского зарабатывают много денег честным трудом, не так, как мать Веры Павловны, которая почему-то честным трудом обогатиться не сумела, поэтому прибегла к ростовщичество и интригам. Но деньги так и идут к ним в руки: Лопухов, например, уезжает в Европу практически ни с чем, а возвращается из Америки состоятельным коммерсантом.

Свободная любовь и материальное благополучие — вот залог счастливой жизни, вот что проповедуют новые люди. И это привлекательная мечта, романтизированная Чернышевским, и поэтому она никак не сопоставима в сознании читателя с двумя этими неприятными словами: блуд и любостяжание.

Кроме трех главных героев, в романе Чернышевского есть еще один важный персонаж — «сверхчеловек» Рахметов. У Рахметова также есть прототип. Это саратовский дворянин Павел Бахметев. Он был учеником Чернышевского в Саратовской гимназии. Увлечение революционными идеями, работа бурлаком, заграничная поездка — все эти эпизоды не выдуманы писателем, а повторяют факты биографии Бахметева.

Рахметов изображен в полном соответствии с житийным канонем. Чернышевский был хорошо знаком с житийной литературой; в своей автобиографии он вспоминал, что его первым и излюбленным чтением (в возрасте между одиннадцатью и пятнадцатью годами) были жития из «Четых миней» — издания, которое в те годы можно было найти в любом доме. Существует предположение, что история Рахметова следует определенному житийному тексту — «Житие Алексея, человека Божия», где изображается богатый юноша, который раздал свое имущество, отказался от мирской славы и женской любви и посвятил свою жизнь Богу, добровольно перенося истязания от людей (Рахметов же, чтобы испытать свою выдержку, спит на гвоздях). И если Вера, Лопухин и Кирсанов сопоставимы с апостолами, то Рахметов вызывает ассоциации с самим Христом: он не просто новый

человек, а особый человек, который готовит себя к какой-то важной миссии, которая в романе не раскрывается, но подразумевается. С Рахметовым связаны апокалиптические мотивы в романе. Чернышевский выводит его на авансцену романа, читающим «Замечания о пророчествах Даниила и Апокалипсиса Св. Иоанна» Ньютона — книгу, которая, смешивая научную и профетическую точки зрения, трактует апокалиптические пророчества как предсказания исторических событий: тем самым Чернышевский через Рахметова намекает на приближение краха старого мира. Рахметов недолго находится рядом с героями: он исчезает из Петербурга, и его предстоящее возвращение ожидается как Второе Пришествие и связывается с ожидаемыми фундаментальными переменами в обществе.

Но без воскресения и Пасхи Евангелие не может быть Евангелием, поэтому Чернышевский обыгрывает и этот сюжет (смерть-воскресение Лопухова-Бьюмонта). Когда Катя Полозова сообщает Вере Павловне о своей помолвке, по описанию ее жениха Бьюмонта, который недавно приехал из Америки (а это устойчивый символ «другого мира» в европейской и русской утопической традиции), Вера Павловна узнает своего бывшего мужа Лопухова, который исчез и, как все считают, умер. Радуюсь, она говорит Кирсанову: «Нынче Пасха, Саша, говори же Катеньке воистину воскресе» [5, Т. 1, С. 678]. И все трое обнимаются и целуются.

Еще одной особенностью романа, придающего ему евангельские черты, является его притчевый характер повествования. «И поучал их много притчами» (Мф. 13:3), — сказано в Евангелии о Христе. Вот и Чернышевский придумывает свои притчи для научения новых людей, но сюжетно в них отталкивается от новозаветных притч. Притчевый характер носят прежде всего сны Веры Павловны. Например, в первом сне мы можем увидеть отсылку к притче о десяти девах и женихе и к притчам о воскрешении дочери Иаира и исцелении расслабленного. Но чтению и анализу снов-притч Веры Павловны стоит посвятить отдельный второй урок.

Итак, на первом уроке мы дали общую характеристику романа и его героев. Выделили основные параллели с Евангелием и объяснили их переосмысление и подмену: новые апостолы и их деяния, сверхчеловек вместо Богочеловека, ожидание Апокалипсиса (конца старого мира через революцию), использование евангельской сюжетной скрепы — смерть и воскресение, а также наличие снов-притч.

Ко второму уроку учащимся рекомендуем задать прочитать второй и четвертый сон Веры Павловны, а также притчу о сеятеле (Евангелие от Матфея, 13:1-9, в синодальном переводе), и ответить на два блока вопросов.

Вопросы ко второму сну: 1. О каких видах почв говорится в евангельской притче и во сне Веры Павловны, что они символизируют, есть ли между ними сходство? 2. Что такое «семя» и «зерно» в притче Христа, кто такой «сеятель»? 3. А что должно вырасти в грязи во сне героини?

Вопросы к четвертому сну: 1. Что за место описывает Чернышевский, каково его географическое положение? 2. Как выглядит рай на земле, чем занимаются там люди? 3. Благодаря чему стало возможным такое будущее?

Второй урок, целью которого будет проанализировать второй и четвертый сны Веры Павловны, чтобы понять главную мысль романа, стоит начать с чтения евангельской притчи о сеятеле, потому что именно она лежит в основе этих снов (а далее придерживаться обсуждения ответов на домашние вопросы).

«Вот, вышел сеятель сеять. И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была не глубока. Когда же возшло солнце, оно увяло, и, так как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его. Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать. Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф. 13: 1-9).

В этой притче «сеятель» — Иисус Христос; «семя» — слово Божие, а «земля», «почва» — сердце человеческое; доброе сердце есть «плодородная земля», а злое, задавленное грехами сердце — «никуда не годная земля». Именно почва и ее качество служит для Чернышевского отправным образом-символом для создания второго сна героини, в котором Лопухов и Мерцалов обсуждают грязь на полях. По словам Лопухова, есть грязь чистая и грязь гнилая. Чистая грязь образуется на поляне, где есть сток воды и где нет гнилости. Там, где нет стока воды и есть гнилость, образуется гнилая грязь. На такой почве растения вырастут нездоровыми. Мерцалов согласен с Лопуховым. Он говорит, что отсутствие движения есть отсутствие труда и что без движения заводится та самая гнилая грязь, гнилая

почва: «Почему из одной грязи родится пшеница такая белая, чистая и нежная, а из другой грязи не родится? <...> Посмотрите корень этого прекрасного колоса: около корня грязь, но эта грязь свежая, можно сказать, чистая грязь <...> вода здесь имеет сток <...> колос, который вырастает из этой грязи от солнечного света, будет здоровый колос» [5, Т. 1, С. 160-161]. Сюжетно евангельская притча и сон-притча похожи: произрастание семени зависит от качества почвы, но в первом повествовании есть негодная, дурная почва, а есть добрая, благая. А в романе Чернышевского любая почва называется грязью, нет ее положительной нравственной оценки, а только материальная: здоровая — гнилая. И к этой «здоровой» относится, например, мать Веры — грубая и расчетливая ростовщица и интриганка Марья Алексеевна и ее система воспитания, а к «гнилой» — аристократ Серж, потому что вырос в роскоши и безделье, то есть «вырос на гнилой почве», и ни на что не годен, кроме как следовать за своей содержанкой Жюли. То есть — нет добра и зла, как в Евангелии. Все — злые и порочные.

Реальная (здоровая) грязь	Фантастическая (гнилая) грязь
Движение, жизнь	Нет движения
Труд	Нет труда, забота об излишнем, мысли о ненужном
	Нет доброй почвы, нет добра и зла
Злые, которые хотят, чтобы стало- вилось лучше	Злые, которые хотят, чтобы стано- вилось хуже

Иносказательная мысль Чернышевского в такой притче понятна: старый мир погряз в грязи и зле (именно поэтому и подлежит разрушению), но там, где люди трудятся ради выживания, могут зародиться новые люди, способные изменить мир и вернуть в него добро. Христианские мотивы в такой интерпретации тоже слышатся, но Чернышевский допускает, что в злой среде может родиться добро и причина изменения человека — труд. Как не вспомнить знаменитый афоризм Энгельса про труд, который сделал из обезьяны человека. Из притчи о сеятеле изымается сам Сеятель (Христос), остается лишь почва, в котором произрастает неизвестно откуда взявшееся растение. При этом все материализуется у Чернышевского, происходит еще одна подмена: речь идет не столько о душе, сколько

о среде обитания человека, стоит изменить окружение — и жизнь наладится. Меняешь не себя и свою душу, а людей вокруг себя, подобно тому, как Вера Павловна сначала поменяла родителей на Лопухова, а потом Лопухова на Кирсанова.

Однако образы из евангельской притчи о Сеятеле используются Чернышевским и в четвертом сне Веры Павловны, хотя этот сон изображает и другими библейскими аллюзиями. И это сон — кульминация всего романа. Женщина из сна («царица» или «богиня») показывает Вере Павловне свое царство — «Царство Небесное» на земле, которое одновременно является социалистическим обществом будущего. Земля, где оно расположено, описывается как Земля обетованная, — по словам Чернышевского, про нее «говорили в старину, что она “кипит молоком и медом”». Она называется «новая Россия», и ее местоположение описано с многозначительной точностью. Вот что открывается перед Верой Павловной с высоты, куда ее возводит «царица»:

«На далеком северо-востоке две реки, которые сливаются вместе прямо на востоке от того места, с которого смотрит Вера Павловна; дальше к югу, все в том же юго-восточном направлении длинный и широкий залив, на юге далеко идет земля, расширяясь все больше к югу между этим заливом и длинным узким заливом, составляющим ее западную границу. Между западным узким заливом и морем, которое очень далеко на северо-западе, узкий перешеек» [5, Т. 1, С. 480].

Хотя местность не названа, ее легко узнать из этого описания. Две реки — это Тигр и Евфрат, долина — библейский Эдем. А возвышенность, с которой Вера Павловна и «царица» осматривают окрестности, — это гора Синай, где Моисей получил скрижали с Десятью заповедями.

«Не всегда вырастающий колос» в евангельской притче о сеятеле в будущем сне Веры Павловны превращается в богатые поля: «Нивы — это наши хлеба, только не такие, как у нас, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто же видел такие колосья? Кто ж видел такие зерна? Только в оранжерее можно бы теперь выставить такие колосья с такими зернами. Поля — это наши поля; но такие цветы теперь только в цветниках у нас. <...> Группы, работающие на нивах, почти все поют; но какою работою они заняты? Ах, это они убирают хлеб. Как быстро у них

идет работа!» Утопическое будущее лишено каменистой почвы, лишено пустынь: «Эти горы прежде были голые скалы <...>. Теперь они покрыты толстым слоем земли, и на них» растут сады, финики, смоковницы, виноградники, сахарный тростник, кофе, «на нивах есть и пшеница, но больше рис» [5, Т. 1, С. 478]. Примерно так же выглядит и пустыня. Работа еще не закончена: «с каждым годом люди, вы, русские, все дальше отодвигаете границу пустыни на юг. Другие работают в других странах: всем и много места, и довольно работы, и просторно, и обильно».

Что же стало причиной такого изобилия? Людей к этому постепенно привела «царица» («невеста женихов», Революция и Любовь нового мира в одном лице), обучая их («недаром же я работаю и учу»). Сравним: Вера Павловна, побывавшая во сне в «царстве царицы», должна стать «сеятелем знания» о будущем в настоящем: «все-таки ты еще не войдешь в это полное царство моей сестры; по крайней мере, ты видела его, ты знаешь будущее. Говори же всем: будущее светло и прекрасно <...>. Стремись к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, что можете перенести». Главным условием наступления этого рая является достижение людьми равноправия, которое должно начаться с равноправия полов, мужчины и женщины, а далее — и равноправие всех социальных слоев, перерождение всех людей в новых людей, изменение экономических отношений и, конечно — служение прогрессу.

Утопия Чернышевского в четвертом сне Веры Павловны кому-то может показаться наивной, а кому-то, наоборот — привлекательной своей идеей всеобщего счастья, но вряд ли кто-то увидит в ней какую-то опасность. А вот русского писателя, современника Чернышевского, Федора Михайловича Достоевского один из символов этого сна привел в нравственное содрогание. Правда, не в самом романе, а в реальности, потому что поражающий воображение современников писателя, почти фантастический образ огромного здания-дворца для новых людей Чернышевский не придумал, а описал «дворец, который стоит на Сайденгамском холме» в Лондоне: «Здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по несколько в самых больших столицах, — или нет, теперь ни одного такого! Оно стоит среди нив и лугов, садов и рощ. Но это здание, — что ж это, какой оно архитектуры? Теперь нет такой; нет, уж есть один

намек на нее, — дворец, который стоит на Сайденгамском холме: чугун и стекло, чугун и стекло — только. Нет, не только: это лишь оболочка здания, это его наружные стены; а там, внутри, уж настоящий дом, громаднейший дом: он покрыт этим чугунно-хрустальным зданием, как футляром; оно образует вокруг него широкие галереи по всем этажам. <...> мебель из дерева тут лишь каприз, она только для разнообразия, но из чего ж вся остальная мебель, потолки и полы? «Попробуй подвинуть это кресло», — говорит старшая царица. Эта металлическая мебель легче нашей ореховой. Но что ж это за металл? Ах, знаю теперь, Саша показывал мне такую дощечку, она была легка, как стекло, и теперь уж есть такие серьги, брошки, да, Саша говорил, что, рано или поздно, алюминий заменит собою дерево, может быть, и камень. Но как же все это богато! Везде алюминий и алюминий, и все промежутки окон одеты огромными зеркалами. И какие ковры на полу! Вот в этом зале половина пола открыта, тут и видно, что он из алюминия» [5, Т. 1, С. 477].

Огромного размера здание из алюминия и стекла, вмещающее в себя бесчисленное множество людей, рассматривается Чернышевским как вершина человеческой мысли и прогресса: алюминий только еще открыли в XIX веке, он казался таким же чудом, каким казалась глина библейским людям Вавилона или тритий и плутоний — людям ядерной эпохи. Площадь реального лондонского дворца превышала 90 тысяч квадратных метров. Громадный зал вмещал до 14 тысяч посетителей. Но вот Достоевский, посетив летом 1862 г. во время первой своей заграничной поездки в Лондон Всемирную выставку, проходившую в этом Хрустальном дворце, так описывает свои впечатления в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «...Выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира, в едино стадо; вы сознаете исполинскую мысль; вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа, торжество. Вы даже как будто начинаете бояться чего-то. Как бы вы ни были независимы, но вам отчего-то становится страшно. Уж не это ли, в самом деле, достигнутый идеал? — думаете вы; — не конец ли тут? не это ли уж и в самом деле, “едино стадо”. Не придется ли принять это, и в самом деле, за полную правду и занеметь окончательно? Все это так торжественно, победно и гордо, что вам начинает дух теснить.

Вы смотрите на эти сотни тысяч, на эти миллионы людей, покорно текущих сюда со всего земного шара, — людей, пришедших с одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся в этом колоссальном дворце, и вы чувствуете, что тут что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, воочию совершающееся. Вы чувствуете, что много надо векового духовного отпора и отрицания, чтоб не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующего за свой идеал... Если бы вы видели, как горд тот могучий дух, который создал эту колоссальную декорацию, и как гордо убежден этот дух в своей победе и в своем торжестве, то вы бы содрогнулись за его гордыню, упорство и слепоту, содрогнулись бы и за тех, над кем носится и царит этот гордый дух» [5, Т. 4, С. 217].

Эти два отрывка надо обязательно прочитать с детьми на уроке, чтобы они тоже вслед за Достоевским увидели за апофеозом гуманизма, раем на земле, зловещее торжество духа «отпора и отрицания».

Таким образом, мы видим, что роман Чернышевского как евангелие Нового времени — это антиевангелие, проповедь, из которой изгнан Бог. Это книга о блаженстве и счастье человечества, достигнув которого можно достаточно легко: переступай через мешающие твоему счастью Заповеди Господни, меняй не себя, а свою среду — и работай, много работай ради науки и прогресса, потому что только они сделают тебя бессмертным на земле. К чему могут привести подобные идеи можно прочитать, например, в романе А. Платонова «Котлован».

Литература

1. Федеральная рабочая программа по учебному предмету «Литература» (углублённый уровень) (предметная область «Русский язык и литература») //Реестр примерных основных общеобразовательных программ: сайт. — URL: <https://fgosreestr.ru/uploads/files/1ee8ee89ba20e2d1778dfa806750e85.pdf> (дата обращения: 03.03.2025)
2. Лебедева Е. «Будет рай на земле» (О Николае Гавриловиче Чернышевском) // Русская народная линия: сайт. — URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2009/11/03/budet_raj_na_zemle (дата обращения: 03.03.2025)

3. Владимир Кантор. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. — Москва [и др.]: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
4. Чернышевский Н.Г. Дневники // Lib.ru: «Классика»: сайт. — URL: http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_1853_dnevniki.shtml (дата обращения: 03.03.2025)
5. Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений в пяти томах. — М., «Правда», 1974.
6. Злыгостев А.С.// Николай Гаврилович Чернышевский: сайт. — URL: <http://n-g-chernyshevsky.ru/books/item/f00/s00/z00000009/st141.shtml> (дата обращения: 03.03.2025)
7. Крутикова Н.И. В.И. Ленин о литературе и искусстве. — М., 1960.
8. Топоров, В.Н. Роза / В.Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. — М.: «Советская энциклопедия», 1988. — С. 386-387.
9. Дзюбенко М. Энциклопедия литературных героев — М., Аграф, 1997.
10. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах. — М., Художественная литература, 1956-1958.

Т.М. Косарева

Цареубийство как «условие достижения всеобщего счастья»: от Сенатской площади до Ипатьевского дома

В деятельности «сынов противления» во все времена были приоритеты, на которых основывалась их идеология. В нашей отечественной истории такими приоритетами для них стали уничтожение Церкви и самодержавия. Приоритеты выбраны не случайно. Симфония властей как особое соработничество Церкви и государства являлось важнейшей скрепой устойчивости русской православной цивилизации. Но, если ненависть «сынов противления» к Церкви сразу понятна, то их враждебное отношение к царской власти с обязательным для них убийством государя требует объяснения.

Цареубийства в нашей истории начали совершаться вскоре после того, как верховная власть в России стала принадлежать царю, помазаннику Божию. Цареубийство не сразу стало открытой идеей, программой определенных групп людей. Были преступления, совершенные против конкретного монарха претендентами на престол для захвата власти. Таковы убийства царей Феодора Годунова в 1605 году, Петра III в 1762 году, Ивана VI Антоновича в 1764 году, Павла I в 1801 году.

Начало цареубийства как идеологии связано с деятельностью декабристов. С того времени пройдет несколько десятилетий, и после череды покушений и убийства императора Александра II 1 марта 1881 года (в воскресенье 1-й недели Великого Поста, когда совершается чин Торжества православия!) К.Н. Леонтьев пророчески скажет: «Через какие-нибудь полвека, не более, русский народ из народа “богоносца” станет мало-помалу и сам того не замечая, “народом-богоборцем”». До революции 1917 года оставалось 36 лет.

То, как направлялась деятельность «сынов противления» по формированию идеологии и практики цареубийства в XIX — начале XX века в России, помогает объяснить наблюдение Джозефа Овертона. Согласно его концепции, для продвижения идеи есть так называемые

«окна возможностей», когда идея будет последовательно проходить определённые стадии, и в итоге её восприятие в обществе может кардинально измениться. Эти стадии:

- немыслимо;
- радикально;
- приемлемо;
- разумно;
- популярно;
- норма.

На первой стадии все высказывания о новой идее будут считаться недопустимыми. На второй стадии в обществе начинают говорить о новом явлении как об отрицательном, но уже появляются первые сообщества, поддерживающие радикальную идею. Её сторонников всячески критикуют и осуждают. Однако таким образом общество начинает все больше слышать о внедряемом явлении, хотя пока еще воспринимает его негативно.

Затем идея постепенно переходит в область «приемлемого». На этой стадии радикальная идея обсуждается как можно чаще, появляются новые термины, в дискуссиях начинают принимать участие специалисты. Идея находит новых сторонников.

Далее приемлемая идея плавно перетекает в четвертое окно Овертона — в область «разумного». Здесь сторонников продвигаемого явления уже начинают оправдывать, в обществе идет напряженная борьба между теми, кто принимает идею, и ее противниками. В этой борьбе, как правило, сторонники идеи одерживают победу, что регулярно освещается средствами массовой информации. К сторонникам идеи уже начинают присоединяться ученые и специалисты, которые положительно высказываются о еще некогда радикальной идее.

Общество уже в какой-то степени привыкает к тому, что явление существует. Общественные деятели, журналисты начинают говорить о возможной легализации явления, идея становится популярной.

В результате проделанной работы внедренная в общество идея попадает в шестое окно Овертона — в «норму». Этот этап завершающий. К часто обсуждаемой в обществе проблеме всерьез подключаются политики, которые начинают говорить о юридическом закреплении продвинутого в массы явления. Законодательные органы власти легализуют внедренную идею, принимается закон, и общество уже не в состоянии что-либо изменить [1].

Весь этот путь прошла идея царевубийства в России в XIX — начале XX века. «Сыны противления» усердно потрудились над тем, чтобы превратить немыслимое в норму.

Веками в традиционном сознании русского общества идея царевубийства считалась недопустимой. Такое отношение было сформировано Священным Писанием.

Библия говорит о непростых отношениях первого царя Израиля Саула с будущим его преемником Давидом. Саул неоднократно покушался на жизнь Давида. Давид же имел возможность защитить себя, убив его. Так, Давид мог сделать это в пещере, в которой скрывался, куда, сам не зная того, зашёл Саул. Но он не захотел поднять руку на царя и отвечал своим людям, побуждавшим его к этому: «Да не попустит мне Господь сделать это господину моему, помазаннику Господню, чтобы наложить руку мою на него, ибо он помазанник Господень» (1Цар. 24:7).

В другой раз преследуемый Давид находился в пустыне Зиф (часть Иудейской пустыни). Он вошел ночью в стан преследователей и увидел спящего Саула. Сопровождавший его племянник Авесса просил разрешения пронзить его копьем. Давид ответил: «Не убивай его; ибо кто, подняв руку на помазанника Господня, останется ненаказанным?» (1Цар. 26:9).

Примечательно и то, как Давид отреагировал на смерть Саула, павшего на свой меч во время битвы с филистимлянами. Весть об этом принёс Давиду один амаликитянин. Предполагая, что Давид будет рад этой вести, он решил выдать себя за убийцу Саула, чтобы тем еще больше увеличить ожидаемую награду. Однако, выслушав придуманный амаликитянином рассказ о том, как он, по просьбе раненого Саула, умертвил его, Давид схватил одежды свои и разодрал их, также сделали и все люди, бывшие с ним. Они рыдали и плакали, и постились до вечера. «И сказал Давид отроку, рассказавшему ему: откуда ты? И ответил он: я сын пришельца-амаликитянина». Тогда Давид сказал ему: как не побоялся ты поднять руку, чтобы убить помазанника Господня?» и приказал одному из слуг убить его. При этом Давид сказал: «кровь твоя на голове твоей; ибо твои уста свидетельствовали на тебя, когда ты говорил: я убил помазанника Господня» (2Цар. 1:13-16). Так был казнен иноплеменник, выдавший себя за убийцу Саула. Он подвергся жестокой казни, хотя Саул сделал много зла, за которое отступился от него Господь, и он являлся

гонителем невинного Давида. Царь — помазанник Божий. Только Господь, в руке Которого сердца царей, может поразить впавшего в злочестие государя.

Впервые в Священном Писании мы читаем о помазании как о священнодействии в 29 главе Книги «Исход», когда Господь благословляет Моисея на помазание Аарона: «и возьми елей помазания, и возлей ему на голову, и помажь его» (Исх. 29:7) Через помазание Аарону (первому ветхозаветному первосвященнику) сообщались особые дары Духа Святого — дар выше человеческих сил и возможностей молиться за народ, который постоянно спотыкается, падает, ропщет, отступает и снова возвращается к Богу. «Быть помазанным» значит быть выделенным, освященным и наделенным дарами для особой цели. Печать Дара Духа Святого означает: «Вот этот человек — он Мой, и Я вручаю ему особую миссию!».

Во времена Ветхого Завета помазание совершалось и над царями. Согласно Библии, наилучшая форма правления — теократия. Поэтому, когда народ еврейский обратился к Самуилу с просьбой поставить над ними царя, Самуил молился Господу, да не будет этого. Но «сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними» (1Цар. 8:7).

Первым помазанным царем стал Саул. Он полюбил власть больше Бога. Совершив грех, Саул плакал не о том, что потерял личные отношения с Богом, а о том, что может потерять власть. Иным был Давид. О помазании его Библия говорит: «и взял Самуил рог с елеем и помазал его среди братьев его, и почивал Дух Господень на Давиде с того дня и после» (1Цар. 16:13). Давид был тем царем, который слушал Бога. Согрешив перед Богом, Давид плакал, и Господь простил его.

Теократия через монархию возможна в том случае, если царь слушает Бога. В Книге Притчей Соломоновых читаем: «Мною царие царствуют» (Пр. 8:15). В Книге Премудрости Соломоновой говорится: «Слышите убо, царие, и разумеите..., яко дана есть от Господа держава вам и сила от Вышняго» (Прем. 6:1-3). В Священном Писании множество раз указывается, что цари получают власть от Бога: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Римл. 13:1).

Примечательно, что во времена Ветхого Завет помазание

священников, пророков, царей совершалось освящённым маслом — елеем. В новозаветной истории помазание на царство уже осуществлялось через особое Таинство миропомазания. Христианин участвует в этом Таинстве один раз в жизни. И только над поставляемым на царство это Таинство совершалось ещё раз, что подчёркивает особую миссию царя, на которую его направляет Господь. Неслучайно в Неделю Торжества православия среди иных анафематизмов звучит и такой: «Помышляющим, яко Православнии Государи возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению и при помазании на Царство дарования Духа Святаго к прохождению великого сего звания на них не изливаются: и тако дерзающим против их на бунт и измену: анафема».

Русский народ с момента Крещения относился к верховной власти, как к власти отца. Почтение государя было естественным, так как вытекало из пятой заповеди о почитании родителей. Это почтение запечатлено в пословицах русского народа. Обратимся к некоторым из них: «Бог на небе, царь на земле. Один Бог, один государь. Без Бога свет не стоит, без царя земля не правится. Никто против Бога да против царя. Без царя — земля вдова. Нет больше милосердия, как в сердце царевом. Царь от Бога пристав. Одному Богу государь ответ держит. Народ согрешит — царь умолит; царь согрешит — народ не умолит».

Изменение традиционного сознания стало быстрым и заметным в XIX веке, но было подготовлено предшествующей эпохой Просвещения, когда ценности традиционного сознания стали объявляться устаревшими. Над ними даже глумились, как это, например, делал император Пётр I.

Нарастание беззакония отчетливо проявляется в XIX веке. Движение декабристов — та веха, когда начинается продвижение идей, невысказанных для традиционного сознания русского общества. Осуществление этих идей подавалось как необходимость ради «светлого будущего».

Лукавство «сынов противления» проявляется в том, что лозунг «светлого будущего» всегда бывает декларативным, но привлекательным, при этом для его осуществления предлагаются негодные средства. Например, «светлым будущим» для крепостных крестьян являлось освобождение от крепостного права. Казалось бы, что проще для дворянина-помещика: воспользоваться указом Александра I о

вольных хлебопашцах, и ты на своём примере покажешь, как можно достигнуть цели. Для того чтобы сделать крестьян свободными, не обязательно революция.

Но вот какое наблюдение сделала О.И. Киянская, специалист по истории революционных движений. О декабристах она пишет: «Они действовали исходя не из крестьянских нужд, а из своих собственных. Они вернулись с войны, где от их таланта и умения зависел исход битв. Там они себя видели действующими лицами истории, а вернувшись, оказались винтиками в военной машине. Они могли либо выслуживать чины, либо выйти в отставку — “В деревне книги стал читать”... А декабристы, как они потом показывали на допросах, хотели быть политиками, вершить судьбы страны. При жестко стратифицированном сословном обществе, при самодержавии это было невозможно. Отсюда главная цель декабристов — равные права для всех» [2].

Е.А. Авдеенко, характеризуя каинитян, указывает на их постоянное стремление управлять временем и историей. «Сыны противления», как и их отец, враг рода человеческого, мечтают о власти. «Именно в среде декабристов возникло такое понятие, как дух времени. Это воля Бога, которая сообщается отдельно избранным людям. У Рылеева есть такой текст — “О духе времени”. Он там пишет: “Человек свят, когда он умеет понять дух времени”. А если ты понял дух времени, значит, ты должен понять, к чему стремится народ. Потом эта мысль станет ключевой у Толстого в “Войне и мире”. Все декабристы были разными. Но все они мечтали о равенстве, верили в свою исключительность, метили в Наполеоны, и всем им казалось, что они понимают дух времени. Поэтому в их среде было сложно с иерархией, с идеей подчинения начальникам. Если каждый Наполеон — это естественно».

О том же Пестеле современники вспоминали как о непомерном честолюбце, цель которого состояла в том, чтобы «произвести суматоху и, пользуясь ею, завладеть верховною властью». Сергей Муравьев-Апостол считал, что залог победы революции — «железная воля нескольких людей», что «масса ничто, она будет тем, чего захотят личности, которые все». Естественно, что к подобным «личностям» Муравьев-Апостол относил и себя.

А князь Трубецкой, для того, чтобы стать единоличным лидером будущей революции, договаривался с Муравьевым-Апостолом о совместном выступлении при изоляции Павла Пестеля.

Кондратий Рылеев признавался, что «сердце» подсказывает ему: «Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия, и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинною твердостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесешься выше человеков» [3].

Итак, мысль большинства идеологов заговора 1820-х годов двигалась в одном направлении — в направлении уничтожения самодержавия в России. Все они понимали, что после революции должно быть установлено всеобщее равенство, но пока есть монарх, то равенство это невозможно. Отсюда и идея царевубийства, необходимое логическое завершение такого рода рассуждений.

Впрочем, среди декабристов было много и умеренно настроенных революционеров. Единодушного одобрения царевубийственных планов все же не было. Среди вариантов устранения царя всерьез обсуждалась, например, и высылка. В целом декабристы колебались, и вопрос о том, что делать с императором и императорской фамилией, окончательно решен не был.

Решительное и уже однозначно выраженное революционное слово прозвучало позже, через 37 лет. Как пишет О.В. Будницкий, автор книги «Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.)» [4], впервые в истории убийство открыто стало признаваться нормальным политическим средством с подачи студента Московского университета Петра Заичневского весной 1862 года в камере Тверской полицейской части. Заичневский составил в заключении прокламацию «Молодая Россия», в которой призывает к «революции, революции кровавой и неумолимой, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка». Он заверяет, что «мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито Якобинцами в 1790-х годах».

Он также призывает двинуться с распущенным красным знаменем к Зимнему дворцу, чтобы «истребить живущих там. Может случиться, что все дело кончится одним истреблением императорской фамилии, то есть какой-нибудь сотни-другой людей, но может случиться, и

это последнее вернее, что вся императорская партия, как один человек, встанет за Государя, потому что здесь будет идти вопрос о том, существовать ей самой или нет. Мы издадим один крик: “в топоры”, и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!» [5].

Рубежом в истории русского революционного терроризма явился день 4 апреля 1866 года, когда 25-летний бывший студент Дмитрий Каракозов совершил покушение на императора Александра II. В кармане у стрелявшего нашли прокламацию «Друзьям-рабочим!», в которой было сказано: «Грустно, тяжело мне стало, что... погибает мой любимый народ, и вот я решил уничтожить царя-злодея и самому умереть за свой любезный народ. Удастся мне мой замысел — я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу — русскому мужику» [6]. Однако именно этот русский мужик, крестьянин Костромской губернии Осип Иванович Комиссаров, спас императора от смерти.

Для автора «Катехизиса революционера» С. Нечаева Каракозов стал примером. В первом номере «Народной расправы» Нечаев писал: «Начинание нашего святого дела положено утром 4 апреля 1866 года Дмитрием Владимировичем Каракозовым. Дело Каракозова надо рассматривать, как пролог. Постараемся, друзья, чтобы поскорее наступила и сама драма». Вспомним, что 4 апреля 1866 года — это Великая Среда. С покушения Каракозова начинается охота на императора Александра II.

Итак, идея цареубийства прошла ступеньки от «немыслимо» (понимание, основанное на Священном Писании) через «радикально» (декабристы) и «приемлемо» («Народная расправа» С. Нечаева, революционное общество Ишутина) до «разумно». 31 марта 1878 года в 11 часов утра открылось заседание Петербургского окружного суда по делу В.И. Засулич под председательством А.Ф. Кони. Вера Засулич совершила покушение на петербургского градоначальника Ф. Трепова, тяжело ранив его. 29-летняя Вера Засулич знала, что делает. Знакомство с Нечаевым, вдохновившим Достоевского написать «Бесов», два года предварительного заключения в Литовском замке и Петропавловской крепости, две административные ссылки, попытка поднять крестьянское восстание — хорошая школа. Она

не была хрупкой девушкой, которая борется с несправедливостью. Она была подготовленной революционеркой, как и две её сестры. Деяние Засулич предусматривало лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Заседание было открытым, зал до отказа заполнился публикой. Все были уверены, что присяжные вынесут обвинительный приговор. Но Засулич была оправдана! После оправдания Веры Засулич волна политического террора накрыла не только Россию, но и Европу — покушения на людей, олицетворявших Церковь и государство, прокатились по Германии, Испании, Италии, Франции.

Ф.М. Достоевский за пять лет до этого громкого процесса писал: «Вот в том-то и ужас, что у нас можно сделать самый пакостный и мерзкий поступок, не будучи вовсе иногда мерзавцем! Это и не у нас одних, а на всем свете так, всегда и с начала веков, во времена переходные, во времена потрясений в жизни людей, сомнений и отрицаний, скептицизма и шатости в основных общественных убеждениях. Но у нас это более чем где-нибудь возможно, и именно в наше время, и эта черта есть самая болезненная и грустная черта нашего теперешнего времени. В возможности считать себя, и даже иногда почти в самом деле быть, немерзавцем, делая явную и бесспорную мерзость, — вот в чем наша современная беда!» [7].

Величина литературного гения Ф.М. Достоевского заключается в том, что он в романе «Бесы» создает универсальные образы революционеров. В основу романа положена деятельность нечаевской организации. Но эти же типажи мы можем найти в «Народной воле» и более поздней «Боевой организации социалистов-революционеров».

Деятельность «Народной воли» и «Боевой организации социалистов-революционеров» — это следующая ступень окна возможностей, «популярно». Народоволющцы — «сыны противления», которые порвали с отцами, забыли Бога и начали открытую борьбу с царем. Многие из них были очень талантливыми, образованными людьми, которые могли послужить своему Отечеству, но сделали совсем другой выбор. Воля, которая дана человеку для устремления к Богу, превратилась в своеволие. Народоволющцы считали, что неожиданное убийство Государя парализует все государственное управление, а затем вызовет всеобщее народное возмущение против власти, что оно станет сигналом, которого якобы только и ждут «революционно настроенные крестьянские массы».

Народовольцы убили императора в воскресенье 1-й недели Великого Поста, когда за литургией в Торжество православия провозглашалась анафема тем, кто поднимает руку на помазанника Божия. Ужасает в этом событии еще и то, что главной виновницей убийства стала женщина — Софья Перовская.

В «Боевой организации социалистов-революционеров» женщины составляли уже около трети участников. «Боевая организация» входила в состав партии эсеров на правах автономной организации, насчитывала до 78 человек. В разное время её возглавляли Григорий Гершуни, Евно Азеф, Борис Савинков. Достаточно посмотреть на лица этих людей, чтобы понять, кому они служили. Партия, в начале XX века впервые во всеуслышание провозгласившая террор частью своей официальной политики. В период своей террористической деятельности члены партии социалистов-революционеров совершили 263 террористических акта. В результате террористических актов погибли 2 министра, 33 генерал-губернатора, губернатора и вице-губернатора, 16 градоначальников, 7 адмиралов и генералов, 26 разоблаченных агентов полиции. Министр просвещения, дважды ректор Московского университета Н.П. Боголепов убит студентом (!), отчисленным за участие в забастовках. Министр внутренних дел Д.С. Сипягин убит террористом, переодетым в форму офицера. Все предки Д.С. Сипягина верой и правдой служили русскому престолу во флоте и в армии: прапрадед — вице-адмирал; прадед — генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 года; дед — участник Кавказской и Крымской войны. «Какое возмутительное убийство, но какая чудная христианская кончина!» — писал о нём государю Николаю II великий князь Сергей Александрович. Спустя несколько лет бомба И. Каляева разорвет карету великого князя. На месте трагических событий в 1908 году был воздвигнут крест-памятник работы В.М. Васнецова. У подножия креста — надпись: «Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят». А по всему кресту написано: «Аще бо живем, Господеви живем, аще же умираем, Господеви умираем: аще бо живем, аще умираем Господеви есмь. Вечная память Великому Князю Сергию Александровичу, убиенному 4 февраля 1905 года. Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем». В 1918 г. В.И. Ленин накинул веревку на шею Христа и снес крест-памятник.

Устойчивая мифологема «светлого будущего» и «всеобщего счастья» непременно возникала, начиная с Французской революции. При этом для достижения этого «светлого будущего» необходимо было убить множество людей. Епископ Митрофан (Баданин) пишет, что только с 1901 по 1911 годы, террористы боевых организаций революционеров убили 17 тысяч человек [8].

Таким образом, следует признать, что именно «борцы за светлое будущее» явились родоначальниками терроризма как явления.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в проповеди в день памяти великомученицы Варвары сказал: «Вся человеческая история исполнена борьбы за правду. В новейшие времена этих правд ровно столько, сколько человеческих голов. У каждого своя правда... Но мы знаем, в какую кровавую баню, в какое кровавое месиво было превращено бытие наших предков в XX веке, когда в борьбе за эти маленькие человеческие правды отец восстал на детей и дети на отца; когда разрушены были дружба и любовь; когда кровь лилась рекой, а обезумевшие от этой крови люди стремились всеми силами, несмотря ни на что, утвердить свою маленькую, человеческую, скажем прямо, ничтожную правду!»

Кульминацией деятельности революционеров стало убийство 17 июля 1918 года последнего русского императора Николая II. Чуть больше века понадобилось «сынам противления», чтобы идея царубийства опустилась со ступеньки «немыслимо» на ступеньку «законодательная норма».

О том, как восприняли страшное известие люди, читаем в дневниках Марины Цветаевой: «Возвращаемся с Алей с каких-то продовольственных мытарств унылыми, унылыми, унылыми проездами пустынных бульваров. Витрина — жалкое окошко часовщика. Среди грошовых мелочей огромный серебряный перстень с гербом.

Потом какая-то площадь. Стоим, ждем трамвая. Дождь. И дерзкий мальчишеский петушиный выкрик:

— Расстрел Николая Романова! Расстрел Николая Романова! Николай Романов расстрелян рабочим Белобородовым!

Смотрю на людей, тоже ждущих трамвая, и тоже (то же!) слышащих. Рабочие, рваная интеллигенция, солдаты, женщины с детьми. Ничего. Хоть бы кто! Хоть бы что! Покупают газету, проглядывают мельком, снова отводят глаза — куда? Да так, в пустоту. А может, трамвай выколдовывают.

Тогда я, Але, сдавленным, ровным и громким голосом (кто таким говорил — знает):

— Аля, убили русского царя, Николая II. Помолись за упокой его души!

И Алин тщательный, с глубоким поклоном, троекратный крест. (Сопутствующая мысль: “Жаль, что не мальчик. Сняла бы шляпу”»)» [9].

Патриарх Тихон, узнав о казни императора, 21 июля после литургии в Казанском соборе на Красной площади произнес: «Мы, к скорби и к стыду нашему, дожили до такого времени, когда явное нарушение заповедей Божиих уже не только не признается грехом, но оправдывается, как нечто законное. Так, на днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший государь Николай Александрович, по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство — Исполнительный Комитет одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководясь Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинаясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего государя: беспристрастный суд над ним принадлежит истории, а он теперь предстоит пред нелицеприятным судом Божиим, но мы знаем, что он, отрекаясь от престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы, после отречения, найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринимал для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе... и вдруг он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-либо вину, а за то только, что его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние — уже после расстрела — одобряется высшей властью. Наша совесть примириться с этим не может и мы должны во всеуслышание заявить об этом, как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточают в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: “Блаженны слышащие Слово Божие и соблюдающие его”» [10].

Методические рекомендации:

На уроках истории о царском служении как особом даре и установлении Божиим можно говорить в 5 классе при изучении темы «Палестина и ее население. Возникновение Израильского государства». В 6 классе, рассматривая тему «Франкское государство в VIII-IX вв.», можно остановиться на понятии «помазание на царство». В 7 классе подробно говорим о смысле царского служения при знакомстве с темой «Принятие Иваном IV царского титула. Реформы середины XVI в». Особое внимание отношению к царю и наказанию за непочтительное отношение уделим при изучении раздела «Смутное время начала XVII в.». В 8 классе обратим внимание на возникновение и развитие идеи цареубийства во Франции, при изучении темы «Упразднение монархии и провозглашение республики» проанализируем последствия реформ Петра I в теме «Церковная реформа. Упразднение патриаршества, учреждение Синода. Положение инославных конфессий». Задумаемся об убийстве Петра III, изучая «Переворот 28 июня 1762 г.», ужаснемся убийству Павла I в теме «Дворцовый переворот 11 марта 1801 г.».

В 9 классе проследим путь нарастания беззакония при рассмотрении тем «Дворянская оппозиция самодержавию», «Восстание декабристов 14 декабря 1825 г.», «Общественная жизнь в 1830-1850 гг.», «Общественная жизнь в 1860-1890 гг.», «Идейные течения и общественное движение второй половины XIX в.», «Первая российская революция 1905-1907 гг.».

И, наконец, суд и наказание Божие за возведение в норму того, что является немыслимым, мы видим при изучении в 10 классе раздела «Великая российская революция».

Литература

1. Станислав Исхаков. Окно Овертона — технология уничтожения общества. — <https://proza.ru/2017/03/28/1567>

2. Киянская О. Декабристы. Пленники свободы. — М., 2023. — 384 с.

3. Там же.

4. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.) / О.В. Будницкий. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 383 с.

5. Там же, с. 30-31.
6. Пуцаев Юрий. От декабристов до выстрела Каракозова. — // <https://pravoslavie.ru/115131.html>
7. Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1873. XVI. Одна из современных фальшей // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. — СПб.: Наука, 1994. — Т. 12. — С. 148-161.
8. Митрофан (Баданин), епископ. Духовные истоки русской революции. — Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2018. — С. 9.
9. Дмитрий Урусов. Цветаева и царская семья. — // <https://stihi.ru/2023/04/27/4430>
10. Артюшенко М.В. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России. Архипастырь. Исповедник. Человек. — М.: Донской монастырь, 2024. — С. 322.

Е.Г. Маринина

«Сыны противления» в зеркале «Бесов» Ф.М. Достоевского

Ноябрь 1869 года. Московские газеты пестрят описаниями подробностей убийства, потрясшего общественность своей циничностью. Членами революционного кружка «Народная расправа» был убит студент Земледельческой академии Иван Иванов. Ужас преступления заключался в том, что с убитым жестоко расправились свои же «товарищи» во главе с лидером «Народной расправы» Сергеем Нечаевым, таким образом решившим «спаять кровью» членов организации.

Федор Михайлович Достоевский был хорошо знаком с материалами уголовного дела «нечаевцев». На страницах романа «Бесы», который увидит свет в 1871 году, он воссоздает это преступление. Но, воспользовавшись фабулой громкого дела, писатель ведёт своего читателя к онтологическим глубинам процессов, разворачивающихся в России.

Причину написания романа Достоевский определил в письме великому князю Александру Александровичу, будущему императору Александру III, как потребность «объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как нечаевское преступление» [1].

Что же такое увидел великий писатель в Нечаеве, что заставило его внести серьёзные коррективы в творческие замыслы и начать написание романа — пожалуй, самого страшного, самого пророческого в русской литературе?

Нечаев станет прототипом одного из ключевых персонажей «Бесов» — Петра Степановича Верховенского. В подготовительных материалах к роману автор долгое время так и именует его «Нечаевым». Правда, будучи лично не знаком с лидером «Народной расправы», решает наделить одного из главных «бесов» романа некоторыми чертами хорошо известного ему М.В. Петрашевского («Петрашевский» — неполная анаграмма от «Петруша Верховенский»). Тем не менее, в письме издателю Каткову Достоевский

замечает: «...мой Пётр Верховенский может нисколько не походить на Нечаева; но мне кажется, что в поражённом уме моем создалось воображением то лицо, тот тип, который соответствует этому злодейству» [2].

Верховенский создаёт в губернском городе группу революционно настроенной молодёжи с целью запалить мятеж и развернуть его чуть ли не во всемирную революцию. Цель его деятельности объяснит потом следствию один из участников организации: «для систематического потрясения основ, для систематического разложения общества и всех начал; для того, чтобы всех обескуражить и изо всего сделать кашу, и расшатавшееся таким образом общество, болезненное и раскисшее, циничское и неверующее, но с бесконечной жаждой какой-нибудь руководящей мысли и самосохранения, — вдруг взять в свои руки, подняв знамя бунта и опираясь на целую сеть пятерок, тем временем действовавших, вербовавших и изыскивавших практически все приёмы и все слабые места, за которые можно ухватиться» [3].

Интриги, доносы, обман — орудия Верховенского. Он играет на самых тёмных и подлых струнах человеческой души, люди для него — материал для осуществления цели. Его рассуждения леденят душу своей циничностью: «Слушайте, мы сначала пустим смуту... учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши... О, дайте, дайте, взрасти поколению... Но одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь — вот чего надо! А тут еще «свеженькой кровушки», чтоб попривык...

Мы провозгласим разрушение... Мы пустим пожары... Ну-с, и начнётся смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал» [4].

Достоевского будут обвинять впоследствии в клевете на революционеров. Но фигура реального Сергея Геннадьевича Нечаева демонстрирует такие бездны, что писатель в романе, скорее, даже пригладил его портрет.

«Я мошенник, а не социалист», — говорит о себе Верховенский. Эту характеристику, в полной мере, можно было бы отнести и к его

прототипу. «Хлестаковым от революции» называет Нечаева автор его биографии, вышедшей в 2001 г. в серии «Жизнь замечательных людей», Ф.М. Лурье [5]. Не получив систематического образования (не окончив даже гимназического курса), не будучи ни социалистом, ни марксистом, ни фурьеристом, Нечаев как будто перемолол в себе разные учения, известные ему понаслышке, сотворив из себя нечто самобытное.

Этаким «юношей из народа» с сочинённым им самим образом создателя несуществующих таинственных революционных кружков, якобы страдавшего в застенках Петропавловской крепости и чудом бежавшего, двадцатидвухлетний Сергей Нечаев предстаёт в апреле 1869 года в Женеве перед русскими революционными эмигрантами. Его невежество и фанатизм, болезненная жажда власти и неразборчивость в средствах оттолкнули Герцена, но его энергия, железная воля и преданность революции понравились скучающим без дела Бакунину и Огареву. Первый зачастую помогал в составлении прокламаций и прочих документов, второй снабдил средствами на их издание.

С фиктивным мандатом несуществующей организации («женевского революционного комитета»), подписанным для солидности Бакуниным, Нечаев возвращается в Москву, где разворачивает бурную деятельность по созданию тайного общества для подготовки всероссийского крестьянского восстания. При вербовке в организацию под названием «Народная расправа» он рассказывал об уже якобы существующих её отделениях в Петербурге, Одессе и других городах, о таинственном «комитете», стоящем во главе всего российского освободительного движения. Во время следствия по делу «нечаевцев» один из студентов Земледельческой академии А.К. Кузнецов так рассказывал о методах вербовки: «Нечаев устраивал вербовку в члены общества разными средствами, и тех, кто не поддавался на его желание, обставлял таким образом: окружал их незаметно для них самих такими людьми, которые все старались уговорить не желавших, давали понимать, что все должны служить общему делу, что нужно ради их же самих, ибо иначе народ, когда поднимется, истребит всех, кто не стоит в наших рядах. Старания эти вели к тому, что не желавший поддавался сначала только на пожертвование в пользу дела деньгами, а потом, связавши уже себя этим пожертвованием, вступал в дело и лично. Вообще Нечаев обладал удивительною ловкостью к тому,

чтобы склонить к участию в обществе; он умел представить это дело в таких размерах, придать ему такой характер общего дела, что силою этих доводов увлекал за собою» [6].

Вместе с мандатом Нечаев привёз в Россию и текст «Катехизиса революционера» — документа, потрясающего своей жестокостью и цинизмом. В первых же строках «Катехизис» рисует образ революционера как одержимого, полностью отказавшегося от своей личности винтика системы, отрицающей мораль, нравственность, порядок и приличия, направленной только на разрушение «этого поганого строя».

«Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени...».

«Он... разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него — враг беспощадный, и если он продолжает жить в нём, то для того только, чтоб его вернее разрушить».

«Нравственно для него всё, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно всё, что мешает ему».

«Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены... Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение».

Заслуживают внимания разделы «Катехизиса», посвященные отношению революционера к разным категориям населения.

«...Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство...».

«Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта».

«К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом, ни энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать

всевозможными манерами и путями; опутать их, сбить их с толку, и, овладев, по возможности, их грязными тайнами, сделать их своими рабами».

«Четвёртая категория состоит из государственных честолобцев и либералов... Прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их донельзя, ... и их руками мутить государство».

А вот другом для революционера может быть только товарищ по революции, да и то мера дружбы определялась «Катехизисом» «единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции». На товарищей революционер смотрит как на некий «революционный капитал», поэтому, решая вопрос, спасать или нет товарища, попавшего в беду, он «должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользой революционного дела».

Счастье для народа автор «Катехизиса» видит во всеокушающей народной революции, «которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России» [7].

Не случайно Нечаев привез в Россию «Катехизис» в зашифрованном виде. Он предназначался для «избранных», и рядовые члены «Народной расправы» не были с ним знакомы. Об этом говорил на судебном процессе адвокат «нечаевцев» В.Д. Спасович: «Если задаться вопросом, почему этот катехизис, столь старательно составленный, никому не читался, то надо прийти к заключению, что, если бы читался, то произвёл бы самое гадкое впечатление» [8].

Достоевский знакомится с «Катехизисом», впервые опубликованном в «Правительственном вестнике» в июле 1871 года, когда уже вышла в свет первая часть «Бесов». Известный исследователь творчества Достоевского Б.Н. Тихомиров не сомневается, что после прочтения писатель вносит изменения в последующие части романа [9]. Интересно, что в романе Пётр Верховенский не является автором какого-либо документа, но действует он так, будто пункт за пунктом осуществляет положения нечаевского «Катехизиса».

Достоевский рисует ужасающую апокалиптическую картину реализации идей Нечаева, которые, воплощенные Верховенским, пока — всего лишь «проба пера», репетиция смуты будущей. В финале романа одна за другой рушатся человеческие судьбы, гибнут люди, горит в огне пожара город. Привычный мир становится опасным

для человека и непригодным для жизни. Достоевский делает великое открытие: люди начинают разрушать себя и окружающий мир не в силу каких-либо социальных причин, а под действием неких жестоких и злобных сил. Ранее, в эпилоге «Преступления и наказания», он называет эти силы «трихинами», как бы не решаясь назвать их подлинное имя. Но описывает их как «существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей..., одарённые умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. <...> Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. <...> Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. <...> Начались пожары, начался голод» [10].

Этот сон Раскольникова мог бы стать прологом к роману «Бесы», в котором Достоевский открывает подлинное имя этих духовных сил, с поразительной убедительностью показывая, как захватывают они человеческую душу, подавляют волю, доводя ум до безумия, превращая людей в бесов. Название романа — не аллегория, а прямое указание на духовный характер всех революционных процессов. Отважно погружаясь в глубины зла, Достоевский, к удивлению и раздражению многих современников, открывает, что русская революционность — феномен не политический или социальный, а метафизический и религиозный.

Исток всякого атеизма, нигилизма, анархизма и социализма — дьявол, который завладевает душами соблазнившихся революционными идеями. Преподобный Иустин (Попович), исследуя философию и религию Достоевского, называет это открытие наиглавнейшей заслугой писателя [11]. «Достоевский, — пишет преподобный Иустин, — открыл метод действий дьявола в сфере человеческой природы: он незаметно, тайно забирается в самосознание человека, становится его неотделимой частью, постепенно и неприятно захватывает ум и все психические силы человека, так что человек неосознанно чувствует его как себя,.. мыслит посредством его, а считает, что мыслит сам по себе, чувствует посредством его, а считает, что желает сам по себе. Все свои силы дьявол методически использует на то, чтобы незаметно стать имманентным человеческому самосознанию» [12].

Главный «бес» романа — безусловно, Петр Верховенский. Его принадлежность к inferнальному пространству Достоевский подчёркивает в описании змееподобных черт внешности: «Голова его

удлинен к затылку и как бы сплюснута с боков, так что лицо его кажется вострым. Лоб его высок и узок, но черты лица мелки; глаз вострый, носик маленький и востренький, губы длинные и тонкие». Он «ходит и движется очень торопливо», он активен и деятелен («вертится»), так, что кажется, будто находится в нескольких местах одновременно. «Его мысли спокойны, несмотря на торопливый вид, отчётливы и окончательны, — и это особенно выдаётся. Выговор у него удивительно ясен; слова его сыплются, как ровные, крупные зёрнышки, всегда подобранные и всегда готовые к вашим услугам... Вам как-то начинает представляться, что язык у него во рту должно быть какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкий, ужасно красный и с чрезвычайно вострым, беспрерывно и невольно вертящимся кончиком» [13].

В статье «Одна из современных фальшей» Достоевский, вновь возвращаясь к цели написания романа, уточняет: «Лицо *моего* Нечаева, конечно, не похоже на лицо настоящего Нечаева. Я хотел поставить вопрос и, сколько возможно яснее, в форме романа дать на него ответ: каким образом в нашем переходном и удивительном современном обществе возможны — не Нечаев, а *Нечаевы*, и каким образом может случиться, что эти *Нечаевы* набирают себе под конец нечаевцев?» [14].

Многие из современников, читая роман, поругивали Достоевского, считая нечаевщину случайным эпизодом, завершившимся арестом её лидера, «идиотического фанатика», за которым могла пойти только праздная, необразованная и «недоразвитая» молодежь или некие безнравственные отщепенцы. Именно такими представляются мелкие «бесы» романа: Липутин — фурьерист, «прирождённый шпион», процентщик, мелкий тиран семьи, завистник и сплетник; Шигалёв — мрачный, «пасмурный» человек, разработавший проект будущего всеобщего равенства, где будут упразднены гений и добродетель; Виргинская — до жадности любящая деньги, доходящая до самоуслаждения в своём неряшестве, «из принципа» идущая на откровенную связь с другим мужчиной при живом муже; Лямшин — плут и мерзавец, принявший участие в глумливой выходке по осквернению иконы Божией Матери. Перед нами предстаёт коллективный портрет членов «революционной организации» Верховенского, где все «подозревали друг друга и одни перед другими принимали разные осанки» или же представляли собой «тип

подавленного до желчи благородного самолюбия» [15]. Не несущие никакой положительной идеи, они объединены только идеологией хаоса и погрома.

Но в «Истории одной фальши» Достоевский горячо доказывает, что «во времена потрясений в жизни людей, сомнений и отрицаний, скептицизма и шатости в основных общественных убеждениях» «даже чистейшие сердцем и простодушнейшие люди могут быть привлечены к совершению... чудовищного злодейства» [16]. Писатель утверждал это на основе собственного опыта участия в кружке петрашевцев, приведшего его на эшафот, когда и сам был «заражён» идеями «теоретического социализма». Мог бы он в пору своей юности при стечении обстоятельств увлечься идеями Нечаева? Как знать...

Так случилось и с «чистейшим сердцем» и «простодушным» героем романа — Иваном Шатовым (не говорит ли его фамилия о «шатости» не только его убеждений, но и общественных нравов?), прототипом которого стал убитый «Народной расправой» и Нечаевым студент Иванов. Разочаровавшись в нигилистических идеях, встав на путь почвеннических убеждений, Шатов решает порвать с революционным прошлым, за что и расплачивается жизнью.

Ещё одна неоднозначная и трагическая фигура романа — Кириллов. По-человечески необыкновенно притягательный, честный и великодушный, отравленный ядом антихристианства, он становится маньяком одной идеи, приведшей его к самоубийству. Именно в Кириллове раскрывается трагедия сорастворения дьявольского ума с разумом человека. Достоевский, как никто другой, по мнению преподавателя Иустина, осмелился четко и открыто показать механизм этого процесса и выделить основные догматы атеизма, нащёптываемые человеку дьяволом: неприятие мира, неприятие Христа и вытекающее из этого «всё позволено» и человекобожие [17].

Первым признаком сорастворения дьявольского разума с разумом человека является интеллектуальная гордыня, а результатом — бунт против Бога, отрицание Бога и мира, Им сотворённого. Судьбами героев (или, скорее, антигероев) романа Достоевский показывает, как безбожие нарушает духовный строй человека, приводя его к одержимости и безумию. Так богоборческий бунт Кириллова приводит его к провозглашению себя «человекобогом»: «Если нет Бога, то я бог... Я обязан неверие заявить... Для меня нет выше идеи,

что Бога нет» [18]. «Будет новый человек, счастливый и гордый. Кому будет всё равно жить или не жить... Кто победит боль и страх, тот сам бог будет... Тогда историю будут делить на две части: от гориллы до уничтожения Бога, и от уничтожения Бога... до перемены земли и человека физически. Будет богом человек и переменится физически» [19].

Сорастворенный с дьявольским ум Кириллова решает, что самоубийство есть единственный способ человеку стать «человеко-богом»: «Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет Бога, и не убить себя тотчас же?.. Это я убью себя сам непременно, чтобы начать и доказать... Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего — Своеволие! Это всё, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою» [20].

Не случайно Достоевский дает в качестве эпиграфа евангельскую притчу о легионе бесов, вселившихся в свиней [21]. Кажется, будто евангельский легион вселился в героев романа, их личности дезинтегрируются, разваливаются, теряя способность отличать добро от зла. Поскольку грех есть логика и сущность дьявола, то и подчинённый дьяволу человеческий интеллект находит рациональные и логические оправдания греха. Все подчинённые дьяволу герои романа «Бесы» видят в преступлении и грехе логику этой жизни. Вот и для Кириллова самоубийство перестаёт быть грехом — напротив, мнится подвигом, жертвой во имя счастья будущего человечества. В итоге его самоубийство используется в чужой игре, прикрывая совершённое преступление. Апологет своеволия становится безвольным исполнителем чужой злой воли.

Но всё же перечисленные герои, даже Пётр Верховенский, не являются самыми зловещими фигурами «Бесов». Неспешно, шаг за шагом, Достоевский раскрывает читателю образ, какого ни до, ни после не знала литература. Главный источник всех бед, всего трагического абсурда, разворачивающегося в романе — Николай Ставрогин. Внешне безучастный к бурной деятельности революционеров, относящийся к ней с иронией и презрением, не высказывающий явно своих убеждений, казалось бы, полностью поглощённый своей частной жизнью, Ставрогин таинственными связями соединен со всеми действующими лицами романа. Все они как

будто живут его жизнью, его идеями, когда-то посеянными в душах и обретшими самостоятельное существование. Так или иначе, он влияет на все катастрофические события, обрушившиеся на мирный безмянный город, на людей, гибнущих физически или духовно рядом с ним.

Ставрогин владеет некоей мистической способностью подчинять себе людей: одни его обожают, другие ненавидят, но неизменно все признают за ним особую власть. «Ставрогин, вы красавец, — вопит в упоении Верховенский, — Вы мой идол! <...> Я никого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк...» [22]. Ставрогин, по сути, формирует мировоззрение Кириллова и Шатова, одновременно умудряясь отравить одного ядом безверия, а в душе другого укоренить славянофильские идеи. Шатов не в состоянии избавиться от рабской зависимости от своего бывшего учителя: «Ставрогин, для чего я осуждён в вас верить во веки веков? <...> Разве я не буду целовать следов ваших ног, когда вы уйдете? Я не могу вас вырвать из моего сердца, Николай Ставрогин!» [23]. Сестра Шатова Даша, чувствуя губительность своей зависимости от Ставрогина, всё же готова идти за ним по первому его зову. Странен и трагичен роман со Ставрогиным Лизы Тушиной: ненавидя его, она, тем не менее, следует за ним и погибает.

Профессор М.М. Дунаев, автор труда «Православие и русская литература», считает, что Достоевский обнажает тайну бесовской красоты, которая не спасает, а губит [24]. Еще в подготовительных материалах к роману Достоевский даёт характеристику будущему герою: «обворожителен, как демон», «он должен быть обольстителен», «язвителен, как Мефистофель» [25]. Описание внешности Ставрогина весьма примечательно: «...волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж очень ярок и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые, — казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен. Говорили, что лицо его напоминает маску...» [26].

Красота Ставрогина — маска, личина, из-за которой иногда проглядывает истинная сущность. Её замечает Лиза Тушина, наблюдая за Ставрогиным: невольно на лице её мелькает «судорожное движение, как будто она дотронулась до какого-то гада» [27]. Полуторагодовалый ребенок, увидев Ставрогина, «припал к старухе и закатился

долгим детским плачем» [28]. Так же пугается и плачет, проснувшись и увидев Ставрогина, Марья Тимофеевна. Взгляд его был «излишне суров, может быть, в нем выразилось отвращение, даже злорадное наслаждение её испугом... ещё мгновение, и она бы закричала». Спыхватываясь, Ставрогин вновь привычно надевает маску приветливости, но, как только понимает, что Марья Тимофеевна успела увидеть его настоящую сущность, в ярости кричит на жену, отталкивает от себя и уходит «в неутолимой злобе» [29].

Каменная маска вместо лица у Ставрогина — безусловно, один из показателей распада личности. Об этом писал Павел Флоренский в статье «Иконостас», напоминая, что слово «ларва» (маска) получило у римлян значение астрального трупa, пустой оболочки, оставшейся от умершего, то есть «темной, безличной вампирической силы, ищущей себе для поддержки и оживления свежей крови и живого лица, которое она могла бы облечь, присосавшись и выдавая это лицо за свою сущность». «По мере того как грех овладевает личностью, — пишет далее отец Павел, — и лицо перестает быть окном, откуда сияет свет Божий..., лицо отщепляется от личности, её творческого начала, теряет жизнь и цепенеет маской овладевшей страсти» [30].

Кажется, что действие романа начинается после смерти Ставрогина. Будто подлинная его жизнь была в прошлом, до начала «Бесов», когда наделённый такой фамилией («ставрос» — «крест»), он был способен постигать глубинные тайны бытия Бога, мира и своего народа и погружать в них других, как это сделал с Шатовым и Кирилловым. Но в романе писатель нам являет то, что осталось от гения, исполина, безгранично одаренного, но убившего душу грехом и страстями. Здесь действует только маска Ставрогина, загадочная и жуткая. Недаром философ Николай Бердяев оценит впоследствии главную тему романа «Бесы» как тему «о том, как огромная личность — человек Николай Ставрогин — вся изошла, истощилась в его порождённом, из неё эманировавшем хаотическом бесновании» [31]. «Великая праздная сила, ушедшая нарочито в мерзость» [32], — такую точнейшую характеристику даст Ставрогину духовидец Тихон, принявший его «исповедь».

Не случайно в романе Ставрогин появляется в главе под названием «Премудрый змий», и дважды Достоевский указывает на его принадлежность к инфернальному миру замечаниями: «И вдруг зверь показал свои когти», «и вот — зверь вдруг выпустил свои когти» [33].

Страшное демоническое состояние Ставрогина проявляется вовне многими признаками. Его злоба — особая: «...злоба эта была холодная, спокойная и, если можно так выразиться, — *разумная*, стало быть, самая отвратительная и страшная, какая может быть» [34]. Его гордость — «злая», «безмерная», «бесконечная». Его сладострастие — особого рода: средние, рутинные удовольствия — не для него. Ставрогину нужны более яркие ощущения. Его страсть нельзя насытить, она требует новой дозы или нового качества удовлетворения, о чём догадывается Шатов: «Вы женились по страсти к мучительству, по страсти к угрызням совести, по сладострастию нравственному... Вызов здравому смыслу был уж слишком прельстителен» [35]. Сам Ставрогин в своей «исповеди» признаётся в упоении от сознания своей низости: «Всякое чрезвычайно позорное, без меры унижительное, подлое и, главное, смешное положение, в каковых мне случалось бывать в моей жизни, всегда возбуждало во мне, рядом с безмерным гневом, неимоверное наслаждение» [36].

Окружённый обожателями, он никого не любит и не может полюбить, собственно, как не может уже и ненавидеть: всё окружающее ему в большей или меньшей степени неприятно. Он отстраняется от прямого участия в смуте, отказывается от соблазняющих предложений Верховенского стать знаменем революции лишь от презрения и равнодушия. Его острый, изощрённый ум подбрасывает Верховенскому идею убийства Шатова для того, чтобы повязать кровью участников кружка, но предлагает это не из ненависти, а с отстранённым любопытством. Пытаясь затем предупредить Шатова, он всё же не делает реальных шагов по предотвращению ни этого, ни последующих преступлений, о которых догадывается, механизм которых сам запускает своей демонической сущностью. С.И. Гессен в своем философском исследовании образа Ставрогина пишет: «Если зло действует в Петре Верховенском разлагающе, то в Ставрогине оно само уже внутренне разложено и потому более созерцательно, чем активно, действует тем, что привлекает, а не орудует» [37].

Кажется, что Ставрогин находится уже по ту сторону добра и зла, когда равно воспринимается и то, и другое, а имеет значение только острота ощущений. Об этом вопрошает его Шатов: «Правда ли, будто вы уверяли, что не знаете различия в красоте между какою-нибудь сладострастною, зверскою шуткой и каким угодно подвигом, хотя бы даже жертвой жизнью для человечества? Правда ли,

что вы в обоих полюсах нашли совпадения красоты, одинаковость наслаждения?» [38]. Ставрогин подтверждает это в предсмертном письме к Даше: «Я всё так же, как и всегда прежде, могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие. Но и то и другое чувство по-прежнему всегда слишком мелко...» [39]. Об этом духовном состоянии говорится в Откровении Иоанна Богослова: «Ангелу Лаодикийской церкви напиши: сие глаголет Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ни холоден, ни горяч; о если б ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст моих. Ибо ты говоришь: я богат, разбогател, и ни в чем не имею нужды; а не знаешь, что ты жалок и беден, и нищ, и слеп, и наг...» [40].

Именно этот фрагмент Ставрогин просит прочесть ему Тихона, архиерея на покое, к которому приходит со своей «исповедью». В беседе с Тихоном он признаётся в мучающих его галлюцинациях, когда он видит и чувствует возле себя какое-то злобное существо, насмешливое и разумное. И тут же признаётся: «Я верую в беса, верую канонически, в личного, а не в аллегория» [41]. С.И. Гессен пишет: «Подобно тому, как подлинная, имеющая источником своим любовь, вера в Бога есть жизнь, точно так же и вера в дьявола, будучи следствием совершенного иссякновения в человеке любви, есть духовное разложение человека и его смерть... Ставрогин обречен не потому, что он совершил преступление, которому якобы «нет прощения», а потому, что совершенное отсутствие в нем любви и невозможность для него преодолеть то уединение, в которое загнала его гордость, отрезают ему всякий путь к Богу, как к всепрощающей бесконечной любви» [42].

Тихон прозревает фальшь намерений Ставрогина обнародовать свою страшную исповедь: «Если бы это действительно было покаяние и действительно христианская мысль», — говорит он, прочтя «документ», — «Вас поразило до вопроса жизни и смерти страдание обиженного вами существа: стало быть, в вас есть еще надежда, и вы попали на великий путь, путь из неслыханных: казнить себя перед целым миром заслуженным вами позором... Но вы как бы уже ненавидите и презираете вперёд всех тех, которые прочтут здесь написанное, и зовете нас в бой» [43]. Тихон предлагает другой путь — смирения, молитвы, прощения и возрастания в любви.

Да только жизнь Ставрогина — уже не в его руках. По сути это уже призрачное бытие, так как у зла нет жизни, только видимость. Какое-то «злое существо, насмешливое и разумное» неизбежно влечёт его совсем к другому финалу — самоубийству.

Наконец, среди персонажей «Бесов» есть ещё один, заслуживающий пристального внимания, — Степан Трофимович Верховенский, отец Петра Верховенского. Несмотря на всю духовную немощность и комичность этого образа, он, однако же, является «сквозным» в романе. И вновь вернёмся к письму Достоевского будущему государю Александру III: «Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если б им сказали, что они прямые отцы Нечаева. Вот эту родственность и преемственность мысли, развившейся от отцов к детям, я и хотел выразить в произведении моем» [44].

Действительно, прототипом Верховенского-старшего был Тимофей Николаевич Грановский, профессор Московского университета, историк-медиевист [45]. К началу работы над «Бесами» со смерти Грановского прошло 15 лет, но Достоевский прекрасно помнил, какое влияние этот известный западник с репутацией либерала имел на молодые умы. Степан Трофимович Верховенский также является учителем чуть ли не всех главных героев романа. И именно он — предтеча тех, кто потом сбросит с пьедесталов все его идеалы и посмеётся над ними. Как пишет М.М. Дунаев, «тут выразился закон эволюции безбожных идей: способные привлечь кого-то при зарождении своем внешней приманчивостью, они становятся, переходя от поколения к поколению, всё безобразнее, пока не вырождаются окончательно» [46].

Образ Степана Трофимовича Верховенского — это размышления писателя о проблеме ответственности. Для Достоевского прекраснодушные либералы Грановские, идеалисты-дворяне, красиво говорившие об идеалах свободы, равенства и братства, общечеловеческих ценностях, проговорили впустую, без всякой цели, не умея предугадать, как отзовется их слово в последующих поколениях. «Эти явления, — пишет Достоевский о «нечаевщине», — прямое последствие великой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни» [47]. Его старик Верховенский не умеет выразить свои мысли по-русски, речь его изобилует французскими словами, он судит о России, не зная и не понимая её. Воображая тронуть сердца своих почитателей, он

соглашается «в бесполезности и комичности слова “отечество”, утверждая, что “русская деревня, за всю тысячу лет, дала нам лишь одного камаринского”, что “Россия есть слишком великое недоразумение”, и что “немцы — двухсотлетние учителя наши”». На эти тирады Достоевский отвечает словами Шатова: «... у кого нет народа, у того нет и Бога» [48].

Примечательна в этом плане несуразная поэма С.Т. Верховенского, о которой говорится в самом начале романа. В последней её сцене «появляется Вавилонская башня, и какие-то атлеты её наконец достраивают с песней новой надежды, и когда уже достраивают до самого верху, то обладатель, положим хоть Олимпа, убегает в комическом виде, а догадавшееся человечество, завладев его местом, тотчас же начинает новую жизнь с новым проникновением вещей» [49]. В аллегорической форме в самом начале романа выражена идея Вавилона — замещение Бога человекобожием. И от поколения нелепого мечтателя Степана Верховенского идею безбожного рая на земле подхватывают следующие за ним идеологи и практики революционной бесовщины, очищая её от поэтического флёра.

И вот уже отвлечённое отрицание отцов перерастает в реальное отрицание, разрушение и уничтожение основ ненавистного миропорядка; мировоззрение превращается в программу и тактику, которая требует только одного таланта — наглости. Пренебрежительное подтрунивание над Россией становится ненавистью, о которой говорит Шатов: «... они первые были бы ужасно несчастливы, если бы Россия как-нибудь перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь стала безмерно богата и счастлива. Некого было бы им тогда ненавидеть, не на кого плевать, не над кем издеваться! Тут одна только животная, бесконечная ненависть к России, в организм въевшаяся...» [50].

Роман оканчивается прозрением и покаянием Степана Трофимовича. Перед смертью он просит почитать то место из Евангелия, которое взято эпилогом ко всему роману, и так трактует его применительно к тем обстоятельствам, зрителем и участником которых он стал: «Теперь мне пришла одна мысль... видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей

России, за века, за века!.. Но великая мысль и великая воля осенят её свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... (и другие вместе с ним), и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море, и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых»... и будут все глядеть с изумлением» [51]. Этот монолог-надежда на избавление от бесовской напасти, конечно, созвучен мыслям самого Достоевского.

Подводя итог, мы видим, что, как бы ни была слаба наша попытка анализа самого пророческого и катастрофического романа великого писателя, она всё же открывает нам бесконечные глубины и темы для размышлений в рамках уроков литературы и истории в старших классах.

Так, при изучении в 10 классе романа «Преступление и наказание» важно обратить внимание на происходящий в Раскольникове процесс от зачатия греха, его незаметного и постепенного проникновения во все силы души до полного порабощения ума, чувств и воли. «Эту раскольническую силу в Раскольникове Достоевский проанализировал поразительно, до мельчайших деталей её сущности, — пишет преподобный Иустин (Попович), — и обнаружил, что эта злая сила... одарена интеллектом и волей, что она входит в человека и действует с помощью человеческого интеллекта и человеческой воли и что посредством их доводит человека и общество до полной дезинтеграции, т.е. до безумия и смерти» [52]. Если в Раскольникове мы видим начальный этап этого губительного процесса, когда душа ещё жива и способна сопротивляться, то важно показать, как в образе Ставрогина является нам личность, разрушенная грехом до основания, дошедшая до предела своего подчинения сатане.

В ходе изучения истории России XIX века (9 класс), анализируя текст параграфов «Общественное движение при Николае I» и «Общественное движение при Александре II и политика правительства», полезно проследить с учащимися эволюцию революционного движения вместе с Достоевским (в учебнике есть упоминание о том, что он был членом кружка петрашевцев): от русского

«либерала без всякой цели» 40-х годов XIX века в лице Степана Трофимовича до беспринципного и циничного Нечаева — Петруши Верховенского. В учебнике Нечаеву посвящено несколько предложений. Думается, необходимо добавить к ним знакомство с основными идеями «Катехизиса», дающими представление о зарождении иной корпоративной революционной морали, пахнущей человеческой кровью. Это представляется важным, так как «Катехизисом» подпитывались корни всех последующих революционных течений. Впоследствии большевики отнесли к Нечаеву с большим сочувствием, реализовав многие его идеи: конспирацию, вседозволенность в политической борьбе, оправдание революционной необходимостью безнравственных поступков («все средства хороши»), использование людей, как материала, уничтожение «врагов народа» и прочие. Известно, что в среде социал-демократов начала XX века молодого Владимира Ульянова называли «вторым Нечаевым».

«Бесы» стали пророчеством о том, во что неизбежно превратится русская революция. Достоевский предчувствовал, что она будет безрадостной и жуткой и не обернётся народным возрождением. В ней будут реализованы все мрачные фантазии Шигалёва о всеобщем принудительном уравнивании. В ней сбудутся и «право на бесчестие», и «стыд собственного мнения», и сентиментальность, о которых рассуждает Верховенский.

Обращение к тексту романа «Бесы» позволит нам не остаться на поверхности социально-политических идей и течений, но увидеть духовную сущность разрушительных процессов, разворачивающихся в России, взглянуть на русскую революционность как на метафизический и религиозный феномен. Только с Достоевским можно проследить в русском «общественном движении» генезис безбожных идей: от заманчивых поначалу до всё более безобразных, от бунта против Бога — к отрицанию мира, Им сотворенного, к безумию и смерти физической и духовной. Как писал в 1918 году Н.А. Бердяев, на глазах которого осуществились пророчества «Бесов», Достоевский «предвидел неизбежность беснования в революции... Это исступлённое вихревое кружение и описано в «Бесах». Там происходит оно в небольшом городке. Ныне происходит оно по всей необъятной земле русской» [53].

Литература

1. Достоевский Ф.М. — Великому Князю Александру Александровичу, 10 февраля 1873 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-romanovu-10-fevralya-1873.htm> (дата обращения 10.09.2024).
2. Достоевский Ф.М. — Каткову М.Н., 8 (20) октября 1870 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-katkovu-8-oktyabrya-1870.htm> (дата обращения 10.09.2024).
3. Достоевский Ф.М. Бесы. // Полн. собр. соч.: в 30 т. — Т. 10. — Л.: Наука, 1974. — С. 510.
4. Там же, с. 324-325.
5. Лурье Ф.М. Нечаев: созидатель разрушения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://on-island.net/History/Nechaev/SNechaev.htm> (дата обращения 30.08.2024).
6. Там же, с. 151.
7. Нечаев С.Г. Катехизис революционера. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/nechaev.htm> (дата обращения 08.09.2024).
8. Тихомиров Б. «Катехизис революционера» Сергея Нечаева. Исторический документ и его роль в творческой истории романа «Бесы» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал №3. 2019. — С. 166-167. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/katehizis-revoljutsionera-sergeya-nechaeva-istoricheskij-dokument-i-ego-rol-v-tvorcheskoy-istorii-romana-besy/viewer> (дата обращения 30.07.2024).
9. Там же, с. 171.
10. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. // Полн. собр. соч. в 30 т. — Т. 6. — Л.: Наука, 1973. — С. 419-420.
11. Иустин (Попович), преподобный. Философия и религия Ф.М. Достоевского. — Минск: Издатель Д.В. Харченко, 2007. — С. 113.
12. Там же, с. 124.
13. Достоевский Ф.М. Бесы // Указ. соч., С. 143-144.
14. Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Собр. соч. в 9 т. — Т. 9. В 2 кн. Кн. 1. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. — С. 153.
15. Достоевский Ф.М. Бесы // Указ. соч., С. 303.

16. Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Указ. соч., С. 160.
17. Иустин (Попович), преподобный // Указ. соч., С. 115.
18. Достоевский Ф.М. Бесы // Указ. соч., С. 471.
19. Там же, с. 93-94.
20. Там же, с. 471-472.
21. Лк. 8:27-37.
22. Достоевский Ф.М. Бесы // Указ. соч., с. 323-324.
23. Там же, с. 202.
24. Дунаев М.М. Православие и русская литература. В 5-ти частях. Ч. 3. — М.: Христианская литература, 1997. — С. 414.
25. Достоевский Ф.М. Бесы (Подготовительные материалы) // Указ. соч. Т. 6. С. 174-175.
26. Достоевский Ф.М. Бесы // Указ. соч., с. 37.
27. Там же, с. 147.
28. Там же, с. 185.
29. Там же, с. 215-219.
30. Флоренский Павел, священник. Сочинения. В 4 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1996. — С. 435.
31. Бердяев Н.А. Ставрогин. // Библиотека «Вехи», 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vchi.net/berdyaev/stvrogin.html> (дата обращения 30.08.2024).
32. Достоевский Ф.М. Бесы. У Тихона. // Указ. соч. Т. 11. С. 25.
33. Достоевский Ф.М. Бесы. // Указ. соч., С. 37-38.
34. Там же, с. 165.
35. Там же, с. 202.
36. Достоевский Ф.М. Бесы. У Тихона. // Указ. соч. Т. 11. С. 14.
37. Гессен С.И. Трагедия зла (Философский образ Ставрогина) // Журнал «Путь». — 1932. — №36. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gessen_s_i/text_1932_tragedya_zla.shtml (дата обращения 25.08.2024).
38. Достоевский Ф.М. Бесы // Указ. соч., С. 201.
39. Там же, с. 514.
40. См.: Откр. 3:14-22.
41. Достоевский Ф.М. Бесы. У Тихона. // Указ. соч. Т. 11. С. 10.
42. Гессен С.И. Указ. соч.
43. Достоевский Ф.М. Бесы. У Тихона. // Указ. соч. Т. 11. С. 24.
44. Достоевский Ф.М. — Великому Князю Александру Александровичу // Указ. соч.

45. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что Верховенский-старший — это собирательный образ русского либерала-идеалиста 40-х годов XIX века, «высшего либерала», как говорил Достоевский, то есть «безо всякой цели».

46. Дунаев М.М. Указ соч., С. 424.

47. Достоевский Ф.М. — Великому Князю Александру Александровичу // Указ соч.

48. Достоевский Ф.М. Бесы. // Указ. соч., С. 31-34.

49. Там же, с.10.

50. Там же, с. 111.

51. Там же, с. 499.

52. Иустин (Попович), преподобный. Указ соч., с. 118.

53. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Русская философия. История, источники, исследования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://philhist.spbu.ru/11-biblioteka/istochniki/94-berdyaev-n-a-dukhi-russkoj-revoljutsii.html> (дата обращения 31.08.2024)

О.Г. Шерстнева

Лев Толстой как ложный христианин

«Душа, обремененная звучанием
своей божественности, не может
войти в тишину Святого Духа».

*архиепископ Иоанн
(Шаховской).*

Изучая на уроках истории тему «Культурное пространство Российской империи второй половины XIX века», нельзя не упомянуть творчество великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. В учебнике 9 класса «История России XIX — начала XX века» под редакцией В.Р. Мединского приводятся такие произведения Льва Николаевича, как «Война и мир» и «Анна Каренина». Упоминание Л.Н. Толстого целесообразно на уроках при изучении Отечественной войны 1812 года, Крымской войны, революции 1905 года. Бесспорно, Лев Николаевич — литературный классик, но часто за пределами внимания остается тот факт, что он также и религиозный мыслитель, много времени и сил отдавший созданию религиозно-философского учения, изложенному в произведениях «Исповедь», «В чем моя вера?» и других.

Толстовство было осуждено Церковью, а сам Лев Николаевич был отлучен от нее. В чем же суть религиозных взглядов Л.Н. Толстого, с чего начинаются его духовные поиски, а главное — чем они заканчиваются?

Рано осиротевший и не получивший серьезного христианского и, тем более, церковного воспитания, Л.Н. Толстой с детства был склонен искать ответы на мучившие его вопросы. Пытливый ум юного Льва искал ответы в книгах. В обширной библиотеке Ясной Поляны было множество книг европейских авторов эпохи Просвещения. Особенно Льва Николаевича восхищал Жан-Жак Руссо. Много времени он посвящал и чтению Евангелия. Однако воспринимал он евангельский текст сквозь призму знаний и представлений европейского образованного человека. Именно это обстоятельство, вероятно, могло повлиять на критический настрой по отношению к церковному учению.

Становление религиозных представлений писателя можно проследить через переписку Льва Николаевича с его тетей Александрой Андреевной Толстой. Переписка ярко демонстрирует то обстоятельство, что религиозность писателя развивалась «волнообразно». Часто со стороны Л.Н. Толстого она носила светлый, радостный характер: казалось, что нужно совершить только один шаг, чтобы навсегда стать членом Церкви Христовой. В одном письме Толстой приветствует тетю радостным пасхальным приветствием «Христос Воскресе!», а в следующем признается, что «Я не нашел ни Бога, ни искупителя, ни таинств, ничего» [1].

Окончательный разрыв с Церковью произошел у Толстого в конце 70-х годов XIX века. Вероятно, этот духовный кризис мог бы стать трагедией одного взятого человека, если бы Лев Николаевич не был очень известным и популярным в обществе человеком, к мнению которого прислушивались тысячи других людей.

Российское общество конца XIX века переживало духовный кризис. Дворяне и другие представители высшего привилегированного общества, те, кто получил европейское образование, начали считать традиционную русскую религиозность одним из главных источников российского «невежества» и даже «духовной отсталости», утверждали, что сохранение религиозности является чуть не самой главной помехой на пути социального и политического прогресса. Но большая часть общества, прежде всего крестьяне, продолжала сохранять верность вековым духовным традициям, основанным на православии. Духовное противостояние разрывало российское общество, порождало непонимание между различными общественными группами.

Следует вспомнить, каким было общество конца XIX — начала XX века. Переживающая период быстрого развития Россия — страна с абсолютно преобладающим молодым населением (65% жителей в возрасте до 30 лет). Она находилась в фазе значительной социальной нестабильности, быстро развивалась, сохраняя при этом заметные проблемы в социально-экономической и политической областях. В такой обстановке духовный кризис общества приобрел особое значение.

Критически относясь к традиционной православной вере и Русской Православной Церкви, представители интеллигенции мечтали о духовной, нравственной и политической свободе личности. Но,

если одни открыто пропагандировали атеистические взгляды, то другие, наоборот, начали искать иные, нетрадиционные формы религиозности. В это самое время особое звучание приобретает проповедь «истинной религии» Л.Н. Толстого.

Писатель берется за создание собственного «евангелия». Из четырех канонических Евангелий он создает один текст, вычеркивая из него, по своему мнению, «ненужные» строки, который касаются божественной природы Иисуса Христа. Иисус Христос для Толстого только человек, который проповедовал божественное учение своего отца, но никого не спас. По Толстому, Бог есть духовная сущность в человеке, которая проявляется в любви, поэтому этот Бог может развиваться и совершенствоваться, если добра в мире будет больше. А в этом есть цель существования каждого отдельно взятого человека. Толстой пишет: «Единственная вера моя — это вера в совершенствование» [2].

Толстой считал, что в христианстве самое главное — мораль, этическое учение, которое выражено, в частности, в Нагорной проповеди. Он писал: «Верю я в следующее: верю в Бога, которого понимаю как дух, как любовь, как начало всего. Верю в то, что Он во мне и я в Нем. Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться считаю величайшим кощунством... То, что я отвергаю непонятную Троицу и не имеющую никакого смысла в наше время басню о падении первого человека, кощунственную историю о Боге, родившемся от Девы, искупляющем род человеческий, то это совершенно справедливо» [3].

Толстой сформулировал очень характерный, но совершенно ложный методологический принцип. Если взять учения всевозможных религий, у них есть общее ядро и есть то, чем они отличаются. Ядро — это мораль. Мораль во всех религиях одинакова: не убий, не прелюбодействуй, не укради и так далее. То, чем они отличаются — мистическая часть вероучения, и она, с точки зрения Толстого, ошибочна. И многие считают, что главное в христианстве, — понимание того, как себя надо вести.

Но на самом деле мораль в христианстве очень тесно связана с догматикой. Потому что фундаментом христианской жизни является вера в Богочеловека Иисуса Христа и Христово воскресение, в то, что оно несет спасение людям. Никакая группа людей, живущая

даже самыми высокими моральными принципами, не спасается сама по себе, потому что спасти может только Бог [4].

Л.Н. Толстой сам откровенно заявил о том, что не считает себя членом Русской Православной Церкви: «То, что я отрекся от Церкви, называющей себя Православной, это совершенно справедливо...» [5] — писал он. Вполне закономерно, что в 1901 г. было оглашено решение Священного Синода: «Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею» [6]. В документе не говорится об анафеме или осуждении, а по сути, оно констатировало самоотречение писателя от Церкви.

В ответ последовала общественная хула на Церковь, массовые письма с заявлением о выходе из Церкви, осуждения Церкви, поддержка Толстого. Проповеди Толстого нашли множество почитателей и последователей, причём не только в России, но и в Западной Европе, в Индии и Японии. На пике популярности в рядах толстовцев насчитывались десятки тысяч человек.

Например, святитель Лука (Войно-Ясенецкий) свой духовный путь начал с толстовства. «В это же время я страстно увлекся этическим учением Льва Толстого, — пишет он в своей автобиографической книге “Я полюбил страдание”, — и стал, можно сказать, взятым толстовцем: спал на полу на ковре, а летом, уезжая на дачу, косил траву и рожь вместе с крестьянами, не отставая от них. Однако мое толстовство продолжалось недолго, только лишь до того времени, когда я прочел его запрещенное, изданное за границей сочинение “В чем моя вера”, резко оттолкнувшее меня издевательством над православной верой. Я сразу понял, что Толстой — еретик, весьма далекий от подлинного христианства» [7]. К огромному сожалению, многие толстовцы, так и не увидели, что путь, по которому их ведет Толстой, ложный.

Толстой пишет довольно много трудов религиозно-философской направленности — таких, как «Исповедь», «Исследование догматического богословия», «Соединение, перевод и исследование четырёх Евангелий», трактат «В чём моя вера» и других. Ключевыми идеями данных произведений были следующие:

- Непротивление злу насилием;
- Сознание определяет бытие: без нравственной работы над собой жизнь не имеет смысла;

- Государство — зло: в основе любой государственности лежит принуждение;
- Христианская этика и никакой Церкви. Из христианства Толстой предлагал взять этическую основу и уничтожить весь церковный аппарат;
- Земледелие как ритуал. Толстой отстаивал важность ручного труда и земледелие как возможность прийти к духовному просвещению, поэтому толстовцы часто объединялись в сельскохозяйственные коммуны;
- Упрощение. Толстой критиковал любую избыточность и предлагал вернуться к аскетичному образу жизни. Современную писателю литературу он считал излишеством, в том числе и свои произведения.

Россия узнала о «религии Толстого» благодаря издательской деятельности его ближайшего друга и единомышленника Владимира Черткова. Нашлось и много других поклонников подобного творчества.

У Толстого были и «революционные» идеи. В 1905 году в статье «Великий грех» он пишет: «Русский народ <...> продолжает быть земледельческим народом и желает оставаться им». И самое большое зло — это лишить народ естественного права пользоваться землей. Писатель призывал отменить частную собственность на землю и отдать ее народу, земледельцам. При этом Толстой писал, что русский народ не должен «опролетариться, подражая народам Европы и Америки». Писатель видел свой путь для русских, и они, по его уверениям, должны были указать и другим народам дорогу «разумной, свободной и счастливой жизни вне промышленного, фабричного, капиталистического насилия и рабства» [8].

Подобные взгляды не могли не заинтересовать одного из главных творцов русской революции В.И. Ленина. Ленин назвал Толстого «зеркалом русской революции». «Лев Толстой как зеркало русской революции» — это название его статьи. Она написана в 1908 году в эмиграции в Женеве и опубликована в собственной газете «Пролетарий». В своих пропагандистских целях Ленин мастерски эксплуатировал фигуру Толстого — бесспорную звезду национального масштаба и одного из самых влиятельных авторов. Отмечая величие Толстого как писателя, Ленин подробно разбирает его мировоззрение и при этом немало критикует. С одной стороны

Толстой — гений, давший «несравненные картины русской жизни», искренне протестующий против общественной «лжи и фальши», критикующий власть и самодержавие, рост богатства и нищету. С другой — «истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом», помещик, к тому же проповедник «одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии». Претит Ленину и главный принцип Толстого — «непротивление злу насилием». Как известно, сам Ленин считал террор важной и неотъемлемой частью революции (в том числе — насильственное избавление от царской власти). Он отмечает, что христианские идеи вроде «подставить другую щеку» только мешают революции, и называет слабостью неспособность бороться за свои права. Однако все эти противоречия Ленин не считает случайностью, даже наоборот: «Противоречия во взглядах Толстого <...> — зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции» [9].

Для большевиков и для советской действительности Толстой был символом борьбы со всем тем, что сами большевики ненавидели. Это царская Россия, это самодержавие, это Русская Православная Церковь, это вся государственная система, которая существовала в России. Правда, есть и принципиальное различие: Ленин призывает к тому, чтобы все это, ему ненавистное, разрушить жестоко и как можно скорее, а для Толстого такой способ, конечно, был чужд, он к насилию и кровопролитию не призывал. Но, хотя он сознательно этого не делал, реально его произведения, которые написаны после так называемого «духовного переворота», были революционизирующим фактором. Они просто развращали русскую молодежь. Они приучали ее к мысли, что Церковь в России является служанкой власти, что Россия загнивает, что она разлагается, что пореформенные суды, скажем, это ужасно, очень плохо и с этим надо бороться.

Толстой критиковал религию не один десяток лет, но духовенство не принимало никаких решительных действий. Роман «Воскресение», написанный в 1899 году, стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Церкви. «Воскресение» — это не просто произведение о жизни несчастной брошенной женщины. На самом деле, главные герои являются здесь лишь декорациями, на фоне которых выступает критика общества, государства и Церкви. Особенное

негодование в романе вызывают главы, где описывается церковная служба — это острая и жёсткая сатира над религией и прежде всего над таинством евхаристии.

Милосердие Божие всегда идет впереди Его правосудия. Но когда человек сознательно не принимает милосердия, даже Господь не может навязать ему это милосердие силой. Как это ни парадоксально, но «Определение Святейшего Синода» было для Льва Николаевича прекрасным поводом помириться с Церковью. После оглашения «Определения» Толстой этого не сделал.

Оставив завещание, в котором писатель лишил семью прав на свои сочинения, за несколько дней до своей смерти Лев Николаевич тайно покидает Ясную Поляну. Сначала он едет в Оптину пустынь, затем отправляется к своей сестре Марии Николаевна, монахине Шамординского монастыря. Так и не решившись встретиться с оптинским старцем Иосифом, Толстой покинул монастырь и решил уехать на юг с дочерью Александрой. По дороге он тяжело заболел и умер на станции Астапово.

С какими мыслями уходил Лев Николаевич из жизни — неизвестно. Все происходило за закрытыми дверями. Доступ к Льву Николаевичу имели всего два человека — его дочь Александра Львовна и личный секретарь Владимир Чертков, оба — рьяные толстовцы. Известно, что к умирающему приехал оптинский старец Варсонофий. Однако к Толстому его не пустили. Мы не знаем, почему Лев Николаевич его не принял. Была ли это воля самого Толстого или решение Черткова и Александры Львовны? Мы знаем только, что воссоединения Толстого с Церковью, к сожалению, не случилось.

Старец Варсонофий сильно сожалел о невозможности помочь душе писателя перед вратами Вечности. Позже, когда его спросили об этом, он ответил кратко: «Не допустили меня к Толстому... Молил врачей, родных, ничего не помогло... Хотя он и Лев был, но не смог разорвать кольцо той цепи, которой сковал его сатана».

10 ноября 1910 года Л.Н. Толстой был похоронен в Ясной Поляне, на краю оврага в лесу. В России это были первые публичные похороны знаменитого человека, которые прошли не по православному обряду, как и пожелал сам Толстой.

Проповедь Л.Н. Толстого прозвучала в эпоху нарастания духа безбожия, особенно в среде интеллигенции. Писатель попытался противопоставить атеизму необходимость веры и жизни по христианским

заповедям. Но попытка эта вылилась в тотальное отвержение Церкви и ее учения. Религиозное творчество Л.Н. Толстого является признаком духовного кризиса, который переживало российское общество в конце XIX — начале XX века.

Литература

1. Письмо А.А. Толстой. 1859 год. — https://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_17_18/vol_18/0476
2. Л.Н. Толстой. «Исповедь», глава 1. — <https://онлайн-читать.рф/толстой-исповедь/#ac1>
3. Л.Н. Толстой. Ответ на определение Синода от 20-22 февраля 1901 г. и на полученные мною по этому случаю письма. — <http://www.theosophy.ru/lib/tolstotv.htm>
4. Г. Ореханов. Лев Толстой: «христианство» без Христа. — <https://pravoslavie.ru/42430.html>
5. Л.Н. Толстой. Ответ на определение Синода от 20-22 февраля 1901 г. и на полученные мною по этому случаю письма. — <http://www.theosophy.ru/lib/tolstotv.htm>
6. Определение Святейшего Синода от 20-22 февраля 1901 года №557. — <https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij-Skvorcov/po-povodu-otpadenija-ot-pravoslavnoj-tserkvi-grafa-lva-nikolaevicha-tolstogo/4/>
7. Я полюбил страдание. Автобиография. — https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetskij/ja-poljubil-stradanie-avtobiografija/
8. Л.Н. Толстой. Статья «Великий грех». — <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/velikij-greh.htm>
9. В.И. Ленин. «Лев Толстой, как зеркало русской революции». — http://az.lib.ru/l/lenin_w_i/text_1908_lev_tolstoy_kak_zerkalo_russkoy-revoljutzii.shtml

С.В. Балыбердина

В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Я.М. Свердлов как «сыны противления» в истории России

«Наказуя наказа мя Господь,
смерти же не предаде мя».

(Пс. 117:18).

В Священной истории действуют духовные законы. Об одном из них говорит митрополит Тихон (Шевкунов) в своей книге «Гибель Империи. Российский урок». Это слова псалмопевца Давида: “Даст тебе Господь по сердцу твоему и все намерения твои да исполнит” (Пс. 19:5). В 1917 году в нашей стране Господь попустил свершиться тому, что по духовной слепоте стало «по сердцу» русского человека. Революция 1917 года стала страшной духовной катастрофой, исполнилась мера беззакония, последовало наказание Божие для духовно расслабленного русского народа. Наказание Господь послал через деятелей революции, которые на языке Священной истории есть «сыны противления».

Прежде всего, мы имеем в виду троих из них: В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и Я.М. Свердлова. Что мы о них знаем? Что это были за люди?

Данный материал можно использовать на уроках истории в 10-х классах, когда изучаются темы «Российская революция. Октябрь 1917 года», «Первые революционные преобразования большевиков», «Гражданская война», «Идеология и культура в годы Гражданской войны», «СССР в 20-е годы». О Ленине в учебнике говорится больше всего, чуть меньше о Троцком и совсем ничего о Свердлове (упомянут в скобках как руководитель ВЦИКа).

Наша задача — посмотреть на них прямым взглядом как на «сынов противления», чтобы у старшеклассников не сложилось представления об этих деятелях как героях, выдающихся личностях, с которых нужно брать пример. Попробуем заглянуть за «маски», которые после событий 1917 года революционерами-«героями» были сброшены.

Как опознать «сынов противления» в истории? За основу возьмем труды Е.А. Авдеенко, который подробно анализирует признаки,

позволяющие во все эпохи человеческой истории увидеть «путь Каина» и «путь Вавилона».

Одна из первых характеристик «сынов противления» — **они не хранят сыновство**, берут себе ложное имя, отказываются от своего родового имени, разрывают связь поколений, впадая в состояние беспамятства. Посмотрим на конкретных примерах.

Владимир Ильич Ульянов родился в Симбирске. Происходил из дворянского сословия. Его отец, Илья Николаевич дослужился до чина статского советника, дающего право на потомственное дворянство. Сам Ульянов не занимался своей семейной родословной, его не интересовали ни деяния предков, ни их происхождение, он практически отрекся от них, поэтому плохо знал своё родословное древо. Заполняя в 1922 г. анкету партпереписи, Ленин на вопрос о роде занятий деда с отцовской стороны написал «не знаю». Он не придавал значения своему происхождению. Отказался от фамилии, используя псевдонимы «Николай Петрович», «К. Тулин», «Ленин».

Так же отрекся от своего родового имени Лев Давидович Бронштейн. Он был выходцем из крестьянского сословия, из семьи обрусевших евреев Херсонской губернии. В историю войдет под псевдонимом «Троцкий». Хотя псевдонимов и фамилий у него было много: Яновский, Гуров, Крукс, Пьеро, Антид Ото. По паспорту он был Седов, взял фамилию своей второй жены.

Яков Михайлович Свердлов был выходцем из мещанской среды Нижнего Новгорода. Фамилию сохранил, но псевдонимы использовал. Наиболее известный из них — «товарищ Андрей».

При дальнейшем знакомстве с деятельностью Ленина, Троцкого и Свердлова делаем вывод, что они до конца своих дней, до последней минуты своей земной жизни были преданы своему революционному делу и революционной идее. Е.А. Авдеенко говорит, что те, кто по духу каинитяне и строители Вавилона, **идут до конца**.

У каждого из рассматриваемых нами персонажей в жизни случился момент заражения революционными идеями и поворот на путь разрушения, так называемая «точка невозврата». Они сделали свой нравственный выбор и определили дальнейшую судьбу. Приняв революционные идеи в свое сердце и сознание, они будут служить им с фанатичной преданностью всю жизнь. Никто из них не свернёт и не откажется от этого пути.

В 1887 году, закончив гимназию и поступив в Казанский университет, Владимир Ульянов, пять раз прочитал роман Чернышевского «Что делать?». Главная мысль, которую он извлек из романа, состояла в том, что в России «всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером». Затем к прочитанным книгам добавился «Катехизис революционера» С. Нечаева. К этому же времени относится его знакомство с марксистской теорией. Он был ею поражен и считал, что нашёл в Марксе спасителя человечества, пророка, несущего людям высшую истину. Он увидел для себя в марксизме новую религию.

Хотя у Ульянова был выбор. Во-первых, он мог стать юристом. Профессию юриста он получил, закончив Петербургский университет. Работал какое-то время по специальности, был помощником присяжного поверенного в Самарском окружном суде. Но адвокатская практика у него не пошла, юриспруденция перестала его интересовать. Во-вторых, он мог стать помещиком и заниматься хозяйством. Мать, Мария Александровна, пытаясь отвлечь его от марксистских идей, купила ему поместье под Самарой. Но и управление деревенским хозяйством тоже оказалось Владимиру не по душе. Проживание в имении превращалось в мучение для него. Ни помещика, ни юриста из Ульянова не получилось. Он сделал свой выбор в пользу революционной деятельности и будет предан этому делу до конца жизни.

Выбор Льва Бронштейна пришелся на период, когда он приехал учиться в Николаев, где и состоялось его знакомство с революционными идеями. Он читал нелегальную литературу, участвовал в студенческих сходках революционно настроенной молодежи. Революционные идеи стал считать правильными и лучшими, восхищался террористами, искал теории, которые могли бы оправдать кровопролитие. После конфликта с отцом Лев отказался от его помощи. Он сделал свой нравственный выбор и тоже будет верен этому пути до конца своих дней.

До конца пойдет и Яков Свердлов. Хотя о нем известно меньше всего, он был очень замкнутым человеком. Примерно в 16 лет он начал свою революционную деятельность. С малых лет Яков воспитывался «как надо», революционные хитрости ему были хорошо знакомы, так как за помощь революционерам и нелегалам его отец находил под надзором Нижегородского жандармского управления.

Причина революционности Свердлова имела под собой ненависть, чувство, которое, без сомнения, культивировал в молодом Якове его отец. Можно сказать, что выбор за него сделал отец. А Яков пошёл по предложенному пути до конца.

Третья черта — **свобода передвижения, эмиграция**. Каинитяне по духу не имеют укоренения на земле, обладают свободой передвижения. Всегда готовы сняться с места, для них словно не существует границ в этом мире. Постоянно перемещаются, скитаются, находятся в бегах, везде остаются неприкаемыми. Древние строители Вавилона были эмигрантами, пришедшими на новую землю, где стали осуществлять свой проект. Вся жизнь Ленина, Троцкого и Свердлова проходила именно по этому сценарию.

В 1893 году, в 23 года, Ульянов переехал в Петербург. Началась его революционная деятельность. Создавал кружки, ячейки, изучал жизнь рабочих. Уехал за границу: в Германию, Францию, Швейцарию, где встречался с деятелями международного рабочего движения (Плехановым, Аксельродом, Либкнехтом, Лафаргом и другими). Вернувшись в Петербург, объединил разрозненные революционные кружки в единую политическую организацию «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». После разгрома «Союза» попал под арест, сидел в тюрьме, затем — ссылка в село Шушенское под Минусинском.

После ссылки вновь уехал за границу — Швейцария, Германия, Англия. Издавал газету «Искра» и журнал «Заря», активно участвовал в подготовке и в работе II съезда РСДРП, составил программу и устав партии. После раскола возглавил большевистское крыло партии. В годы первой революции в России нелегально приезжал в Санкт-Петербург. Затем — Финляндия и Швеция, Швейцария и Франция, Австро-Венгрия и снова Швейцария. В апреле 1917 года — Россия. После июльских событий вновь скрывался и нелегально вернулся в Петроград уже в октябре 1917 года.

Таким же скитальцем оказался Троцкий. В 1898 году Бронштейн был впервые арестован полицией в Николаеве. Ему исполнился 21 год. По приговору суда он выслан в Восточную Сибирь на четыре года. Поселился в колонии ссыльных в г. Верхотенске на реке Лене. Но оставаться в ссылке не собирался, бежал. Уехал за границу. В Лондоне познакомился с Лениным.

В 1905 году вернулся в Россию и принял активное участие в работе Совета рабочих депутатов Петербурга. Снова был арестован, отправлен в бессрочную ссылку на поселение в с. Обдорское за Полярным кругом. По дороге опять сбежал, отправился в Финляндию и нелегально выехал за границу.

За годы эмиграции он побывал в ряде стран и стал одним из известнейших деятелей российского социал-демократического движения. Троцкий активно выступал на собраниях социал-демократических организаций Австро-Венгрии, Германии, Франции, выступал с лекциями перед русскими эмигрантами и студентами. Революция 1917 года застала Троцкого за океаном, в США. В мае 1917 года он вернулся в Россию вершить дело революции.

Но скитания Троцкого на этом не закончились. В январе 1928 года Сталин отправил его в ссылку в г. Алма-Ату, из которой бежать будет просто невозможно. В 1929 году Троцкого высылают из страны. Он будет жить в Турции, Франции, Норвегии, Дании. С 1937 года, после скитаний по Европе, с семьёй переедет в Мексику.

Скитание для Троцкого было не только в том, что он постоянно переезжал с места на место, перемещаясь в пространстве, но и в том, что он всё время искал себе поле деятельности. Троцкий был постоянно в поиске приложения своей кипучей энергии и брался за любое дело. Кем он только не был: революционер, журналист, оратор, публицист, меньшевик, «нефракционный» социалист, создатель «Августовского блока», лидер межрайонцев, лидер Петросовета, глава ВРК, в советском правительстве — нарком по иностранным делам, нарком по военным и морским делам, исполняющий обязанности наркома путей и сообщения, руководитель оппозиционного коммунистического движения сначала в СССР, а затем и в мировом масштабе, создатель IV Интернационала. Он сам себя называл «гражданином планеты без визы». Изгнанник, скиталец, эмигрант, пытающийся осуществить свой революционный проект.

Свердлов впервые был арестован в 16 лет. В общей сложности его арестовывали 14 раз. В ссылках и тюрьмах он провел больше времени, чем на свободе. Кроме Нижнего Новгорода, проводил социал-демократическую агитацию в Ярославле, Саратове, Самаре, Казани, Перми, Екатеринбурге. Отбывал ссылки в Нарыме, Туруханске и Красноярске. В годы первой революции в России активную революционную деятельность проводил на Урале, с 1917 года — в Петрограде.

Следующая черта «сынов противления» — **свобода говорения**. Каин не может молчать, всегда будет выступать за неограниченную свободу говорения, для него нет запретных тем. Говорение, как пишет Е.А. Авдеенко, есть специальное служение внутри каинитянского сообщества.

Данные деятели одним из главных орудий своей борьбы считали слово. Ленин — автор множества работ: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Задачи русских социал-демократов», «Что делать?», «Государство и революция» и других. Издавал газеты «Искра», «Правда». Своими речами он словно завораживал людей. Говорил самыми простыми словами, но в его речи было столько неистовой силы, убежденности, напора, что ему невольно подчинялись.

Троцкий тоже очень любил выступать, организовывал демонстрации рабочих, обладал невероятными организаторскими способностями, умел управлять массами. Писал статьи, информационные материалы, манифесты, воззвания, агитационные тексты, брошюры, книги. За границей и в России издавал газеты «Начало», «Известия», «Правда», журнал «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)» и другое.

Если Ленин и Троцкий работали на публику, им нужны были широкие массы и их поддержка, то Свердлов был весь в себе. Публично он почти не произносил истеричных и пафосных речей, не давал интервью иностранной прессе и редко появлялся на страницах газет и журналов. Он все время оставался как бы в тени, предпочитая руководить из-за занавеса. Его речь, всегда спокойная и рассудительная, его интеллигентный внешний облик скорее наводили на мысль о земском враче, чем о революционере. Но тот, кто близко знал Свердлова, знал, насколько обманчив был этот облик интеллигентного доктора. В нем чувствовалась такая мощная сила, такая железная убежденность в совершаемом им деле, что поневоле его признавали негласным лидером партии. Тихий голос Свердлова внушал ужас во много раз больший, чем крики Ленина и Троцкого.

А.В. Луначарский писал о Свердлове: «Внутреннего огня в нем, конечно, было много, но внешне это был человек абсолютно ледяной. Когда он был не на трибуне, он говорил неизменно тихим голосом, тихо ходил, все его жесты были медленны».

Убеждать Свердлов тоже умел, хотя выдающимися ораторскими способностями не обладал. Он без труда находил общий язык с самыми отъявленными уголовниками и бандитами, был у них авторитетом, несмотря на свой тщедушный внешний вид. В ряды своего знаменитого БОНВа («Боевого отряда народного вооружения») он привлекал уголовников и любой антисоциальный элемент.

Человек, согрешающий и упорствующий в грехе, становится заразителен, его слова осуществляют революцию в сознании людей. В словах, которые произносили эти деятели, не было правды. Следовательно, пятой характеристикой «сынов противления» будет **ложь и разрушение**.

В.И. Ленин, начав с марксизма, постепенно сформулировал своё понимание революционного процесса, имеющее мало общего с идеями К. Маркса. Доказывал, что именно рабочий класс является единственной силой, способной свергнуть монархический строй. Авангардом революции должна стать революционная партия. В представлении Ленина революцию нужно четко спланировать; руководить ею должны «архиреволюционеры». Такого «архиреволюционера» Ленин увидел в Троцком, когда познакомился с ним в Лондоне.

Всё, что он писал в годы первой революции в России, таит угрозу огромной, непоправимой, надвигающейся беды. Ленин мечтал о «революционной буре», наметил этапы грядущей революции, предвосхитил последовательность революционных событий, которые произойдут через 12 лет: «Разбит царизм в Санкт-Петербурге. Самодержавное правительство свергнуто — разбито, но не добито, не убито, не уничтожено, не вырвано с корнем. ...Гражданская война в полном разгаре, — уничтожение царизма. ...Крестьянство само взяло в руки все аграрные отношения, всю землю. Тогда приходит национализация. ...Либо буржуазия свержает революционную диктатуру пролетариата и крестьянства, либо эта диктатура зажигает всю Европу» (из рукописи 1905 года).

Всех, кто отказывался принимать его теорию, он объявлял врагами. Не терпел иного мнения, даже среди своих однопартийцев. Заставлял поверить в эти ложные разрушительные идеи. Он на всё имел собственное мнение и другого мнения быть не могло.

Начавшуюся Первую мировую войну Ленин приветствовал, потому что, по его мнению, она была нацелена против существующего в России строя. Ленин желал, чтобы война продолжалась до тех

пор, пока не рухнут все институты государственной власти, и тогда коммунисты смогут взять власть в свои руки.

В книге «Государство и революция» настаивал на полном уничтожении государственной власти и неминуемом возникновении коммунистического общества — поначалу в форме диктатуры пролетариата, а затем в форме совершенно свободного общества, в котором государство отомрет само собой. Ленин писал: «Всё должно быть уничтожено, и пусть будущее само позаботится о себе». Роль разрушителя он отводил рабочему классу. Он должен «разбить», «сломать», «взорвать» существующую государственную машину до полного её уничтожения. А через мировую революцию необходимо построить социалистическое общество во главе с Советской Россией. В беседе с Георгием Соломоном Ленин заявлял: «Россия будет первым государством с осуществленным в ней социалистическим строем. Россия — это только этап, через который мы проходим к мировой революции... Мы все уничтожим и на уничтоженном воздвигнем наш храм! И это будет храм всеобщего счастья... Всё существующее уже отжило и сгнило!.. и должно быть разрушено... Правда и истина момента лишь в коммунизме, который должен быть введен немедленно». Подобные речи он произносил везде и верил в то, о чем говорил.

Л.Д. Троцкий выступал за создание четко структурированной подпольной социал-демократической партии с твердой дисциплиной и единым руководством, находящимся в руках профессиональных революционеров, но разошелся с Лениным во взглядах об устройстве партии и по некоторым личным причинам.

Троцкий сформулировал свою концепцию «перманентной революции»: необходимо готовить массы к революции, революцию должен осуществлять пролетариат, в результате должна быть создана система «рабочей демократии». Революция должна идти постоянно, одно ограничение капитализма последует за другим, по мере развития революционного движения социал-демократы должны расширять и углублять свои задачи. В этом и есть перманентность: революция постоянно движется и расширяется. Начавшись в России, она превратится в революцию международную.

Первую Мировую войну Троцкий расценивал как завершающий этап «эпохи национальных государств», вместо них должна быть создана «широкая демократическая федерация передовых государств», которая будет называться «Соединенные Штаты Европы».

В чем, по мнению Троцкого, заключается роль России? Россия — это не какая-то самоценная, самодостаточная страна, это «взрыватель» для мировой революции, для мирового пожара, в этом — ее почетная роль.

Концепция «перманентной революции» для Троцкого была важным инструментом в борьбе за власть, за её утверждение, за отстаивание собственной оригинальной позиции в международном революционном движении. В ней он был непреклонен. Всё, что он делал в России, или за рубежом, он делал только с тем расчетом, что это приведет к «перманентной революции», и он станет её лидером. Даже в партию большевиков он вступил только потому, что увидел в ней реальную силу, способную привести его к цели.

Я.М. Свердлов также был охвачен одной идеей. Определить характер этой идеи сложно, в ней есть много мистического. Свердлов принадлежал к тем большевикам, которые всегда воспринимали революцию как явление всемирного масштаба. Он чувствовал ее мистическую подоплеку. В одном из писем к своей знакомой Кире Биссер он писал: «Теперь лишь слепые могут не видеть, как вырастает сила, которой предстоит играть главную роль в последнем действии трагедии. И так много прекрасного в росте этой силы, так много бодрости придает этот рост, что право же, хорошо жить на свете».

По мнению известного современного исследователя П.В. Мульти, Свердлов также, как и Троцкий воспользовался большевистской вывеской. Родным братом Якова Свердлова был Вениамин Михайлович Свердлов, который еще до революции уехал в США и открыл там банк. Вениамин был знаком и поддерживал деловые отношения с американским банкиром Яковом Шиффом. Через своего брата Яков становится главным ставленником зарубежных хозяев, вероятнее всего и финансируется ими. Свердлов должен был стать лидером нового государственного образования, которое возникнет на месте России.

О том, к чему стремились кураторы Свердлова, можно судить по письму Я. Шиффа, которое он написал в редакцию парижской газеты: «Очевидно, что если мы не поможем тем элементам, которые так героически борются сегодня в России, чтобы победить силы анархии и беспорядка, утвердившиеся сегодня в качестве русского правительства, и если мы не поспособствуем установлению вместо этих сил подлинно демократического правительства, которое одно

сможет спасти Россию, нынешний режим, который не может быть вечным, будет заменен реакционной властью, такой же недопустимой, как и Романовы, чье самодержавие принесло русскому народу столько нищеты и страданий».

По сути, это и есть проекты «Вавилонской башни», которые с таким усердием возводили «сыны противления». Воплощая данные идеи в жизнь, они делали Россию почвой для своих безумных экспериментов. Они «ведали, что творили».

Ведают, что творят — шестая черта «сынов противления».

Мотором Октябрьской революции были Ленин и Троцкий. Стратегический курс определял Ленин, он был теоретиком-организатором. На открывшемся II Всероссийском съезде Советов Ленин заявил, что съезд берет на себя всю полноту власти в России. Съезд принял первые декреты и сформировал новое правительство — Совет народных комиссаров. Название придумал Троцкий. Председателем стал Ленин.

Но рычагами власти большевики пока не владели. Чтобы удерживать власть, Ленин санкционировал террор, не желая идти ни на какие компромиссы. В ремесле террора большевики невероятно преуспели. Это было оружие, которое успешно применялось как против врагов, так и против колеблющихся в собственных рядах.

После получения власти основной задачей Ленина стало её удерживать. Окружающим Ленин казался человеком, отлично владевшим собой, не позволявшим давать волю своим чувствам. Он никогда и ни в чем не сомневался, во всем был тверд. Внешне он производил самое благоприятное впечатление: принимал посетителей, выслушивал их, был спокоен и невозмутим, умел очаровывать собеседников. Но под внешней оболочкой спокойствия бушевали бури. Ленин был одержим грехом гордыни. В себе он видел творца нового общественного строя, с себя начинал новый отсчет времени, новую эру человечества, эпоху разрушения старого.

Ленин умело делал вид, что держится в стороне от террора. В результате распространилась легенда, будто он был совершенно непричастен к расправам. На деле он часто сам принимал решения о казнях и отдавал приказы к их исполнению. Террор объявлялся новым инструментом государственной власти, никаких других инструментов не требовалось.

Подписывая декреты, Ленин посылал на казнь тысячи людей. Их смерть была для него абстракцией. Фактически он сосредоточил в своих руках абсолютную власть над страной. Даже идея мировой революции со временем отходит на второй план. Захватить власть и удержать ее любой ценой — в этом революционное «служение» В.И. Ленина.

Л.Д. Троцкий приехал в столицу России в начале мая 1917 года. Программные идеи, провозглашенные Лениным в «Апрельских тезисах», были близки к концепции «перманентной революции» Троцкого, хотя по ряду вопросов между ними оставались разногласия. Постепенно Троцкий входил во всё более тесное сотрудничество с большевиками. Окончательно он примкнул к большевикам в начале августа 1917 года на VI (полулегальном) съезде большевистской партии.

Троцкий понимал, что большевики на данный момент были единственной реальной политической силой, способной взять власть в свои руки. Он будет состоять в партии, но «своим» среди большевиков он никогда не станет (Ленин: «Он с нами, но не наш»), Троцкий останется при своих взглядах, но на вторых ролях. Ленин не допустит его к власти. Октябрьскую революцию и сотрудничество с большевиками Троцкий расценивал только как средство на пути к своей цели — быть лидером «перманентной революции».

К осени 1917 года Троцкий занял пост председателя Президиума Петросовета. Под его руководством Петросовет стал важнейшим звеном в подготовке большевиков к захвату власти. При Совете сформировали Военно-революционный комитет (ВРК), всей деятельностью которого руководил Троцкий.

В октябре 1917 года он действовал быстро и решительно: вооружил отряды рабочей гвардии и рабочей милиции; в ответ на закрытие большевистской газеты «Рабочий путь» отряды солдат, матросов и рабочих начали занимать жизненно важные пункты города. Столица перешла в руки ВРК практически без сопротивления. По сути, Октябрьский переворот в Петрограде осуществил Троцкий. Он занимался практическим руководством революцией.

Затем он участвовал в формировании новых органов власти. Став наркомом по иностранным делам, вел переговоры (позиция «ни мира, ни войны») и подписывал Брестский мир. Получив должность наркома по военным и морским делам, будучи штатским человеком,

осуществлял военные обязанности: с нуля создал Рабоче-крестьянскую Красную армию, привлекая старое офицерство, выдвигал идеи введения должности политкомиссаров и создания заградительных отрядов, создал Военную академию, ввёл пост главнокомандующего армией.

Занимаясь военными делами, Троцкий не отказывался от вмешательства в остальные сферы социальной деятельности. Он стал инициатором следующих идей: террор и репрессии как способ удержаться у власти, введение «военного коммунизма», продотрядов и комбедов, введение всеобщей трудовой повинности, плановая экономика, индустриализация и так далее. Многие из того, что впоследствии осуществляла компартия во главе со Сталиным, было придумано Троцким.

Ему же принадлежит идея создания международной организации. В марте 1919 года в Москве провозглашено создание III Коммунистического интернационала. Троцкий написал текст основного документа — «Манифеста Коммунистического Интернационала», где было провозглашено распространение большевистской диктатуры на весь мир под видом пролетарских революций и национально-освободительных движений.

После поражения Советских республик в Венгрии и Германии Троцкий предложил повернуться к Востоку, полагая, что в Азии Красная Армия явится более значительной силой, нежели в Европе. С маниакальной настойчивостью он требовал сохранения курса на международную революцию. Если Ленин смог подстроиться под ситуацию, отодвинув идею мировой революции на второй план, то Троцкий не мог этого сделать и даже не собирался.

После 1929 года, за пределами СССР Троцкий наладил связи с антикоминтерновскими коммунистическими и лево-социалистическими организациями и группами, став теперь не национальным, а международным лидером социалистического движения. Все материалы оппозиционеров печатались в журнале «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)», которым руководил сын Троцкого Лев Седов. Фактически журнал стал персональным печатным «голосом» Троцкого. Троцкий не молчал.

В 1938 году ему удалось создать свою международную организацию — IV Интернационал, который фактически стал оформленным международным объединением сторонников Троцкого, разделявшим

его стратегические установки, из которых главным были курс на мировую «перманентную революцию» и призыв к политической революции в СССР.

Я.М. Свердлов. Как подмечает П.В. Мультиатули, советские биографы Свердлова, сами того не подозревая, очень метко охарактеризовали его деятельность: «Полтора десятка лет до октября 1917 года Свердлов работал в России... Работа его до революции была незримой... Это был именно тот повседневный труд, который исподволь готовил революцию». Что же он делал?

Никаких доказательств того, что Свердлов состоял до 1917 года в рядах РСДРП, нет. Скорее всего, в те годы Свердлов прямого отношения к большевикам не имел, а представлял интересы еврейской американской диаспоры (Шиффа, Лейба и других), которая организовывала в России группы боевиков. В 1905 году на Урале Свердлов создал такую боевую дружину, в которую входили представители преступного мира: бандиты, убийцы и грабители. Называлась эта дружина БОНВ («Боевой отряд народного вооружения») — самая жестокая и кровавая организация революции 1905-1907 гг. Боевики БОНВ совершали политические убийства представителей власти, полицейских и всех «неугодных элементов», занимались грабежами, захватывали целые пароходы, вымогали деньги у богатых людей.

Свердлов руководил политическими и антиправительственными акциями, убийствами и грабежами на Урале. Когда один из членов организации, Иван Бушенов, высказал неодобрение методами Свердлова, тот зловеще спокойным голосом произнес: «Ты что же, Ванюша, революцию в белых перчатках хочешь делать? Без крови, без выстрелов, без поражений?».

Свердлов лично ни в одной акции не участвовал — оставаясь в тени, он их только разрабатывал. В то время на Урале он действовал самостоятельно, не опираясь ни на какие большевистские структуры, которых на Урале фактически не было. Скорее всего, финансировался и снабжался оружием его отряд из-за рубежа, каждый дружинник получал ежемесячно полное содержание в 150 рублей. Таким образом, в годы первой революции в России Свердлов создает и организует на Урале свои собственные силы, которые будут играть важную роль в организации убийства царской семьи.

В марте 1917 году Свердлов организовал единую большевистскую партийную организацию в Екатеринбурге. В апреле 1917 года

он участвует в 7-й Апрельской конференции РСДРП(б), знакомится с Лениным и становится членом ЦК. Мы не знаем, кто его рекомендовал Ленину, но очевидно, что рекомендация была серьезная, так как Свердлов был назначен руководителем Секретариата ЦК. С этого момента начинается стремительный карьерный рост Свердлова. Не оратор, не организатор, не теоретик, первое время плохо понимавший, кто такие большевики, Свердлов прочно и сразу же выдвигается в первые ряды большевистского руководства.

Секретариат ЦК был главным исполнительным органом партии, реализующим решения вождей. Став главным по расстановке кадров, Свердлов начал назначать на основные должности людей, которых знал лично.

После Октябрьской революции, когда был образован ВЦИК, на должность председателя, по рекомендации Ленина, был назначен Яков Свердлов. Формально ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет) — высший законодательный, контрольный, распорядительный и исполнительный орган власти страны Советов. ВЦИК занимался практически всеми делами в государстве, в том числе, издавал законы и контролировал их исполнение. Таким образом, Свердлов стал фактически равным по положению с Лениным.

Первые декреты вырабатывались при непосредственном участии Свердлова. Он руководил шестью съездами Советов как бессменный председатель. Он же открывал Учредительное собрание в январе 1918 года, которое проработало менее суток. По приказу Свердлова на следующий день была разогнана пулеметами безоружная демонстрация в поддержку Учредительного собрания. Он единолично проводил всю работу по связям с зарубежными странами. Официально Свердлов был главой государства. Он же после покушения на Ленина в сентябре 1918 года объявил «красный террор», унесший десятки тысяч человеческих жизней. Он отдал приказ о расказачивании, обернувшийся большим количеством жертв. В мае 1918 года Свердлов инициирует начало братоубийственной войны в деревне: бедняки против «кулаков». Его деятельность к лету-осени 1918 года приобрела характер организованного геноцида русского населения.

В июле 1918 года именно Свердлов приказал расстрелять царскую семью в Екатеринбурге (планы цареубийства он вынашивал с 1905 года). Также при его участии произошло убийство великого князя Михаила Александровича в Перми, великой княгини Елизаветы

Федоровны и пятерых великих князей дома Романовых в Алапаевске. Исполнители были из числа бандитской группы Свердлова. А для него самого убийство царской семьи стало словно «зеленым светом» к подготовке нового витка борьбы за власть.

В августе-сентябре 1918 года, после покушения на В.И. Ленина, он стал исполняющим обязанности председателя СНК РСФСР. Работал в кабинете Ленина и подписывал за него документы, а также проводил заседания СНК.

Ещё одна черта «сынов противления» — **богоборчество, отрицание нравственных ценностей.**

В 1922 году, отвечая на вопросы анкеты всероссийской партреписи «Имеете ли какие-либо религиозные верования... Если Вы неверующий, то с какого возраста?», Владимир Ильич Ленин ответил: — «Нет, не имею... С 16...». В юности он сорвал с шеи крест и бросил его на землю. Нравственные ценности он отрицал.

Однажды, когда Ленин увлёкся пропагандой своих идей, терпению меньшевиков пришел конец, они потребовали, чтобы Ленин предстал перед судом партии за недопустимое поведение. В своей короткой речи Ленин заявил, что борьба — дело серьезное, её нужно вести до победного конца, то есть — до полного разгрома противника; что он свободен от каких-либо моральных соображений в отношении монархии и точно так же считает себя свободным от моральных ограничений в отношении с членами партии, с которыми расходится во мнении. Речь Ленина на суде возымела эффект разорвавшейся бомбы. Он присвоил себе право расправляться с неудобными ему людьми, как ему хотелось и когда ему хотелось.

Общечеловеческого понятия морали для Ленина не существовало. Из его обращения к съезду коммунистической молодежи: «Всякую нравственность... мы отрицаем. Мы говорим, что это обман. Мы говорим: нравственно то, что служит разрушению эксплуататорского общества». Морали в политике нет, есть только целесообразность.

Террор коснулся и Церкви. Новая власть поставила перед собой задачу полного физического уничтожения религии. По всей стране производились индивидуальные и массовые расстрелы священнослужителей, закрывались, разрушались и осквернялись храмы, уничтожались иконы и мощи святых. Началась массированная пропаганда атеизма и откровенного издевательства над православной верой.

Ленин не мог упоминать о религии без проклятий, впадал в неистовство. Он не мог выносить самого упоминания Бога. Отрицая существование Бога, он боролся с Богом — то есть, самым фактом богоборчества признавал Того, против Кого боролся. При Ленине начались самые кровавые и массовые гонения на Церковь во всей мировой истории.

В начале 20-х годов XX века помощь голодающим стала для советского правительства удобным поводом массового изъятия ценностей у православной церкви. В письме Молотову для членов Политбюро от 19 марта 1922 года Ленин настаивает на необходимости использовать массовый голод в стране и призывает коммунистических вождей в рамках кампании «изъятия ценностей» разгромить Церковь, нанести религии сокрушительный удар, чтобы лишить последующие поколения верующих всякой воли к сопротивлению: «Именно теперь и только теперь,.. мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей» (*текст этого письма приведен в учебнике*).

Троцкий также принимал участие в осуществлении ряда антицерковных мер. Политбюро утвердило Троцкого координатором усилий «заинтересованных ведомств» в борьбе против Церкви. Ему же приписывают идею раскола Церкви изнутри, организацию обновленческого движения и создания так называемой «живой церкви».

Ненависть к православию была в крови и у Якова Свердлова: в кругу близких знакомых семьи, порой разыгрывались «шуточные» богохульные сцены и снимались на фотоаппарат.

Восьмая черта «сынов противления» — **желание овладеть ходом исторического времени.**

26 января 1918 года Советом народных комиссаров за подписью Ленина был принят декрет о введении в Российской республике западноевропейского григорианского календаря. Главная цель — разорвать историческую связь поколений. Если в сознании православного человека было понимание событий истории до Рождества Христова и после, то сейчас была введена новая система отсчета времени — до революции 1917 года и после.

Следующая черта «сынов противления» — **неспособность к покаянию**.

Яков Михайлович Свердлов умер 16 марта 1919 года в возрасте 33 лет. Официальная версия: скончался от испанского гриппа. Умирал в тяжелых мучениях, в постоянном бреде. Господь убрал его первым из этого «триумвирата».

Ленин заболел весной 1922 года неизлечимой болезнью мозга. Он понимал, что смертельно болен, но не желал смиряться. Власть стала его второй натурой, он так с ней сжился, что сражался за неё даже на одре болезни и не желал никому уступить.

1 февраля 1923 г. Ленин начинает диктовать длинную статью под названием «Лучше меньше, да лучше». К тому времени он понимал, какая страшная пропасть разделяет голую революционную идею и искусство управления государством. Теория постоянно расходится с практикой. Но в этом вины своей он не видел. Он сожалел только о том, что не дал рабочим того, что обещал. На большее покаяние этот человек не был способен.

Ленин умирал тяжело. Несколько раз во время болезни он был на грани между жизнью и смертью. Перенес несколько приступов, был парализован, не мог ходить, говорить, спать. Когда становилось легче, заново учился писать и говорить. 21 января 1924 г. в возрасте 53 лет он скончался. Во время вскрытия врачами никаких признаков заболеваний внутренних органов обнаружено не было, все внутренние органы (сердце, легкие и другие) были в норме — но мозг не работал.

Троцкий заранее написал завещание, в нём содержатся следующие строки: «Каковы бы, однако, ни были обстоятельства моей смерти, я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее. Эта вера в человека и его будущее дает мне сейчас такую силу сопротивления, какого не может дать никакая религия».

20 августа 1940 года Рамон Меркадер нанес Троцкому смертельную рану, ударив его топором-ледорубом по голове. Последними словами Троцкого, произнесенными в больнице, были: «Пожалуйста, скажите моим друзьям, что я уверен в победе Четвертого Интернационала... Идите вперед!». Вместо покаяния на смертном одре он думает о своем проекте. 21 августа 1940 года Л.Д. Троцкий скончался.

И последняя черта «сынов противления», на которую мы обратим внимание — это **переименование городов и улиц**. Дух каинитян

таков, что они, люди именитые, называют всё в честь себя. Первый город был назван по имени сына Каина «Енох» — как символ новой, лучшей жизни для будущих поколений потомков. В честь «сынов противления» тоже стали называть города. В 1924 году на волне революционного безумия Петроград назвали в честь Ленина «Ленинградом», а Екатеринбург в память о Свердлове переименовали в «Свердловск». Прежнее имя городам вернули в 1991 году.

После революции 1917 года происходило тотальное переименование улиц и мест, которые говорили о Боге, шла война против имён с целью уничтожить историческую память. Без исторической памяти народ бессилён: если не будет исторической памяти, не будет и народа. Пока исторические названия вернули не все, значит, окончательное покаяние пока не произошло...

Господь попустил появиться в истории России «сынам противления», людям, которые родились в России, но Россию не любили, не любили русский народ и его историю, придумывали и реализовывали свои глобалистские проекты. Для них не существовало Божиего нравственного закона, они придумали свою «коммунистическую мораль». Они гнали Бога и Церковь, причём гонители вышли из того же народа, что и гонимые. Они думали, что своими руками делают историю, и всячески стремились подчинить её своей воле, действуя дерзко, сосредоточив в своих руках огромную земную власть.

Господь попустил им быть в нашей истории, но Он же и устранил их. Один за другим они ушли из жизни и с политической арены: «Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие, ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут... ибо делающие зло истребятся, уповающие же на Господа наследуют землю. Ещё немного, и не станет нечестивого; посмотришь на его место, и нет его» (Пс. 36:1-2, 9-10).

Осмелимся предположить, что «сыны противления» были нам посланы Богом для наказания, покаяния, вразумления и спасения нашего народа, для осознания глубины той духовной болезни, которой было поражено русское общество, разучившееся различать добро и зло, промолчавшее и согласившееся, в большинстве своём, с тем, что Российская Империя рассыпалась, что власть государя попрана и уничтожена. Наказал нас Господь, но сохранил и дал возможность покаяться: «Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя» (Пс. 117:18). Господь провел нас через суровое испытание,

но продолжается время долготерпения Божия, а «праведный верою жив будет» (Авв. 2:4).

Литература

1. Авдеенко Е.А. Тема «Каин» в современном мире. — М.: Издательство КЛАССИС, 2014.
2. Авдеенко Е.А. Цикл лекций «Каин» и «Вавилон». — <https://rutube.ru/video/bae5b0faa899c81bf7543673eb130487/>
3. Аксючиц В. Богоборчество Ленинизма. — <https://pravoslavie.ru/71.html>
4. Барыкин Ю.М. Неизвестный Яков Свердлов // Литературный журнал Москва. — https://moskvam.ru/publications/publication_2869.html?ysclid=m3bx04l1rb108052601
5. Городецкий Е., Шарапов Ю. Яков Михайлович Свердлов. — М., 1957.
6. «Звездный час Ильича». Почему только Ленин мог возглавить революцию? // История. РФ. — <https://histrf.ru/read/articles/zvezdnyi-chas-ilicha-pochiemu-tolko-lienin-mogh-vozghlavit-rievoliu-tsiu?clckid=6366d601&ysclid=m9zmjd6kbq470685573>
7. Лица 1917 года. Лев Троцкий. // Православный журнал «Фома». — <https://foma.ru/litsa-1917-lev-trotsky.html>
8. Мультигули П.В. Свидетельствуя о Христе до смерти... Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое расследование. — Москва-Екатеринбург: Фонд «Русский предприниматель» (Екатеринбург), 2008.
9. Пазин М.С. Зловещая личность Яков Свердлов // Пазин М.С. Страсти по власти: от Ленина до Путина. — СПб., 2012.
10. Пейн Р. Ленин. Жизнь и смерть // ЖЗЛ. — М.: «Молодая гвардия», 2005.
11. Тихон (Шевкунов), митрополит. Гибель империи. Российский урок. — М: Вольный Странник, 2024.
12. Церковь после октября 1918 г. Как выжить в кровавую эпоху. // Православный журнал «Фома». — <https://foma.ru/tserkov-posle-oktyabrya-kak-vyizhit-v-krovavuyu-epohu.html?ysclid=m2s0q6yl8v272276315>
13. Чернявский Г.И. Лев Троцкий // ЖЗЛ. — М: Молодая гвардия. — 2010.
14. Швечиков А.Н. Непрощенный грешник. О Ленине. — https://ruskline.ru/analitika/2019/03/21/neprowennyj_greshnik

**Дух революции:
отражение революционных событий
в литературных произведениях**

Мировые революции происходили и происходят под самыми благородными лозунгами; каждая революция, как может показаться на первый взгляд — попытка изменить мир к лучшему. В литературе и исторической науке послереволюционных эпох события переворотов, что не удивительно, принято идеализировать. Не стала исключением и русская революция 1917 года. Однако, если мы обратимся к историческим хроникам и воспоминанием времен революции и Гражданской войны, мы увидим, что описывается в них часто не борьба за справедливость, а нечеловеческая, лишенная какой-либо логики, почти звериная жестокость, сопровождавшая эту борьбу.

На языке Священного Писания дух революции есть дух «сынов противления». Люди, осознанно идущие против Бога, оказываются в страшном, безбожном водовороте исторических событий. Истинный дух революции обнажается в свидетельствах современников. Одними из таких свидетельств могут стать произведения литературы, посвященные событиям начала двадцатого века.

Мы рассмотрим три произведения послереволюционных лет: «Окаянные дни» И.А. Бунина, «Солнце мертвых» И.С. Шмелева и «Молитву о России» И.Г. Эренбурга. Нашей задачей не является литературоведческий анализ произведений. Каждая из этих книг является правдивым и чутким свидетельством о своем времени; постараемся, прикоснувшись к фрагментам этих произведений, услышать и понять, что говорит каждый из авторов о том времени, в котором ему довелось жить.

1. Первым произведением, к которому мы обратимся, станут **«Окаянные дни» И.А. Бунина** — дневник московских (1918) и одесских (1919) наблюдений писателя революционных лет. Бунин стал одним из самых непримиримых противников революции, его взгляд на события отражается и в «Окаянных днях»: *«Блок слышит Россию и революцию, как ветер... О, словоблуды! Реки крови, море слез, а им*

все нипочем». Для Бунина громкие лозунги и обещание всеобщего счастья меркнут рядом с теми страданиями, причиной которых становится революция.

Книга была опубликована за рубежом, при советской власти не издавалась, а в России появилась только в 1989 году — накануне гибели государства, возникшего в результате Октябрьской революции. Дневниковые записи всегда субъективны; кроме того, произведение Бунина имеет ярко выраженную публицистическую направленность. «Окаянные дни» нельзя рассматривать как фактологически точную хронику революционных событий. Книга является свидетельством иного рода: дневники Бунина — это запечатленный дух революции.

Анализ «Окаянных дней» стоит начать с названия произведения. Прилагательное «окаянный» восходит к устаревшему глаголу «ока-яти» — «проклясть» (глагол «каяти» первоначально имел значение «наказывать»), однако народная этимология соотносит прилагательное с именем библейского братоубийцы Каина. Для Бунина революция — окаянные, проклятые дни. О Каине писатель также говорит на страницах своего произведения: дух его злобы пронизывает дни революции. Обратившись к тексту произведения, попробуем увидеть черты этого духа.

Бунин пишет: *«Перед тем как проснуться нынче утром, видел, что кто-то умирает, умер. Очень часто вижу теперь во сне смерти — умирает кто-нибудь из друзей, близких, родных»*. Смерть, безжизненность охватывает человеческое существование, пронизывает его. Для Бунина это — не красивая метафора. Смерть — это обыденность и данность революции. Непрестанный страх и угроза смерти, своих близких и своей, обыденность для людей, живущих в революционное время: *«А про эти годы и говорить нечего: день и ночь живем в оргии смерти. И все во имя “светлого будущего”, которое будто бы должно родиться именно из этого дьявольского мрака»*.

Революция не просто приносит угрозу смерти физической, она искажает и ломает человека; например — ломается, искажается язык, речь, являющаяся отражением состояния человеческой души: *«Образовался совсем новый, особый язык, “сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний вперемишку с самой площадной бранью по адресу грязных остатков издыхающей тирании...”* Все это повторяется потому прежде всего, что одна из самых отличительных

черт революций — бешенная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна». Революция погружает человека в игру, в ложь самому себе и другим, которая зачастую самим человеком уже не осознается.

Стихия революции опьяняет, сводит с ума: *«Сатана Каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправства дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода. Тогда сразу наступило исступление, острое умопомешательство»*. Дух противления, сатанинской злобы охватывает человека. Маски сброшены, открывается истинное лицо революционной стихии: сопротивление Богу, каинова гордость не оставляют человеку возможности одуматься, приводят его в состояние, близкое к умопомешательству. В человеке не остается места для сострадания: дух революции — дух кровожадный.

«Все слухи и слухи. Жизнь в непрестанном ожидании. И это ожидание чего-то, что вот-вот придет и все разрешит, сплошное и неизменно — напрасное, конечно, не пройдет нам даром, изувечит наши души, если даже мы и выживем», — Бунин подводит итог своим размышлениям: время это пройдет, но не уйдет бесследно, изувечит человеческие души, перевернет в человеке всё с ног на голову.

2. Еще одно произведение, к которому мы обратимся — одна из самых трагических книг двадцатого столетия — **«Солнце мертвых» И.С. Шмелева**. Сам автор назвал свое произведение *эпопеей*: в книге случившееся с Россией осмысливается как трагедия общемирового масштаба.

В 1918 году Шмелев вместе с семьей уезжает из большевистской Москвы в Крым, который в то время еще занят германскими войсками. Здесь писатель переживает тяжелейший голод, становится свидетелем красного террора и ужасов Гражданской войны, теряет единственного сына Сергея. В 1922 году Шмелев уезжает за границу, оттуда пишет своей племяннице Ю.А. Кутыриной: *«Мы в Берлине! Неведомо для чего. Бежал от своего горя. Тщетно... И даже впервые видимая заграница — не трогает... Мертвой душе свобода не нужна»*.

Эпопея создавалась в 1923 году в Париже. Книга стала свидетельством и осмыслением пережитого Шмелевым: на калейдоскоп страшных событий легла тень собственной боли и трагедии — потери сына.

«Солнце мертвых» — это описание непрерывного, мучительного голода, сводящего людей с ума, описание разрушенного и продолжающего разрушаться мира, описание постоянного страха, угрозы смерти, убийств: *«Веду, например, записи голодания. На себе изучаю, как голод парализует волю, и постепенно весь атрофируешься»*; *«Мы теперь можем создать новую философию реальной ирреальности! новую религию «небытия помойного»... когда кошмары переходят в действительность, и мы так сживаемся с ними, что бывшее нам кажется сном»*. «Новая действительность» для Шмелева — затянувшийся ночной кошмар, оказавшийся правдой. Это ненормальное, нечеловеческое бытие, медленно убивающее, по капельке выдавливающее жизнь из людей.

Однако не для всех новая реальность становится кошмаром, есть и те, кто этим кошмаром руководит, создает — те самые *«сыны противления»*. То, что говорит Шмелев о них, оказывается, пожалуй, даже более страшным. «Люди в кожаных куртках» (как назовет их Борис Пильняк в «Голом годе») у Шмелева, в общем-то, и не похожи на людей: *«Спины у них — широкие, как плита, шеи — бычачьей толщи; глаза тяжелые, как свинец, в кровяно-масляной пленке, сытые; руки-ласты могут плашмя убить. Но бывают и другой стати: спины у них — узкие, рыбы спины, шеи — хрящевый жгут, глазки востренькие, с буравчиком, руки — цапкие, хлесткой жилки, клещами давят»*. С людьми, считающими себя сильными мира сего, происходит странная метаморфоза: их собственная злоба и жестокость действуют на них же расчеловечивающе: *«И вот — убивали, ночью. Днем... спали. Они спали, а другие, в подвалах, ждали <...> А говорят ли они по радио — всем — всем — всем: “Убиваем старух, стариков, детей — всех — всех — всех! бросаем в шахты, в овраги, топим! Планомерно-победоносно! заматываем насмерть!”?!..»* Кровавая машина революционного террора перемалывает всех: и тех, кто становится жертвами, и тех, кто запускает страшный механизм. Причиной жестокости оказывается не борьба за счастливое будущее своей Родины, причиной оказывается отсутствие Родины и любви и сострадания к ней: *«С этой буквы пишутся два дорогих слова: Родина и Россия. «Расход» и «Расстрел» — тоже начинаются с этой буквы. Ни Родины, ни России не знали те, что убивать ходят. Теперь ясно»*.

Герой автобиографической эпопеи смотрит на небо и видит там лишь *солнце мертвых*. Гибель России, гибель человека в человеке рождает в герое-авторе страшное, такое же изматывающее, как непрестанный голод, чувство богооставленности: можно ли продолжать верить после всего, что произошло? Шмелев пишет: *«Сегодня я забыл — «Отче наш»! Три часа вспоминал — не мог! <...> С детства еще привык отыскивать Солнце Правды. Где Ты, Неведомое?! Какое Лицо Твое? Лица Твоего не вижу, Господи! Чую безмерность страдания и тоски... ужасом постигаю Зло, облекающееся плотью»*.

Происходящее становится для автора апокалиптическим злом, пришедшим во плоти. Но даже через это зло, безнадежность пробиваются лучики милости Божией: *«Теперь ничего не страшно. Знаю я: с нами Бог! Хоть на один миг с нами. Это Он велит дождю сеять, огню — гореть. Вниди и в меня, Господи! Вниди в нас, Господи, в великое горе наше, и освети! Ты солнце вложил в сучок и его отдаешь солнцу... Ты все можешь! Не уходи от нас, Господи, останься. Пребудь с нами до солнца!»* В переписке последних лет жизни Шмелев признавался, что потерял веру, еще будучи ребенком (непривычно это слышать нам, знающим Шмелева — автора «Лета Господня»), но, оказавшись в революционном аду, писатель внезапно обращается иному Солнцу — уже не солнцу мертвых. Господь и Его правда оказывается единственным, что может быть противопоставлено хаосу и жестокости, окружающим автора.

3. Еще одна книга, говорящая о революции точно и правдиво, — малоизвестный сборник стихов **Ильи Эренбурга «Молитва о России»**. Илья Григорьевич Эренбург родился в 1891 году в Киеве, в 1895 году семья переехала в Москву. Будучи подростком, Эренбург принимал участие в работе партии социал-демократов, за что был арестован, полгода провел в тюрьмах. В 1908 году юный Илья Эренбург эмигрировал во Францию, в Россию вернулся только летом 1917 года.

Эренбург не принял революцию 1917 года, именно в это время и рождаются стихи — «Молитва о России». Литературная критика восприняла стихи абсолютно негативно — пожалуй, единственным исключением стал Максимилиан Волошин, который писал: «Все стихи Эренбурга построены вокруг двух идей, еще недавно столь захватанных, испошленных и скомпрометированных,

что вся русская интеллигенция сторонилась от них. Это идеи Родины и Церкви. Только теперь в пафосе национальной гибели началось их очищение. И ни у кого из современных поэтов эти воскресающие слова не сказались с такой исступленной и захватывающей силой, как у Эренбурга. Никто из русских поэтов не почувствовал с такой глубиной гибели родины. <...> Очевидно, надо было быть совершенно лишенным родины и церкви, чтобы дать этим идеям в минуту гибели ту силу тоски и чувства, которых не нашлось у поэтов, пресыщенных ими».

Эренбург пишет: *«Это мы нарядили болящую мать / В красное трико площадной плясуньи»; «„Ну, смейся! веселенькой будь!“ / Ты первая в мире — / Ух, упирается, дохляя! / Живей на канат и пляши в нашем цирке! / Все тебе хлопают!»* В стихах Эренбурга ярко встает образ России — страдальцы, «болящей матери», над которой, бесчинствуя, издеваются ее же дети: *«Детям скажете: «мы жили до и после, / Ее на месте лобном / Еще живой мы видали»/ Скажете: «осенью/ Тысяча девятьсот семнадцатого года/ Мы ее распяли»*. Если у Бунина и Шмелева Россия безвозвратно погибает, человеческие страдания оказываются бессмысленными и безвыходными, то лирический герой стихов Эренбурга обращает свои слова в молитву: *«О нашей родимой земле/ Миром Господу помолимся. / О наших полях пустых и холодных, / О наших безлюбых сердцах, / О тех, что молиться не могут»*. Страшное состояние страны и людей показано в стихах Эренбурга: пустота, холод, сердца, лишенные любви, богооставленность — невозможность молиться.

Борьба за свободу неожиданным образом оборачивается захватывающим человека, сталкивающим его в страшное одиночество и тоску сопротивлением Богу: *«Да завоем во мгле / От этой от вольной воли»*...

«Господи, пьяна, обнажена/ Вот Твоя великая страна!/ Захотела с тоски повеселиться, / Загуляла, упала, в грязи и лежит. / Говорят — «нежилица». / Как же нам жить?» — трагическим вопросом завершает описание России, опьяненной революцией, Эренбург. На вопрос этот ответа поэт найти не может.

В произведениях, рассмотренных нами, показан дух времени, охваченного революционной стихией. Бунин, Шмелев, Эренбург как бы прислушиваются к этому духу, силятся понять его, запечатлеть, и это оказывается совсем не та «музыка революции», которую слышал

Александр Блок (вспомним поэму «Двенадцать»). Дух революции оказывается опьяняющим, лишаящим человеческого облика, кровавым, пропитанным нечеловеческой злобой.

Материал произведений, рассмотренных нами в статье, может быть использован на уроках литературы и истории в старших классах. При рассмотрении в рамках школьных уроков литературы тем «Революция» и «Гражданская война» (на материале других произведений) возможно частичное знакомство с произведениями «Окаянные дни» и «Солнце мертвых». При таком частичном знакомстве учитель может дать возможность ученикам на уроке познакомиться с фрагментами произведений, совместно с учениками выделить в этих фрагментах черты «духа революции». Произведения могут быть даны ученикам для внеклассного чтения в полном объеме, в таком случае учитель может провести отдельные уроки по ним. Сборник стихов «Молитва о России» может быть прочитан частично или полностью на уроках литературы в 11 классе в сравнении с поэмой А. Блока «Двенадцать», которая включена в школьную программу. На уроках истории возможно частичное знакомство с произведениями в 10 классе (темы, связанные с революционными событиями в России).

Литература

1. Бунин И.А. Великий дурман, 1917 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bunin-lit.ru/bunin/public/iz-velikogo-durmana.htm> (дата обращения 13.05.2025).
2. Бунин И.А. Окаянные дни. // Москва: ДАРЪ, 2013.
3. Солнцева Н.М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество. Жизнеописание. 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/443151-natalya-solntseva-ivan-shmelev-zhizn-i-tvorchestvo-zhizneopisanie.html> (дата обращения: 13.05.2025).
4. Шмелев И.С. Солнце мертвых [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/solnce-mertvyx/> (дата обращения: 13.05.2025).
5. Эренбург И.Г. Люди. Годы. Жизнь. М.: Советский писатель, 1990.
6. Эренбург И.Г. Молитва о России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/read/erenburg_ilya/molitva_o_rossii.html#0 (дата обращения: 13.05.2025).

Е.Ю. Кальманова

**«Добыть истину из середины земного праха»:
библейские смыслы романа А. Платонова
«Котлован»**

И сказали друг другу: наделаем
кирпичей и обожжём огнём.

И стали у них кирпичи вместо кам-
ней, а земляная смола вместо извести.

И сказали: построим себе город и
башню высотой до небес, и сделаем
себе имя.

(Быт. 11:3-4).

Произведения А.П. Платонова изучаются в программе по литературе 11 класса, но учитель может выбрать любые два (углублённый уровень) или одно (базовый уровень), в зависимости от своих предпочтений или от подготовки класса. Многие считают, что повесть «Котлован», с ее символикой, гротеском и языком сложна для понимания школьников. Однако именно она отражает взгляд на события того времени в библейском, историческом и литературном контекстах. Герои повести — «сыны противления», которые идут «путём Вавилона»: они строят «общепролетарский дом», чтобы их потомки стали счастливыми и бессмертными здесь, на земле, без Бога. Тот же посыл был и у большевиков, обещавших народу рай на земле. Литературный контекст отсылает читателя к произведению Н.Г. Чернышевского «Что делать?», в котором «новые люди» — создатели новой религии, где Христос — историческая личность, но не Бог, мечтают о Хрустальном дворце. Чем оборачивается эта мечта, гротескно изображает Платонов — свидетель и активный участник Октябрьской революции и дальнейших социальных преобразований конца 1920-х — начала 1930-х гг., индустриализации и коллективизации.

Строки о строителях Вавилонской башни из книги Бытия (11:1-9) легли в основу сюжета философской повести А.П. Платонова «Котлован».

Произведение было написано в начале 1930-х годов после «разгрома» рассказа Платонова «Усомнившийся Макар». В 1929 году автору, как и его герою Вощёву, исполнилось 30 лет. Платонов с восторгом принял революцию, участвовал в гражданской войне. Однако события, происходящие в СССР, заставляют писателя усомниться в тех истинах, которые он до недавнего времени защищал. Этими событиями стали коллективизация и индустриализация, объявление Сталина о ликвидации кулака как класса, и второй съезд атеистов СССР, который провозгласил себя «Союзом воинствующих безбожников». «Вощёв почувствовал сомнения в своей жизни и слабость тела без истины. Он не мог дальше трудиться и ступать по дороге, не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться. Он пошёл искать смысл и оказался в артели землекопов, которые начали рыть котлован для общепролетарского дома» [1], — пишет Платонов в начале книги «Котлован». Ещё Н.Г. Чернышевский в произведении «Что делать?» говорил о таком дворце, над которым раздумывает теперь инженер Прушевский. А Луначарский и вовсе писал: «Потомки каинитов, бунтуя вместе с Люцефером, начинают строить великую башню культуры в великом всеграде людском, чтобы соединить человечество воедино, тогда рай будет поднят назад и небо будет взято штурмом» [2].

Платонов пишет: «Вот он выдумал единственный общепролетарский дом вместо старого города, где и по сей час живут люди дворовым огороженным способом; через год весь местный пролетариат выйдет из мелкоимущественного города и займет для жизни монументальный новый дом. Через десять или двадцать лет другой инженер построит в середине мира башню, куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всей земли. Прушевский мог бы уже теперь предвидеть, какое произведение статической механики в смысле искусства и целесообразности следует поместить в центре мира, но не мог предчувствовать устройства души поселенцев общего дома среди этой равнины и тем более вообразить жителей будущей башни посреди всемирной земли. Какое тогда будет тело у юности и от какой волнующей силы начнет биться сердце и думать ум?» [3].

Инженер — техническая специальность, но для Прушевского дом не только место, где человек может укрыться от непогоды. Ему интересно и устройство души поселенцев. Прушевский хочет постоянно

заботиться о предметах и устройствах, он чувствует утешение от надёжности материала — всё это заменяет ему привязанность к людям и дружбу.

Е.А. Авдеенко в своей лекции «Вавилон» говорит о великом строителе ковчега Ное. Материал для ковчега и его конструкция подсказаны ему Господом — ковчег создается не для плавания, а для спасения. Прушевский же не думает о Боге, а о своем земном отце вспоминает лишь однажды, мельком, когда сидел у дома отца и смотрел на прохожих, жалея, что не все люди знакомы между собой. Здесь возникает аллюзия на притчу о блудном сыне, покинувшем родной дом, потерявшем связь с отцом, страдающем и одиноким. Однако Прушевский одержим идеей самостоятельно построить дом, в котором найдут пристанище все бездомные и где они могут узнать друг друга. Он ставит себя на место Создателя и по собственному разумению, а не по Божиему замыслу, конструирует дом. Фамилия «Прушевский», по замечанию одного из исследователей, образована от слова «прах». Он, как и вавилонские строители, обращает глаза не в небо, а под землю — строит котлован. Платонов так и пишет про ещё одного строителя — Вощёва, что тот хочет добыть истину «из середины земного праха» [4].

Авдеенко подчёркивает, что строители Вавилона не хотели дотянуться до Бога, возведя башню величиной до небес, — они хотели свести небо на землю и сами стать как боги, чтобы воля человека была и на небе, и на земле. Строители Прушевского берут за основание земное — человеческую природу. В тексте говорится о том, что Вощёв работает «в теснинах тоскливой глины [5]», ему жаль камушек, пребывающий «в среде глины, скоплении тьмы» [6]. И Чиклин страдает от «чуждости глины». А глина («адама») — материал, из которого был сотворён Адам. Строители котлована, как и вавилоняне, не хотят быть Адамом. Они слабы и болезненны телом, в душе их нет радости, они томятся душою, живут механически. Их объединяет с вавилонянами энтузиазм. Они воздержанны и аскетичны. Если для строителей Вавилона нет выше пафоса, чем делание кирпичей, то строители котлована призваны копать, чтобы на месте котлована вырос дом, где будут жить новые люди. В повести не раз упоминается слово «кирпич»: из него построен дом товарища Пашкина, чтобы этот дом не сгорел во время пожара. Но кирпич — это и орудие убийства: калека Жачев угрожает Пашкину ударом в живот,

если тот не выполнит его требования. Таким образом, в героях повести живёт дух Вавилона и дух Каина. Они не чувствуют в себе дух Божий и перестают соответствовать имени «Человек».

Строители Вавилона — эмигранты. Они странствовали от Востока, нашли долину в земле Сеннаар и поселились там, то есть, по словам Авдеенко, нашли не Бога, а землю. Рабочие в бригаду Чиклина попадают разными путями: одни по убеждению (Чиклин, Сафронов), во имя идеи, другие — от тоски души, по воле случая (Вощёв). Однако строителей недостаточно для такого грандиозного замысла, и рабочих, «эмигрантов» поневоле, в бригаду набирают путём запугивания и убийства. Убийства происходят быстро, бессознательно, механически: «Чиклин, видя перед собою такое существо, двинул ему механически в живот, и мужик опрокинулся» [7]. Заметим, «существо», а не человека! И убийцы уже не чувствуют жалости и уколов совести. По словам Чиклина, «всё теперь стало ничто» [8].

Тех, кто призван работать на земле, Чиклин и его бригада приводит на строительство котлована: «Чиклин взял лом и новую лопату и медленно ушел на дальний край котлована. Там он снова начал разверзать неподвижную землю, потому что плакать не мог, и рыл, не в силах устать, до ночи и всю ночь, пока не услышал, как трескаются кости в его трудящемся туловище. Тогда он остановился и глянул кругом. Колхоз шел вслед за ним и не переставая рыл землю; все бедные и средние мужики работали с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована» [9]. «Спастись в пропасти» — оксюморон, который показывает, что у строителей нет будущего.

По словам Авдеенко, среди вавилонян не было царства и священства. То же мы видим и в повести Платонова. Вавилоняне изгнали царя — строитель котлована Чиклин говорит рассудительному мужику: «Мы можем царя назначить, когда нам полезно будет. И можем сшибить его одним вздохом» [10]. Таким образом, герои повести ставят себя выше Бога, для них нет нравственных ограничений.

Как потомки Хама, утратили они сыновство, поэтому утратили веру. Вот такой диалог возникает между Чиклиным и попом: «— Я был поп, а теперь отмежевался от своей души и острижен под фокстрот. Ты погляди!

Поп снял шапку и показал Чиклину голову, обработанную, как на девушке.

— Ничего ведь?.. Да все равно мне не верят, говорят, я тайно верю и явный стервец для бедноты. Приходится стаж зарабатывать, чтоб в кружок безбожия приняли.

— Чем же ты его зарабатываешь, поганый такой? — спросил Чиклин.

Поп сложил горечь себе в сердце и охотно ответил:

— А я свечки народу продаю — ты видишь, вся зала горит! Средства же скопляются в кружку и идут активисту для трактора.

— Не брешь: где же тут богомольный народ?

— Народу тут быть не может, — сообщил поп. — Народ только свечку покупает и ставит ее Богу, как сироту, вместо своей молитвы, а сам сейчас же скрывается вон.

Чиклин яростно вздохнул и спросил еще:

— А отчего ж народ не крестится здесь, сволочь ты такая? Поп встал перед ним на ноги для уважения, собираясь с точностью сообщить.

— Креститься, товарищ, не допускается: того я записываю скорописью в поминальный листок...

— Говори скорей и дальше! — указал Чиклин.

— А я не прекращаю своего слова, товарищ бригадный, только я темпом слаб, уж вы стерпите меня... А те листки с обозначением человека, осенившего себя рукодействующим крестом, либо склонившего свое тело пред небесной силой, либо совершившего другой акт почитания подкулацких святителей, те листки я каждую полуночь лично сопровождаю к товарищу активисту.

— Мне, товарищ, жить бесполезно, — разумно ответил поп. — **Я не чувствую больше прелести творения — я остался без Бога, а Бог без человека...** Сказав последние слова, поп склонился на землю и стал молиться своему ангелу-хранителю, касаясь пола фокстротной головой» [11].

Так мог бы сказать каждый герой повести, поэтому и томятся строители в одиночестве, заменяя понятия «истина», «цель жизни» словами «полезность» и «энтузиазм». Народ ставит свечи, но истинной веры в людях нет, нет её и в попе, речь которого абсолютно не отличается от речи самого Чиклина и других строителей. И народа нет. Сафронов утверждает, что народ взялся из буржуазной мелочи, каждого надо бросить в «рассол социализма», чтобы с него слезла «шкура капитализма», и сердце обратило внимание на «жар жизни

вокруг костра классовой борьбы», и произошёл бы энтузиазм. Вот такой рецепт создания нового человека, нового народа предлагают строители котлована.

Однако человек не может сам себя познать и изменить свою природу, поэтому каждый из строителей тоскует, пытается избыть свою тоску механическими действиями, работой, поэтому так тревожат их воспоминания о прошлом: о семье, о возлюбленных. И больше всего собой тяготится Прушевский, в воспоминаниях которого — и отцовский дом, и сестра, присылающая ему открытки-поздравления с Пасхой. Он перечитывает их и иногда плачет. Вощёв тоже не находит себе места в мире, мучительно ищет истину, потому что без нее стыдно жить.

В строках о Вавилоне из книги Бытия Господь строительство башни закончится тем, что Господь сойдёт и смешает язык строителей. Неповторимый стиль Платонова — пародия на вавилонский бред. В повести все действительно разговаривают похоже, причём реплики персонажей не отличаются от авторской речи. Герои «Котлована» делают общее дело и погружены в общую стихию речи. Сходство их речи напоминает о строителях Вавилонской башни, и точно так же крушение революционной утопии повлечёт за собой распад единого общения и возникновение разнородных социальных диалектов. Сравните:

«— В понедельник будут еще сорок человек. А сегодня суббота: вам уже пора кончать.

— Как так кончать? — спросил Чиклин. — Мы еще куб или полтора выбросим, раньше кончать ни к чему

— А надо кончать, — возразил производитель работ. — Вы уже работаете больше шести часов, и есть закон.

— Тот закон для одних усталых элементов, — воспрепятствовал Чиклин, — а у меня еще малость силы осталось до сна. “Кто как думает?” — спросил он у всех.

— До вечера долго, — сообщил Сафронов, — чего жизни зря пропадать, **лучше сделаем вещь**. Мы ведь не животные, мы можем жить ради энтузиазма.

— **Может, природа нам что-нибудь покажет внизу**, — сказал Вощёв» [12].

Герои Платонова говорят от первого лица множественного числа, синтаксис их речи схож с речью вавилонян. Только вавилоняне

хотели «сделать себе имя» (Быт. 11:5), изменить свою природу. Имя, по мысли Авдеенко, — новое «познание», новое Бытие, наконец, отказ от старого имени «Человек». Строители котлована отрицают в себе животное начало и хотят сотворить «вещь», претендуя на роль Создателя.

Персонажи Платонова убеждены: не верить ни во что — вот путь к счастью. За всеми ужасами эпохи душа их еще живёт. Землекопы подобрали и принесли к себе девочку-сироту Настю. Рабочие полюбили её. Она — символ будущего для них, смысл их существования. Но Настя умирает. И котлован становится для неё могилой, и в основании нового мира кладется уже не слезинка ребёнка, о которой говорит Иван Карамазов, а вся его жизнь. Вот как автор описывает чувства и мысли героя: «Вощёв стоял в недоумении над этим утихшим ребенком, он уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убежденном впечатлении? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движеньем?» [13].

В конце повести Платонов пишет: «Автор мог ошибиться, избрав в смерти девочки гибель социалистического мира, но эта ошибка произошла лишь от излишней тревоги за нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению не только всего прошлого, но и всего будущего» [14]. Но это была не ошибка, а пророчество. Сыны противления, идущие путем Вавилона, решившие встать на место Бога и создать нового человека, которому предназначался рай на земле, на деле выкопали котлован-могилу, похоронившую это начинание.

Литература

1. Платонов А.П. Котлован. — СПб.: «Наука», 2000. — С. 22.
2. Луначарский А. Религия и социализм. Т. 1. — СПб., 1908. — С. 98.
3. Платонов А. П. Котлован. - СПб.: «Наука», 2000. — С. 34.
4. Там же, с. 32.
5. Платонов. Указ. соч., с. 33.
6. Там же, с. 53.
7. Там же, с. 42.
8. Там же.

9. Там же, с. 77.
10. Там же, с. 78.
11. Там же, с. 80-81.
12. Там же, с. 104.
13. Замятин Е.И. Уездное. Мы: Романы. А.П. Платонов. Котлован. Ювенильное море: Романы. — М.: Олимп, 1996. — С. 360.
14. Там же, с. 115.

Н.В. Суздальцева

**Цивилизация подмены
в «Легенде о Великом Инквизиторе»
Ф.М. Достоевского**

«Великий инквизитор» — вставная притча в составе пятой главы пятой книги «Pro и contra» второй части романа Фёдора Достоевского «Братья Карамазовы». Сам Достоевский в романе называет ее поэмой, но после выхода работы «Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария» В.В.Розанова эту литературную притчу чаще называют легендой.

Действие происходит в XVI веке в Испании, в городе Севилье, в самое страшное время инквизиции; в это же время в другой части Европы, в Германии, начинается процесс реформации Церкви, зарождается протестантизм, то есть это время в целом — критическое для духовной жизни западного человека. Именно в этот момент Иисус Христос спускается на землю в человеческом облике, чтобы ободрить верующих в него людей. Это не второе пришествие, а лишь акт любви к человечеству, и люди узнают Христа, узнает его и Великий инквизитор. Он приказывает арестовать Христа, объявляет его еретиком и приговаривает к смертной казни. Приговор должен быть приведен в исполнение на следующее утро. Ночью же происходит беседа инквизитора с молчащим Христом, центром которой становится толкование Ивана Карамазова (ибо он в романе — автор этой поэмы) трех искушений Христа в пустыни. Иван (и Великий инквизитор вместе с ним) называет их не просто искушениями, а дарами и советами «страшного и умного духа, духа самоуничтожения и небытия».

Первое: «Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф. 4:3). Второе: «Если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнёшься о камень ногою Твоею» (Мф. 4:6). Третье: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю её; итак, если Ты поклонись мне, то всё будет Твоё» (Лк. 4:6-7).

Христос отверг все три искушения. Вот Его ответ на первое: «написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:4). На второе: «написано также: не искушай Господа Бога твоего» (Мф. 4:7). На третье: «отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (Лк. 4:8).

Почему же Великий инквизитор считает эти искушения дарами и советами? Потому что для него это — не попытки погубить лично Христа, а альтернативные пути спасения человечества без искупительной жертвы, которые Христос отверг. Эту мысль Достоевского чутко почувствовал Василий Васильевич Розанов в своем комментарии к легенде: «Очень замечательно, что ведь Дух искушал Богочеловека **не** когда-нибудь **посреди его служения** на спасение рода человеческого, **но перед вступлением на это служение**, и, следовательно, он, древний борец с Богом и враг рода человеческого, как бы **соблазнял его на другие возможные способы спасения**, указывал иные пути для этого, чем учение Его божественное и крестная смерть. Искушения относились именно к целому служению Иисуса Христа, и поэтому хлебы, чудо и власть, Искусителем предложенные, суть действительно три модуса иного, не небесного, не божественного, не благодатного и таинственного спасения» [1, с. 34].

Речь идет, конечно, не о спасении души. «Тихо умрут они, тихо угаснут во имя твое и за гробом обрящут **лишь смерть**», — говорит Великий инквизитор о людях, которые выберут один из путей, предложенных «могучим и умным духом в пустыне». Они не попадут в Царствие Небесное, но они будут счастливы при жизни, в царствии земном, которое станет для них земным раем. Это пути подмены. Не случайно глава, в которую включена поэма о Великом Инквизиторе, называется PRO И CONTRA. На первый взгляд, в заглавии просматривается фразеологизм со значением «За и против», но тогда почему они соединены русским союзом «и», ведь можно было написать всю фразу на латыни PRO ET CONTRA. Латинская приставка ПРО имеет два значения: «1. за; являющийся сторонником, действующий в интересах кого-, чего-л., напр.: проимперналистический; 2. заместитель, исполняющий обязанности, замещающий, напр.: проректор» [2]. Значит Достоевский, оставляя русский союз, хотел сохранить оба значения приставки (предлога): ЗА и ПРОТИВ

(как оппозиция Алеши и Ивана) и ВМЕСТО и ПРОТИВ (как позиции Ивана и Великого Инквизитора). И действительно, в «Легенде...» мы увидим много подмен (ВМЕСТО) учения Христа. Но интересно и слово CONTRA Само оно имеет значение «против, напротив, вопреки», но у него есть древнегреческий синоним — приставка АНТИ-, которая кроме значения противоположности и противления (антифашист, антиалкогольный) имеет и значение «взамен» (Антипасха, антихрист). Получается, что название главы PRO И CONTRA можно прочесть и так: ВМЕСТО и ВЗАМЕН. Получается просто «подмена подмен»!

Первый альтернативный путь спасения человечества, предлагаемый «умным Духом» — искушение хлебом: это — экономическая программа как основа проповеди Царства Божия. Чего проще? — создать «выгодные экономические условия», «достойную заработную плату», обеспечить «социальный пакет», и сразу же пропадут все преступления, войны, раздоры. Измени среду — и изменится человек, бытие определяет сознание! И Великий Инквизитор упрекает Христа: «Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на Тебя Дух земли и сразится с Тобою и победит Тебя и все пойдут за ним» [3, с. 375]. А «на месте храма Твоего воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня».

Именно этот альтернативный путь, по мнению Достоевского, предлагают человечеству социалисты. «Нынешний социализм в Европе, да и у нас, везде устраняет Христа и хлопочет прежде всего о хлебе, призывает науку и утверждает, что причиною всех бедствий человеческих одно — нищета, борьба за существование, “среда заела”» [4], — пишет он в ответе читателю «Дневника писателя» В.А. Алексееву на его вопросы о Великом Инквизиторе. Верующий человек понимает, что экономическое благополучие не изменит нравственной сути человека: в раю у Адама и Евы были наилучшие экономические условия, что не спасло их от нравственного падения. Но для атеиста, считающего Священное Писание лишь сборником мифологических историй, «безбедное существование» — смысл жизни: «Накорми — а потом и спрашивай добродетели!»

Второй альтернативный путь сделать человечество счастливым — искушение чудом: это, если проецировать его на современную действительность, предложение человечеству чудесных плодов науки

и прогресса, способных обеспечить человеку даже бессмертие. Наука может не только дать человеку всемогущество на планете (скорость — всевозможный транспорт и технологии, силу — тотальное оружие, всевидение — спутники и так далее), но победить все болезни, заменить все немощные члены и органы, в итоге — и само тело, да и возможно, оцифровать, обессмертить само сознание... Не это ли заветная мечта человека? Жить вечно и притом без предварительных страданий, лишений, болезней — комфортная гарантированная вечность.

При этом этот второй путь предполагает вседозволенность, отмену всех границ, ведь само предложение «духа Земли» Христу броситься вниз предполагает не только нарушение установленных для человека природных земных законов, но и законов нравственных — отсюда и ответ Иисуса: «не искушай Господа Бога твоего». В самом деле, зачем нравственные законы и ограничения, если бессмертие и вечная молодость будут достижимы и без них. Этот второй альтернативный путь не связан уже с социальными и экономическими теориями — это более широкий путь — путь гуманизма. Гуманизм провозглашает высшей ценностью человека, он ставит его в центр вселенной. Это мировоззрение, как сказано во всех словарях, основанное на заботе о благе человека и его правах на свободу, равенство, счастье, личностное развитие. И все бы было верно, если бы, с одной стороны, человек не вытеснял собой в гуманизме как целостном мировоззрении Бога, а с другой, не подменял саму природу человека. В христианстве человек — образ и подобие Божие, а Господь нам через образ Иисуса Христа, его поступки, слова, отношения к окружающим, дал четкое представление, каким должен быть человек, каков его нравственный облик и какова высота и сила этой нравственности. А вот что пишет Ф. М. Достоевский в «Письме К.П. Победоносцеву от 19 мая 1879 года. Старая Русса» тоже по поводу обсуждения «Великого Инквизитора»: «...Научное и философское **опровержение бытия Божия уже заброшено**, им не занимаются вовсе теперешние деловые социалисты (как занимались во всё прошлое столетие и в первую половину нынешнего). **Зато отрицается из всех сил создание Божие, мир Божий и смысл его.** Вот в этом только современная цивилизация и находит ахинею. Таким образом льщу себя надеждою, что даже и в такой отвлечённой теме не изменил реализму» [5].

Гуманизм пересматривает саму природу человека и смысл его жизни (еще одна подмена). Для него в человеке важна не высота образа Божия, а слабости человека, потому что гуманизм все время на позициях защиты человека, то есть признает его как существо слабое. Еще прямее Ф.М. Достоевский о понимании современными ему социалистами природы человека пишет в письме Н.А. Любимову от 11 июня 1879 года: «Современный отрицатель [имеется в виду Иван Карамазов], из самых ярых, прямо объявляет себя за то, что советует дьявол, и утверждает, что это вернее для счастья людей, чем Христос. Нашему русскому, дурацкому, но страшному социализму (потому что в нём молодёжь) — указание, и кажется энергическое: хлебы, Вавилонская башня (то есть будущее царство социализма) и полное порабощение свободы совести — вот к чему приходит отчаянный отрицатель и атеист. Разница в том, что наши социалисты (а они не одна только подпольная нигилистическая, — вы знаете это) — сознательные иезуиты и лгуны, не признающиеся, что идеал их есть идеал насилия над человеческою совестью и низведение человечества до стадного скота, а мой социалист (Иван Карамазов) — человек искренний, который прямо признаётся, что согласен со взглядом «Великого инквизитора» на человечество, и что Христова вера (будто бы) вознесла человека гораздо выше, чем стоит он на самом деле. Вопрос ставится у стены: «Презираете вы человечество или уважаете, вы, будущие его спасители?» [6].

И это презрение к человечеству, которое при том насильно ведётся к земному счастью, мы читаем и в следующих словах Великого Инквизитора, в которых как раз выражена суть гуманизма (понимание человека как существа слабого): «Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения; позволяем же им грешить потому, что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя. <...> Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей — всё судя по их послушанию — и они будут нам покоряться с весельем и радостью. Самые мучительные тайны их совести — всё, всё понесут они нам, и мы всё разрешим, и они

поверят решению нашему с радостью, потому что оно избавит их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного» [3, с. 376]

Как это похоже на современное либерально-гуманистическое отношение к человеку, потакающее его греховным слабостям: нежелание регистрировать браки, рожать детей, праздное времяпрепровождение (сериалы, шоу, компьютерные игры). В монологе Инквизитора даже угадывается современная идея о регулировании численности людей на планете («иметь или не иметь детей»).

Третий альтернативный путь спасение человечества без жертвы Христа — искушение всемирным господством. Достоевский здесь прежде всего имел в виду католицизм, выбравший путь авторитета, папства, и очень во многом образ Великого Инквизитора он создал в обличение позиций католической церкви. Поэтому и приурочил время действия к XVI веку, к началу широкой пропаганды неограниченной папской власти и введению индульгенций, отсылка к которым и видна в словах Инквизитора «позволяем же им грешить потому, что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя». Критика католицизма просматривается и в этих словах героя: «Мы, — заявил 90-летний старец от имени инквизиторов, — не с Тобой, а с ним, вот наша тайна! Мы давно уже с ним, уже восемь веков... Мы взяли от него то, что Ты с негодованием отверг» [3, с. 376]. Если отсчитать от 19 века 8 веков, то получится как раз время раскола Церкви на католическую и православную. Но величие дарования Достоевского состоит и в том, что он предчувствовал и предсказывал будущее развитие человечества. И говоря об этом третьем искушении всемирным господством применимо к современности, писатель-пророк словно бы предсказывал появление идей глобализма, мира экономического и политического монополизма, однополярного мира, стремящегося поглотить национальные интересы и политический суверенитет народов. Глобализм как вновь строящаяся Вавилонская башня «для золотого миллиарда», как новая идея мирового господства.

Итак, вот три подмены единственного пути спасения человечества через жертву Христа: путь в социально-экономический рай для большинства, путь в созданное наукой бессмертие без Бога и путь преклонения перед авторитетом, перед силой, навязывание образа

счастливого человека. Все три пути объединяет псевдолюбовь к человечеству — человек должен во что бы то ни стало прожить счастливую жизнь, не зная голода, болезней, преступлений, войн, но какой ценой?

Чётче всего Достоевский объяснил замысел «Великого Инквизитора» во «Вступительном слове, сказанном на литературном утре в пользу студентов С.-Петербургского университета 30 декабря 1879 г. перед чтением главы «Великий инквизитор»): «Смысл тот, что **если исказишь Христову веру, соединив её с целями мира сего, то разом утратится и весь смысл христианства**, ум несомненно должен впасть в безверие, вместо великого Христова идеала созиждется лишь новая Вавилонская башня. Высокий взгляд христианства на человечество понижается до взгляда как бы на звериное стадо, и под видом социальной любви к человечеству является уже не замаскированное презрение к нему. Изложено в виде разговора двух братьев. Один брат, атеист, рассказывает сюжет своей поэмы другому» [7].

Предупреждение Достоевского о возможности подмены в сознании людей, относящих себя к христианской культуре, идеала Царствия Небесного идеалом земного рая, бессмертия в Боге — научным бессмертием, живой веры — авторитетом папы, на наш взгляд, содержит и пророчество о создании целой цивилизации подмен. Живое христианство подменяется инквизицией и индульгенциями, социалистические утопии — тоталитарным государством, развитие национального самосознания — фашистским национализмом, мечты о демократическом государстве — потребительским обществом, бесконечная цепь подмен, полная потеря координат, начало которым лежит в отказе от искупительной жертвы Христа.

Но самое страшное в «Легенде...» — это образ самого Великого Инквизитора и мысль Ивана Карамазова, что подмену христианских ценностей советами «умного духа» осуществят не социалисты и атеисты как таковые, а некие «умные люди», которые точно знают, что Бог есть, но сознательно от него отказываются. Великий Инквизитор — это человек, «который всю жизнь свою убил на подвиг в пустыне» (то есть был христианским подвижником) и «не излечился от любви к человечеству» (то есть не мог принять мысль, что спасение человека зависит только от него самого, а значит большинство, не идущих за Христом, вынуждены погибнуть). «На закате

дней своих он убеждается ясно, что лишь советы великого страшного духа могли бы хоть сколько-нибудь устроить в сносном порядке малосильных бунтовщиков, «недоделанные пробные существа, созданные в насмешку», — говорит о нем Иван. — И вот, убедясь в этом, он видит, что надо идти по указанию умного духа, страшного духа смерти и разрушения, а для того принять ложь и обман и вести людей уже сознательно к смерти и разрушению, и притом обманывать их всю дорогу, чтоб они как-нибудь не заметили, куда их ведут, для того чтобы хоть в дороге-то жалкие эти слепцы считали себя счастливыми» [3, с. 378].

И опасность этих людей в том, что на словах, под маской благочестия они проповедуют именно заповеди Христовы и готовы возглавить любое духовное возрождение народа, Церкви, человечества с тем, чтобы на одном из его этапов совершить свою обычную подмену. Эти «умные люди» — усыновленные дети «умного духа» — это все те же библейские «сыны противления». И потому цитируемые ниже слова Ивана Карамазова, можно рассматривать не как фантастический вымысел Достоевского, а как его писательское прозрение, над которым стоит задуматься: «Я тебе прямо говорю, что я твердо верую, что этот единый человек и не оскудевал никогда между стоящими во главе движения. <...> Кто знает, может быть, этот проклятый старик, столь упорно и столь по-своему любящий человечество, существует и теперь в виде целого сонма многих таковых единых стариков и не случайно вовсе, а существует как согласие, как тайный союз, давно уже устроенный для хранения тайны, для хранения ее от несчастных и малосильных людей, с тем чтобы сделать их счастливыми. Это непременно есть, да и должно так быть» [3, с. 378].

Литература

1. Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского // Розанов В.В. Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. — М., 1996. — С. 34.
2. Словарь иностранных слов русского языка // academic.ru: сайт. — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwwords/47251/про (дата обращения: 07.04.2025).
3. Достоевский Ф.М. «Братья Карамазовы». — Москва: Дрофа: Вече, 2002. — 910 с.

4. Достоевский Ф.М. — Алексееву В.А. // dostoevskiy-lit.ru: сайт. — URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-alekseevu-7-iyunya-1876.htm> (дата обращения: 07.04.2025).

5. Достоевский Ф.М. — Победоносцеву К.П. // dostoevskiy-lit.ru: сайт. — URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-m-pobedonoscevu-19-maya-1879.htm> (дата обращения: 07.04.2025).

6. Достоевский Ф.М. — Любимову Н.А. // dostoevskiy-lit.ru: сайт. — URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-m-lyubimovu-11-iyunya-1879.htm> (дата обращения: 07.04.2025).

7. О Боге и вере // pravoslavie.ru: сайт. — URL: <https://pravoslavie.ru/104637.html> (дата обращения: 07.04.2025).

Н.Г. Матвеевская

**Художественное осмысление деятельности
«сынов противления» в пьесе Евгения Шварца
«Дракон» (1942-1944)**

Меня Господь благословил идти,
Брести велел, не думая о цели.
Он петь меня благословил в пути,
Чтоб спутники мои повеселели.

Иду, брежу, но не гляжу вокруг,
Чтоб не нарушить Божье повеленье,
Чтоб не завывать по-волчьи вместо пенья,
Чтоб сердца стук не замер в страхе вдруг.

Е. Шварц.

Евгений Львович Шварц (1896-1958) жил и творил в трагическую для России эпоху. Первая мировая война, революция, гражданская война, установление новой власти, годы репрессий, затем Великая Отечественная война, блокада Ленинграда... Все эти события легли тяжким бременем на плечи «лёгкого» человека, «доброго сказочника», как называли Шварца ещё при жизни. Только самые близкие люди знали, каким трудом давалась ему эта лёгкость. В страшные 1930-е годы у Евгения Львовича всегда был наготове чемодан, с которым он был готов отправиться под арест. В юности белый офицер, участник «ледяного похода» генерала Корнилова, Евгений Шварц в сталинское время милостию Божией остался жив и на свободе, и оставил нам произведения, помогающие осмыслить истинную свободу, невысказанную без Бога и без христианской духовности.

Произведения Е. Шварца обладают огромным духовно-нравственным потенциалом. Они не входят в перечень литературных текстов, обязательных к прочтению в школе. Но, на наш взгляд, их изучение уместно и даже необходимо на уроках внеклассного чтения.

Указанную тему можно рассматривать в 10 классе после анализа романов Достоевского и в 11 классе в курсе литературы первой половины XX века.

Е.Л. Шварц долго искал свой путь в литературе, свой жанр, пока не пришёл к драматургии. Несомненно, для писателя было важно, что театр обладает свойством непосредственного воздействия на человеческую душу. Излюбленным жанром Шварца-драматурга становится сказка-притча с её универсализмом и смысловой насыщенностью. Она всегда обращает читателя к вечным вопросам. Подобно Шекспиру (и Андерсену) Шварц работал с известными сюжетами, творчески пересоздавая их (таковы «Голый король», «Снежная королева», «Золушка», «Дон Кихот», «Тень»). Не исключение и пьеса «Дракон», в которой оживает «вечный сюжет» о спасении от чудовища благородным воином прекрасной и чистой девушки (Персей и Андромеда), о спасении города от дракона (Ланцелот — рыцарь Круглого стола; чудо святого Георгия). Но эта история переосмыслена Шварцем и подчинена особой художественной задаче — показать сущность безбожной власти, обезличивающей человека и лишаящей его человечности. Показать и непрочность этой власти.

В январе 1943-го Шварц написал в дневнике: «Бог поставил меня свидетелем многих бед. Видел я, как люди переставали быть людьми от страха. Видел, как погибали целые города. Видел, как убивали. Видел, как продавали. Видел, как ложь убила правду везде, даже в самой глубине человеческих душ. Лгали пьяные. Лгали в бреду. Лгали самим себе. Видел самое страшное — как люди научились забывать... Бог поставил меня свидетелем многих бед, но не дал мне силы. И поэтому я вышел из всех бед жизни. Но душа — искалечена. Я не боюсь смерти, но людей боюсь — вот в чем моя душевная болезнь. А кто стал бояться людей, тот уже не судья им и даже не свидетель в том Суде, который всё же будет когда-нибудь. Когда начнется суд, бедный трус подумает: с моим терпением и молчанием я соучастник, а не свидетель и не судья. Когда-то молчал, потому что мне грозит смерть, как же я смею кричать теперь? И всё, что он мог рассказать, погибнет. Неужели всё, что я могу рассказать — погибнет? Нет, если я поставлю себя в один ряд и с виновными, и с обвинителями и не буду судить, и не буду свидетельствовать за или против, а вспоминать и, сдерживая трепет и страх, — говорить» [1].

Е. Шварц жил в эпоху, когда большевистская догма пыталась подавить стремление к Истине. Жизненный и творческий подвиг писателя в том, что он не молчал, он говорил с современниками — через боль, через страх и трепет. Лучшие произведения Шварца были запрещены, лишь в 1960-е он становится популярным.

Важно помнить и понимать, что Евгений Шварц был верующим человеком.

«Первое посещение церкви, которое запечатлела его память, произошло летом 1899-го в Екатеринодаре, где жили родные его отца. В дневнике за 1954 год Шварц так рассказывает об этом: «Я стою, судя по всему, в алтаре. Священники в белых ризах служат, поют, взмахивая кадилом... На блюде лежит нечто полукруглой формы... Эту странную службу я запомнил отчетливо на всю жизнь. И часто в нее играл, поворачиваясь величественно и взмахивая кадилом». А года через два бабушка по материнской линии, узнав, что родители еще ни разу не причащали Женю, отвела его в храм. Это была церковь в городе Жиздра. «Когда я принял Причастие, то почувствовал то, чего никогда не переживал до сих пор. Я сказал бабушке, что Причастие прошло по всем моим жилочкам, до самых ног. Она ответила, что так и полагается. Много спустя я узнал, что дома она плакала. Она увидела, что я дрожал в церкви, — значит, Святой Дух сошел на меня» [2].

Позже, в расстрельные тридцатые и сороковые, Евгений Львович не боялся открыто дружить с академиком Владимиром Ивановичем Смирновым, знаменитым математиком, ездившим каждую субботу из Комарова в Никольский Морской собор к всенощной; с большим почтением отзывался об архиепископе Крымском и Симферопольском Луке (Войно-Ясенецком), ныне прославленном в лике святителей. В доме Шварцев часто бывали сын владыки Луки — Михаил, известный патологоанатом, и священник Иоанн Чакой, служивший в кафедральном Никольском соборе. Слушал Евгений Львович вместе с супругой Екатериной Ивановной и еженедельные проповеди архиепископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского) в передачах «Голоса Америки» [3].

Пьеса «Дракон», начатая Е. Шварцем ещё до войны, была завершена в 1944 г. В этом же году состоялась премьера «Дракона» в Театре комедии (постановка Н. Акимова), почти сразу же после неё спектакль был запрещен. Он вернется на сцену только через 18 лет, уже после смерти Шварца.

Первоначально пьеса воспринималась как антифашистская. Косвенно указывают на такое содержание произведения облик города, европейские имена персонажей, ненависть дракона к цыганам. Но, по сути, образ города как бы наднационален и выписан вне конкретно-исторической эпохи.

В образе дракона, 400 лет властвующего над городом и совершенно поработившего его жителей, советские цензоры увидели не столько Гитлера, сколько Сталина. Но Е. Шварц, как нам видится, писал не только о своей эпохе. Сказка-притча с её символичностью говорит о вневременном и надвременном. Шварц, как и Достоевский в «Великом Инквизиторе», поднимает проблему свободы как тяжкой духовной ноши. Драматург создаёт универсальную художественную модель взаимоотношений бесчеловечной власти и человеческого общества, этой власти подчинившегося.

«Страшный и умный дух, дух самоуничтожения небытия», перед которым преклоняется Великий Инквизитор, предстает у Шварца в облике дракона. Два произведения в целом связывает мысль Дракона, бургомистра и Великого Инквизитора о том, что большинство людей переживает «невыносимость свободы» и инстинктивно ищет, «перед кем бы преклониться», причем, «непременно всем вместе».

Дракон — «огромное древнее злобное» чудовище. «Он вывихнул вашу душу, отравил кровь и затуманил зрение», — удивительно точна характеристика драконовой власти, принадлежащая Ланцелоту. Дракону нужна не столько власть внешняя, подчиненность людей его воле, сколько власть над душами.

Необыкновенна важна для Шварца тема души человеческой и проблема её искажения под властью зла. Духовная сущность драконовой власти очевидна: дракон — образ врага рода человеческого, князя тьмы.

Прочитаем фрагмент перед битвой Ланцелота и дракона.

Дракон. Страшно вам?

Ланцелот. Нет.

Дракон. Вранье, вранье. Мои люди очень страшные. Таких больше нигде не найдешь. Моя работа. Я их кроил.

Ланцелот. И все-таки они люди.

Дракон. Это снаружи.

Ланцелот. Нет.

Дракон. Если бы ты увидел их души — ох, задрожал бы.

Ланцелот. Нет.

Дракон. Убежал бы даже. Не стал бы умирать из-за калек. Я же их, любезный мой, лично покалечил. Как требуется, так и покалечил. Человеческие души, любезный, очень живучи. Разрубишь тело пополам — человек околеет. А душу разорвешь — станет послушной, и только. Нет, нет, таких душ нигде не подберешь. Только в моем городе. Безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души. Знаешь, почему бургомистр притворяется душевнобольным? Чтобы скрыть, что у него и вовсе нет души. Дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души. Нет, нет, жалко, что они невидимы.

Ланцелот. Это ваше счастье.

Дракон. Как так?

Ланцелот. Люди испугались бы, увидев своими глазами, во что превратились их души. Они на смерть пошли бы, а не остались покоренным народом. Кто бы тогда кормил вас?

Дракон. Черт его знает, может быть, вы и правы [4].

Важно, что дракон пытается запугать Ланцелота не ужасами предстоящей битвы, а картиной словно бы в стиле Босха — зрелищем безнадежно изуродованных душ, ради которых не стоит совершать подвиги. Дракон обладает духовным зрением — видит духовную сущность человека. Души предстают в словах дракона в конкретно-зримых образах. Перед нами ряд метафор, за которыми стоит страшная реальность не просто падения, а разложения души. Когда, сраженный Ланцелотом, дракон умирает, он зовет своих ближайших слуг и помощников, тех, кто клялся ему в верности: «Эй, кто-нибудь! Ты, Миллер! Ты мне хвост целовал при встрече. Эй, Фридрихсен! Ты подарил мне трубку с тремя мундштуками и надписью “Твой навеки”. Где ты, Анна-Мария-Фредерика Вебер? Ты говорила, что влюблена в меня, и носила на груди кусочки моего когтя в бархатном мешочке. Мы издревле научились понимать друг друга». Но рядом никого нет. Чудовище сокрушается: «Надо было скроить хоть одну верную душу. Не поддавался материал». Здесь явственно ощущим мотив борьбы против Творца, создателя душ человеческих. Задача дракона — «перекроить» человека, лишить его человечности, устранить как помеху образ Божий и саму возможность богоподобия.

Дракон, подобно Инквизитору Достоевского, воспринимает человека как подлое и ничтожное существо. Но если драконова точка зрения дана «без прикрас», то у Инквизитора эта позиция прикрыта псевдосочувствием к человеку, к его слабости (вернее, к слабости большинства людей, неспособных следовать за Христом). «Ты обещал им хлеб небесный, но, повторяю опять, может ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагородного людского племени с земным? И если за тобою во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станет с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? Иль тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу и над ними господствовать так ужасно им станет под конец быть свободными! Но мы скажем, что послушны тебе и господствуем во имя твое. Мы их обманем опять, ибо тебя мы уж не пустим к себе» [5].

В «Великом Инквизиторе» Достоевский вскрывает антихристианскую суть гуманизма, который в центр мироздания ставит человека, его интересы и ценности, но при этом отвергает источник подлинных ценностей и подлинной человечности, немыслимой без духовной свободы.

Итак, дракон — многослойный, многозначный образ, в котором временное сочетается с надвременным. Автор говорит о бесчеловечной власти и указывает на её источник, существовавший ещё до начала истории человечества (в подтексте — мотив соперничества с Творцом).

Многозначен и образ Ланцелота (символично имя — эмблема рыцарства, благородства, чести, мужества). Ланцелот знает о книге, «исписанной наполовину», которая лежит в пещере, в Чёрных горах, книга «о всех несчастных, страдающих напрасно». Ланцелот — один из немногих, для кого пишется эта книга. «Мы внимательные, легкие люди», «мы вмешиваемся в чужие дела...».

Бургомистр, изображающий помешанного, кликушествует, обращаясь к Ланцелоту: «Слава тебе, осанна, Георгий Победоносец!»

Ланцелот: «Это мой дальний родственник». Так входит в сюжет пьесы история святого Георгия, который спас царскую дочь и город от змея и обратился к Христу.

После воцарения нового дракона-бургомистра ещё раз прозвучит имя св. Георгия: «Ланцелот, он же Георгий, он Персей-проходимец, в каждой стране именуемый по-своему, не обнаружен».

Ланцелот вступает за человеческое в людях, по сути, — за образ Божий в человеке. Нисколько не колеблясь, он объявляет войну дракону, не ожидая от людей благодарности. Им движет желание прежде всего освободить их души, открыть им глаза. И здесь возникает параллель между образом Ланцелота и образом Христа: «Послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу» (Лк. 4:16-22). Смертельно раненый, Ланцелот прощается с людьми словами, напоминающими слова Христа: «Не бойтесь! Это можно — не обижать вдов и сирот. Жалеть друг друга тоже можно. Не бойтесь! Жалейте друг друга. Жалейте — и вы будете счастливы. Честное слово, это правда, чистая правда, самая чистая правда, какая есть на свете» [6].

Но нужна ли людям свобода, за которую Ланцелот готов отдать жизнь? В пьесе Шварца мы видим словно бы продолжение сюжета Достоевского, иллюстрацию того, о чем говорит Великий Инквизитор. Горожане стараются как можно более комфортно устроиться при драконе. («Единственный способ избавиться от драконов — иметь своего собственного»). Им вовсе не нужна свобода. Даже самые лучшие из них давно смирились. «У нас очень тихий город. Здесь никогда и ничего не случается», — говорит Ланцелоту Шарлемань, хотя его единственная, любимая дочь Эльза завтра должна отправиться в логово дракона и умереть там. Вытравлена даже способность думать. Шарлемань в финале признается: «Я научился думать, это само по себе мучительно». Подобострастие становится рефлексом. Отмирает потребность быть свободными. Бургомистр после боя, когда дракон побежден Ланцелотом, заявляет: «Всё идёт великолепно. Покойник воспитал их так, что они повезут любого, кто возьмет вожжи».

После смерти дракона бургомистр становится «президентом вольного города», объявив себя победителем, и горожане как должное, безропотно принимают эту власть, лишь некоторые из них тайно

пишут букву «Л» на воротах и стенах домов в память о настоящем победителе — Ланцелоте. Предсказание дракона о бессмысленности подвига рыцаря как будто оправдывается, и третье действие пьесы в некоторых эпизодах словно бы зеркально отображает начало, действие первое.

Действие первое.

Дракон. Да. Мы воистину друзья, дорогой Шарлемань. Каждому из вас я даже более чем просто друг. Я друг вашего детства. Мало того, я друг детства вашего отца, деда, прадеда. Я помню вашего прапрадеда в коротеньких штанишках. Черт! Непрошенная слеза. Ха-ха! Приезжий таращит глаза. Ты не ожидал от меня таких чувств? Ну? Отвечай! Растерялся, сукин сын. Ну, ну. Ничего. Ха-ха. Эльза!

Эльза. Да, господин дракон.

Дракон. Дай лапку.

Эльза протягивает руку Дракону.

Плутовка. Шалунья. Какая теплая лапка. Мордочку выше! Улыбайся. Так. Ты чего, прохожий? А?

Ланцелот. Любуюсь [7].

Действие третье.

Бургомистр (*считает вполголоса гостей*). Раз, два, три, четыре. (*Потом приборы.*) Раз, два, три... Так... Господа, прошу за стол. Мы быстро и скромно совершим обряд бракосочетания, а потом приступим к свадебному пиру... Как приятно быть богатым, господа! Все уселись? Отлично. Постойте-постойте, не надо есть, сейчас мы обвенчаемся. Одну минутку! Эльза! Дай лапку!

Эльза протягивает руку Бургомистру.

Плутовка! Шалунья! Какая теплая лапка! Мордочку выше! Улыбайся! Все готово, Генрих?

Генрих. Так точно, господин президент [8].

Важной в развитии сюжета пьесы является мотив сыновства и преемства. Дракон в человеческом облике запросто, «по-семейному», заходит в дома горожан. Генриха он «отечески» называет «мальчиком». Генрих, сын бургомистра, бывший жених Эльзы в своей низости и двуличии — точная копия своего отца. Отец, человек, у которого, как заметил дракон, «вовсе нет души», — преемник дракона с его методами управления городом. Горожане легко приспосабливаются

к новым условиям и так же, как дракона, убеждают «президента» в своей преданности.

Эльза оказывается жертвой нового дракона. В монологе Эльзы звучит мысль автора о преемственности зла. Она пытается пробудить человечность в горожанах, но отзывается на её слова лишь маленький мальчик (евангельский мотив чистоты детской души), которого мать крепко держит за руки.

Эльза. Друзья мои, друзья! Зачем вы убиваете меня? Это страшно, как во сне. Когда разбойник занес над тобою нож, ты еще можешь спастись. Разбойника убьют, или ты ускользнешь от него... Ну а если нож разбойника вдруг сам бросится на тебя? И веревка его поползет к тебе, как змея, чтобы связать по рукам и ногам? Если даже занавеска с окна его, тихая занавесочка, вдруг тоже бросится на тебя, чтобы заткнуть тебе рот? Что вы все скажете тогда? Я думала, что все вы только послушны дракону, как нож послушен разбойнику. А вы, друзья мои, тоже, оказывается, разбойники! Я не виню вас, вы сами этого не замечаете, но я умоляю вас — опомнитесь! Неужели дракон не умер, а, как это бывало с ним часто, обратился в человека? Тогда превратился он на этот раз во множество людей, и вот они убивают меня. Не убивайте меня! Очнитесь! Боже мой, какая тоска... Разорвите паутину, в которой вы все запутались [9].

Слова Эльзы о том, что дракон превратился во множество людей, обращают нас к мысли о страшном сыновстве: драконово начало вошло в плоть и кровь горожан глубоко и прочно, они словно бы «усыновились» дракону и таким образом сделали его бессмертным.

Художественная интуиция Евгения Шварца проникла в духовную проблему человека двадцатого столетия, который сполна пожал плоды деятельности «сынов противления». Богоборческая по сути своей, она была направлена на смену ценностной парадигмы личности и достигла своей цели.

Верность и преданность заменились предательством, смирение перед Богом и послушание — подхалимством перед властью, чистота и целомудрие объявлены смешной наивностью, храбрость и благородство — сумасшествием, и место Бога в человеческой душе занял дракон.

Неожиданное возвращение Ланцелота напоминает Второе пришествие и Страшный суд. Ланцелот знает обо всем, что происходило в городе.

Ланцелот. Зашел, но в шапке-невидимке, рано утром. Я тихо поцеловал тебя, так, чтобы ты не проснулась. И пошел бродить по городу. Страшную жизнь увидел я. Читать было тяжело, а своими глазами увидеть — еще хуже. Эй вы, Миллер!

Первый горожанин поднимается из-под стола.

Я видел, как вы плакали от восторга, когда кричали бургомистру: «Слава тебе, победитель дракона!»

1-й горожанин. Это верно. Плакал. Но я не притворялся, господин Ланцелот.

Ланцелот. Но ведь вы знали, что дракона убил не он.

1-й горожанин. Дома знал... а на параде... (Разводит руками.)

Ланцелот. Садовник!

Садовник поднимается из-под стола.

Вы учили львиный зев кричать: «Ура президенту!»?

Садовник. Учил.

Ланцелот. И научили?

Садовник. Да. Только, покричав, львиный зев каждый раз показывал мне язык. Я думал, что добуду деньги на новые опыты... но...

Ланцелот. Фридрихсен!

Второй горожанин вылезает из-под стола.

Бургомистр, рассердившись на вас, посадил вашего единственного сына в подземелье?

2-й горожанин. Да. Мальчик и так все кашляет, а в подземелье сырость!

Ланцелот. И вы подарили после того бургомистру трубку с надписью «Твой навеки»?

2-й горожанин. А как еще я мог смягчить его сердце?

Ланцелот. Что мне делать с вами?

Бургомистр. Плюнуть на них. Эта работа не для вас. Мы с Генрихом прекрасно управимся с ними. Это будет лучшее наказание для этих людишек. Берите под руку Эльзу и оставьте нас жить по-своему. Это будет так гуманно, так демократично [10].

Здесь снова уместно вспомнить Великого Инквизитора, для которого появление Спасителя в Севилье становится помехой к осуществлению «гуманной» идеи превращения человечества в послушное стадо. «Да ты и права и не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано тобой прежде. Зачем же ты пришёл нам мешать? Ибо ты пришёл нам мешать и сам это знаешь» [11].

Но Ланцелот не уходит. Он продолжает «вмешиваться в чужие дела». Преемник дракона отправлен в тюрьму, «откуда нет возврата». Ланцелот остается с горожанами, чтобы попытаться полностью исцелить их. «Работа предстоит мелкая, хуже вышивания. В каждом из них придётся убить дракона».

Финал пьесы остается открытым. Читатель (зритель) не видит «мелкой работы» Ланцелота с «вывихнутыми» человеческими душами, но остается надежда на то, что дальнему родственнику святого Георгия эта работа по плечу, тем более что у него есть единомышленники. Мотив преемства значим и в отношении Ланцелота. Сыны противления встретились лицом к лицу с сынами света в художественном пространстве пьесы Е.Л. Шварца и вынуждены были отступить.

Литература

1. <https://foma.ru/shvarc-cto-o-ego-neobychnyh-skazkah-bez-hjeppi-jendov-vy-ne-uznaete-iz-jekranizacij.html>
2. <https://foma.ru/ispravit-vyivixnutyie-dushi.html>
3. <https://foma.ru/ispravit-vyivixnutyie-dushi.html>
4. Шварц Е.Л. Антология сатиры и юмора XX века. Т. 4. — М.: Эксмо-пресс, 2000. — 608 с. — С. 281.
5. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. — М.: Эксмо, 2006. — С. 261.
6. Шварц Е.Л. Антология сатиры и юмора XX века. Т. 4. — М.: Эксмо-пресс, 2000. — 608 с. — С. 299.
7. Там же, с. 262.
8. Шварц Е.Л. Антология сатиры и юмора XX века. Т. 4. — М.: Эксмо-пресс, 2000. — 608 с. — С. 312.
9. Там же, с. 314.
10. Шварц Е.Л. Антология сатиры и юмора XX века. Т. 4. — М.: Эксмо-пресс, 2000. — 608 с. — С. 318-319.
11. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. — М.: Эксмо, 2006. — С. 258.

**Слово Святейшего Патриарха Тихона,
сказанное в храме Христа Спасителя (в Москве)
перед началом новогоднего молебна**

01 (14) января 1918 года [1]

Минувший год был годом строительства Российской державы. Но увы! Не напоминает ли он нам печальный опыт вавилонского строительства?

На всей земле был один язык и одно наречие. И сказали люди: построим себе город и башню высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошёл Господь посмотреть город и башню, которую строили сыны человеческие. И сказал Господь: сойдём и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле (Быт. 11:1, 4-5, 7-8). Не угодно было Господу строительство Вавилонское, противно планам Божественного домостроительства. «Сотворим себе имя» — не напоминает ли это желание наших прародителей быть яко боги (Быт. 3:5), и единый дотоле язык смешался в разные наречия, и единый народ разделился на разные племена, враждебные друг другу и истреблявшие одно другое.

Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущие его, напрасно рано встают и поздно просиживают (Пс. 126:1-2). Это исполнилось в древности на вавилонских строителях. Сбывается днесь и воочию нашею. И наши строители желают сотворить себе имя, своими реформами и декретами облагодетельствовать не только несчастный русский народ, но и весь мир, и даже народы гораздо более нас культурные. И эту высокомерную затею их постигает та же участь, что и замыслы Вавилонян: вместо блага приносится горькое разочарование. Желая сделать нас богатыми и ни в чем не имеющими нужды, они на самом деле превращают нас в несчастных, жалких, нищих и нагих (Апок. 3:17). Вместо так ещё недавно великой, могучей, страшной врагам и сильной России они сделали

из неё одно жалкое имя, пустое место, разбив ее на части, пожирающие в междоусобной войне одна другую. Когда читаешь «Плач Иеремии», невольно оплакиваешь словами пророка и нашу дорогую Родину.

Как Господь поверг на землю красу нашу, как разрушил укрепления, как отверг царей и князей наших. Страна, некогда многолюдная, стала одинока, как вдова, великий между народами князь над областями делается данником. Горько плачет он, и слезы на ланитах его, и нет у него утешителя. Враги его стали во главе, неприятели благоденствуют, и враг простёр руку на самое драгоценное у него. Воззри, Господи, и посмотри, как мы унижены, и есть ли болезнь, как наша, какая постигла нас. Весь народ вздыхает, ища хлеба, отдаёт драгоценности свои за пищу, дрова достаёт за большие деньги, и наследие наше переходит к чужим. Дети просят хлеба, и никто не подаёт им. Евские сладкое истаевают на улицах, и воспитанные на багрянице жмутся к навозу (Плач. 2:1-2; 1:1-2, 5:10-12; 4:4-5; 5:2-4). И это в стране, бывшей житницею целой Европы и славившейся своими богатствами.

И вся эта разруха, и недостатки оттого, что без Бога строится ныне Русское Государство. Разве слышали мы из уст наших правителей святое имя Господне в наших многочисленных советах, парламентах, предпарламентах? Нет. Они полагаются только на свои силы, желают сделать имя себе, а не так, как наши благочестивые предки, которые не себе, а имени Господню воздавали славу. Оттого Вышний посмеётся планам нашим и разрушит советы наши. Подлинно праведен Ты, Господи, ибо мы не покорны были Слову Его (Плач. 1:18).

Забыли мы Господа! Бросились за новым счастьем, стали бегать за обманчивыми тенями, прильнули к земле, хлебу, к деньгам, упились вином свободы, — и так, чтобы всего этого достать как можно больше, взяли именно себе, чтобы другим не оставалось. Заботимся о том, что преходит, — прилежати же о душе, вещи бессмертной, совсем забываем. Оттого и наши заботы о создании «храмин и житниц» постигает неудача. Церковь осуждает такое наше строительство, и мы решительно предупреждаем, что успеха у нас не будет никакого до тех пор, пока не вспомним о Боге, без Которого ничего доброго не может быть сделано (Ин. 15:5), пока не обратимся к Нему всем сердцем и всем помышлением своим

(Мф. 22:37). Теперь все чаще раздаются голоса, что не наши замыслы и строительные потуги, которыми мы были так богаты в минувшее лето, спасут Россию, а только чудо, — если мы будем достойны этого.

Будем же молить Господа, чтобы Он благословил венец наступающего лета Своею благостию, и да будет оно для России лето Господне, благоприятное (Ис. 61:2).

Января 1 (14) дня 1918 г.

Литература

1. Церковные ведомости. — 1918. — №1.

**Человек есть тайна
(«Легенда о Великом Инквизиторе») [1]**

Легенда о Великом Инквизиторе — художественно завершённый образ искусства лжи. Достоевский собрал в фокус все возражения против Бога и дела Христова в мире и выявил это в Легенде.

Один из центральных пунктов диалектики зла состоит в том, что оно хочет быть *более милостивым* к людям, чем *Сам Творец*. Все современные социальные соблазны основаны на этой демагогии, якобы любви к человечеству, на желании «защитить человечество от Христа» (от «слишком высокого» идеала). «Слишком много от человека потребовал» — таков упрёк зла Христу. «Уважая его менее, менее бы от него и потребовал, а это было бы ближе к любви, ибо легче была бы ноша его» Такова демагогия Инквизитора.

«Чем виновата слабая душа, — говорит Инквизитор, — что не в состоянии вместить столь страшных даров?» ...Но именно слабая, осознавшая себя *слабой*, душа только и способна вместить Божьи дары. Великость Божьих даров именно в том, что они входят силой именно в слабую, нищую (не мнящую себя сильной) душу. Благодать ищет не героев, не титанов и прометеев, а «нищих духом», доверчиво-детских сердцем... Этого понять Инквизитор не может, не хочет, его мысль занята *всецело земным*. <...>

Инквизитор хочет сделать всех людей «младенцами», *не догадывающимися о своём грехе*. Себя он провозглашает «искупителем» — в отрицании. Мы, знающие, «берём на себя грехи людей»; мы не говорим им, что грех есть преступление, и *этим облегчаем жизнь людей*. Таков предел чаяний антихристианства и смысл «искупления» лжи. Оно есть приобщение души к последней гибели.

Что вдохновило Достоевского на создание повести? Сама жизнь, которую он увидел в её корнях. И он пожелал выявить в мире зло так, *чтобы виднее стала дорога к Богу*. В 17-й главе Апокалипсиса — ключ к Легенде о Великом Инквизиторе. Эта глава о соблазне вавилонской блудницы, участвующей в развращении

мира; она царствует и грешит со всеми царями земными, закрывая от людей небо, устремляя человеческие глаза исключительно к земле, погружая их в похоть физическую и духовную. Но будет Суд над представителями вавилонического учения, которые пытаются хозяйничать в истории без Бога и Сына Божьего. «И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш, и, говоря со мною, сказал мне: подойди, я покажу тебе суд над великою блудницей, сидящею на водах многих; с ней блудодействовали цари земные, и вином е блудодеяния упивались живущие на земле» (Откр. 17:1-2).

Самое глубокое преступление против любви происходит не в области плоти, а *духа*. Люди призваны отдавать своё бессмертное сердце Богу. Но, впадая в *духовное прелюбодействие*, они отдают сердце одним земным ценностям, материальным задачам и интересам. Правители народов так и «прелюбодействуют», заражая свои страны гордыней *автономности* от нравственных законов, *независимости от Творца*.

«...И я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами», — говорит Иоанн Богослов (Откр. 17:3). «Семь голов» — это семь смертных грехов, а «десять рогов» есть указание на то, что апокалиптический зверь борется против 10 заповедей Божиих и бодает их...

«Зверь, которого ты видел, — говорится в Откровении Иоанна, — был, и нет его, и выйдет из бездны, и пойдет в погибель; и удивятся те из живущих на земле, имена которых не вписаны в книгу жизни от начала мира, видя, что зверь был, и нет его, и явится» (Откр. 17:8).

Те, которые «удивляются», должны перестать удивляться временной силе беззакония, приняв слова *Христовы*, что Он будет последним победителем всего.

Великий Инквизитор, адвокат «Вавилона», противления Творцу. «Вавилонический» в истории дух всё по-разному пытается захватить человечество. *Только именем Христовым*, Богочеловеческим, можно защититься от зла. Только наученный Христом, человек способен заметить свою ложь и ложь окружающей жизни и пронизать ложь тем острым духовным взглядом, который, как это почувствовал Инквизитор, лежал на нём, когда он говорил перед Христом.

Мы знаем окончание поэмы... Инквизитор отпускает Пленника... Но Инквизитор говорит слова, мучительные для Христа более голгофских гвоздей. Инквизитор говорит Сыну Божьему: «Ступай, ступай, и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!»

Литература

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. В 2-х т. Т.2. — М., 2010. — С. 536-539.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
протоиерей Сергей Гомаюнов. Библейское понятие «сыны противления»	5
Година С.А. Дух революции: стихотворение Ф.И. Тютчева «Наш век»	17
Суздальцева Н.В. Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» как новое «евангелие» сынов противления	23
Косарева Т.М. Цареубийство как «условие достижения всеобщего счастья»: от Сенатской площади до Ипатьевского дома	49
Маринина Е.Г. «Сыны противления» в зеркале «Бесов» Ф.М. Достоевского	63
Шерстнева О.Г. Лев Толстой как ложный христианин	83
С.В. Балыбердина. В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Я.М. Свердлов как «сыны противления» в истории России	91
С.А. Година. Дух революции: отражение революционных событий в литературных произведениях	110
Е.Ю. Кальманова. «Добыть истину из середины земного праха»: библейские смыслы романа А. Платонова «Котлован»	117
Н.В. Суздальцева. Цивилизация подмены в «Легенде о Великом Инквизиторе» Ф.М. Достоевского	125
Н.Г. Матвеевская. Художественное осмысление деятельности сынов противления в пьесе Евгения Шварца «Дракон» (1942-1944)	134
Приложения	
Слово Святейшего Патриарха Тихона, сказанное в храме Христа Спасителя (в Москве) перед началом новогоднего молебна 01 (14) января 1918 года	145
Архиепископ Иоанн (Шаховской). Человек есть тайна («Легенда о Великом Инквизиторе»)	148

Для заметок

«Сыны противления» в отечественной истории.

Серия: история, литература

Технический редактор *М.А. Гришин*

Отпечатано в типографии ООО «Юнион Принт»,
603022, Нижний Новгород, Окский съезд, 2.
Тираж 1000 экз.